

*Познавая
зазеркалье*

**ТИМН СВЕЧИ ОТ
С. МАРУСЕНКО**

Над рощей золотою горит пожар заката,
И обнимает осень мои Боровичи..
На светлый дар поэта земля у нас богата.
И мы спешим с тобою на огонёк «Свечи».
Рекой течёт беседа за ароматным чаем.
И время мчится птицей над полноводной Мстой.
Мы наполняем вечер негромкими речами,
Мы наполняем душу добром и красотой.
Рифмованные строки плетут узор осенний.
А под окном рябина как будто в кумаче.
Цветаева и Бродский, Тарковский и Есенин
Присутствуют незримо меж нами на «Свече».
А ровно через месяц мы соберёмся снова.
И вновь польются строки, мелодией звуча.
И светоч вдохновенья, и пламенное слово
Вовеки не погаснут, пока горит «Свеча»

Познавая зазеркалье

*Приложение к
литературно-краеведческому изданию «Б.О.Л.Т.»*

Каждый грамотный человек в состоянии написать книгу о своей жизни, одно-два стихотворения. Нет ничего более волнующего, чем путешествие в собственное прошлое. Человек начинает писать, значит, пришло время вылупиться, разбить скорлупу, в которой родился, и выйти на свет отличной от других поступью. Познать действительность. Познать её своим особым способом, присущим только ему. Оповестить о том, что он стал другим.

Может, внешне человек не изменился, и одеваться он не стал по-другому, и походку не переменил, и от привычек не отказался, но желание писать, как бы открывает третий глаз, взгляд на происходящее вдруг иным становится.

Время, вроде бы, для всех одно. Но у каждого времени свои приметы, каждый в окружающем отмечает только своё, затронувшее его струны души. И, дай Бог, чтобы зазвенели эти струны неповторимым голосом. Поэт отталкивается от слышанного и воображаемого. Хорошо бы научиться фиксировать в своей памяти житейские случаи и мелочи. Они расширяют представления о жизни. Опираясь на эти представления, можно строить воображение и добиваться точности изображения. Воображение питается жизнью.

Вредно рецепты прописывать со стороны. У каждого из поэтов «Свечи» свой голос. И написанное ими требует отклика - отклик всё равно что человеческий голос в лесу. Чем громче голос, тем богаче тембр эха. Каждому «свечисту» есть что сказать. Мне кажется, что каждая написанная строчка - это поступок, это проявление сущности человека, проявление ума, сердца. И при этом со счетов нельзя сбрасывать великую силу разговорной интонации.

«Свечисты» все разные. И по темпераменту, и по тональности, и по возрасту, и по умению закрутить строчку. И способность передать первозданное чувство у всех разная. Но всех «свечистов» соединило слово, соединило желание заявить о поэтической исключительности. Сила чувств, разума, энергия творчества, конечно же, измеряются силой одарённости. Конечно же, переход от созерцательности к осмыслению, рождает неприятие многого. Конечно же, каждый хочет оставить свой след на дороге жизни. Как-то слышал высказанную мысль, что если после прочтения стихотворения в памяти не остаётся ни одной строчки или слова, то такая поэзия ничего не стоит.

Можно принимать этот тезис, можно отвергать, но творчество членов клуба «Свеча» запоминается.

В. Мартынов, член СП России.

БОРОВИЧИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ

24 мая 2021 года Союз писателей России присвоил Боровичам почётное звание «Литературный город России».

Один из основных критериев для присвоения этого звания – активная работа литобъединений. Боровичскому литературному объединению 94 года, оно – одно из старейших в России. С его историей связаны имена таких мастеров слова, как: Виталий и Кронид Гарновские, Антонин Чистяков, Евдоким Русаков, Юрий Шарков, Лев Фрумкин, Евгений Денисов, Владимир Краснов...

Помимо ЛитО в городе созданы и работают ещё несколько творческих объединений. В 2011 году создан литературно-музыкальный салон «Муза», более 30 лет существует творческий клуб «В мире прекрасного» и уже 11 лет при районной библиотеке действует молодёжный литературный клуб «Свеча» – растёт молодая смена.

В присвоении этого звания есть и заслуга местных СМИ, которые публикуют произведения наших авторов, рассказывают о литературной жизни Боровичей.

Это относится и к изданию «БОЛТ» (Боровичское Объединение Литературных Талантов), ведь на его страницах с 2016 года представлены произведения многих боровичских поэтов и писателей, работы краеведов. Основа этого издания – молодёжный литературный клуб «Свеча» (рук. М. А. Булгакова), участниками которого являются как начинающие поэты и прозаики, так и члены Союза Писателей России.

«Б.О.Л.Т.» постоянно совершенствуется, в нём можно прочитать и стихи, и прозу. Руководители этого проекта (Георгий Иванов и Валерий Мартынов) пытаются противостоять слепому подражанию всему иностранному в литературе и искусстве; попыткам предать забвению классические и национальные традиции. Страницы газеты наполнены искренними, светлыми мыслями и чувствами. Для многих начинающих авторов публикация в этой газете – единственный вариант, чтобы их произведения были прочитаны и оценены читателями.

СПАСИБО, «БОЛТ»! НОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ СВЕРШЕНИЙ!

*Руководитель Боровичского литературного объединения
С. Ю. Журавлев*

Поэзия

Валерия Арсентьева
(литературный клуб «Свеча» г. Боровичи)

ПОЧЕМУ НЕ СПИТ ПОДУШКА?

День прошёл, вокруг – темно,
Звезд вверху полным-полно,
Спят деревья и кусты,
На лугу – трава, цветы.
Спит мышонок в тёплой норке,
Обнимая хлеба корку,
Спит почти весь белый свет...,
А подушка Зося – нет!
С боку на бок повернётся,
Полежит, перевернётся...,
Что ни делай – не уснёт,
Раз Андрюшка не идёт.
Тот Андрюшка – друг подушки,
Он кладёт её под ушко,
Прижимается щекой,
Спит и видит сон цветной:
Там и радуга-дуга,
Розовеют облака,
Солнце синее сияет,
Речка желтая петляет...
Крылья бабочек – в горошек,
Шёрстка в клеточку - у кошек,
Сказок красочных не счесть
В каждом сне по сказке есть!
Приходи скорей, Андрюшка,
Без тебя грустит подушка,
Спать давно пора бы ей
Уложи её скорей!

ПОЧЕМУ ПРОМОКАЮТ БОТИНКИ?!

В прихожей, на коврике, чинно стояли
Два новых ботинка, вернее, почти...
Вчера их купили (последние взяли!)
Сегодня, чуть свет, погулять повели.
Вдруг левый ботинок «зашмыгал» - простужен!
Конечно, зачем же он бегал по лужам?!
Промок и протёк – вот дела, незадача!
Теперь от него будет разве отдача?!
Кто станет ходить в отсыревшем ботинке?
И бегать вприпрыжку по узким тропинкам?!
Положат в коробку хоть старый, хоть новый,
Носить будут правый – сухой и здоровый!
Но взяли «больного» за мокрую пятку
Отмыли, отчистили влажною тряпкой,
Намазали кремом, бока просушили,
Не знал он, что так его сильно любили!
Чудесный ботинок с блестящею кожей
Опять красовался при входе, в прихожей,
А рядом «грустилось» ботинку второму:
Здоровым он был, всё внимание – больному...
С прогулки вечерней вернулись ботинки,
Набегались вдоволь по узким тропинкам,
По лужам бежали, по лужам, по лужам –
Простужен и левый, и правый – простужен!

ПОЧЕМУ РВУТСЯ НОСКИ?

Что за чудо, что за диво –
палец из носка торчит!
Будто бы живой, игриво,
Он шевелится, бандит!
Просто скучно пальцу было
В темноте твоих носков,
Потому-то, что есть силы
Он стремился из оков!
Поднатужился немножко—
Крепость пальцев вся в ногах—
И прорвал себе «окошко»
Прямо в беленьких носках.
Вам, конечно, неприятно:
Ведь не старые совсем,
Пальцу – что! Ему занято:
Видно – всё, и виден – всем!

КОРОВА НА ЛЬДУ

Корова Муня в восхищенье:
Пришла зима – и в воскресенье
На льду искрящемся реки
Она испробует коньки!
Неделя мигом пронеслась,
С утра пораньше собралась,
Со всех своих коровьих ног
Бежит бурёнка на каток!
В мечтах скользит она, кружится,
Летает ласточкою-птицей
И даже делает прыжок...
Ой-ой! Не натянуть конёк!
Да, ноги видно велики
Копыта больше, чем коньки!
Как жаль, размер не подошёл,
А больше нет, итак большой!..
На льду искрящемся реки,
Отставив тесные коньки,
Коровка Муня, босиком,
Сменяет поворот – прыжком!
Хоть разъезжаются копыта
По обе стороны- забыто!!!
А то и плюхнется корова
Встаёт она и снова-снова
Катает номер свой упрямо!
Так времени осталось мало
...Бычку на День рождения
Готовит выступление!!!

ПОГЛАДЬТЕ КОТА!

У Гошки неприбранный вид:
лохматится рыжая спинка.
Наверное, летняя линька
коту так досадно вредит.
Да нет же! Совсем он помят:
Вон складки на лапках и брюшке,
И даже пушистые ушки
Сегодня, как тряпки, висят.
Скорее погладьте кота!
Глядите, какой он послушный,
Утюжьте для ровности пущей
пальто шерстяного борта.
Пускай будет франтом ходить:
Такой показательно гладкий,
А завтра, как будто украдкой,
Себя перегладить просить.
P.S. Вопрос тут возник неспроста:
А как быть со стиркой кота?

А.Луна

(т.о. «Арт-Тиндер Даниловой» г. Саратов)

Повесь зеркало.
Оставь меня в комнате с ним одну.
Дай помолчать.
Дай насмотреться на этот порочный дух
Хотя бы сейчас.
Не сажай на кровать.
Я сама. На жёсткий холодный пол.
Прокручивая в голове клочки диких фраз,
Десятитысячный, наверно, укор
И странные письма.
Кисти расслабить.
Встать легко, как будто с попутным ветром.
Не вопрошая, зачем.
Нет причин. Есть только зеркало –
Не бывает других врачей.
Не бывает других решений.

Ты здесь не был сотни лет,
Ты не искал следов, ты жил в эфирах.
Хрусталь воды, фонтаны из порфира,
Стекло ветров, пирит и аметисты гроз,
Гелиодоры и шпатель комет...
Тебя здесь долго не было. Привет.
Здесь камень сдался наступленью лоз,
Здесь чистая вода уже болото,
Давным-давно обрушились мосты,
Дубовые могильные кресты,
Кругом тоска, везде зевота,
Болиголов вместо роз.
За чередой февралей
Из господина ты стал гостем.
Тебя здесь вспомнят только кости
Век ждавшей матери твоей.

Взгляд на зеркало
 Оттуда — рыба
 Красногребневая
 Даже красивая.
 Среди воды находиться логично,
 но я заворачиваюсь в полотенце.
 Не чтобы согреться,
 Распериываясь, как сыч.
 А чтобы по каплям
 стирать среду обитания
 почёрпнутую в кране
 Чтобы ножи мелькали
 чешую стёсывать
 блестящую
 податливую, как берёза,
 кожистую, как у ящера.
 И где-то
 за обломками гибких костей,
 надломленными клапанами жабр —
 хотя бы древесная жаба,
 хотя бы коростель,
 хотя бы божий пепел.

Лист. Стих. Хруст. Ком.
 Ночь? Нет. Пять, шесть?
 Свет, синь. Тишь, звон.
 Лечь.

Час — срок. Страх — прочь.
 Страх — бред. Ложь. Спи.
 Счёт: раз, два... Дрожь.
 Три.

Дверь, ключ. Путь, след.
 Крыл лёд, глаз хлад.
 Даль. Суть. Рок. Крест.
 Крах.

Сед холм, лес. Снег.
 Тень дня, бег фаз.
 Солнц блеск, стук древ
 Гас.

Дым, сор. Лун, звёзд,
 Тьмы, бурь, зим, лет,
 Зла, трат слов, слёз
 Нет.

Вновь свет. Смерть снов.
 Вновь в наш мир дверь.
 Бог — вновь. День — вновь.
 Верь.

Антон Батанов

(г. Чудово)

Провинциальный Новый Год

Это жизнь, такое не приснится,
 В голове эмоции не те.
 Валит снег, как теща за границу,
 Чтоб растаять в южной теплоте.
 Он, конечно, тот еще негодник,
 Сладковат, как красное вино,
 Режет суетой предновогодней
 В меру запотевшее окно.
 Пальцем вниз, и капли на запястье,
 Двор теперь и чётче и светлей.
 Дед Мороз стоит, как пьяный мастер,
 Говорит Снегурочке: «Налей!»
 И звенят промёрзшие стаканы,
 Погружая «огненную» в рот.
 Снег сегодня медленный и странный,
 Будто бы идёт наоборот.
 Бьют посуду где-то, по-соседству,
 Рядом с лесом дым уходит ввысь,
 словно веет праздником из детства,
 Умоляю: «Елочка, зажгись!»
 И гори, гори, а нас не балуй,
 Блеском серебристой мишуры.
 Валит снег, и я сваю, пожалуй,
 К Деду пить за Новый во дворы.
 Сядем с ним, и скроется, как птица
 Праздник в этой едкой пустоте.
 Это жизнь, такое не приснится,
 Видимо, эмоции не те.

Детство в деревне

А помнишь, друг, гудрон и нафталин,
 Сухарь на подоконнике вчерашний.
 Менял пластинку журавлиный клин
 На тихое курлыканье за пашней.
 Ходила кривобокая коса,
 Роняя стебли вызревшей осоки,
 Братьёв суровых злые голоса
 И матери, звенящий и высокий,
 Зовущий разместиться у печи,
 В большой семье, «не щёлкая» ни мига.
 И радио загадочно звучит,
 В руках отца раскрашенная книга
 Рисует стыд румянцем на щеке
 Художника, чьи слёзы неподдельны.
 Заходит тень на дырку в чердаке,
 А завтра детский сад и понедельник
 Возьмут в свои объятия мальчика,
 Желания и имени не спросят.
 Над люльками склонились два лица
 Прабабушек, уставших на покосе.
 Баюкают, качая на руках,
 Напев под нос затягивая древний.
 И спит малыш, как ангел в облаках,
 Не зная, что не станет той деревни.

Не по-Питерски майское

Бренчит всё чаще погребочек винный,
Качая невпопад тела в аллеях,
У них в глазах непойманное лето,
С прицелами на флирт и ворожбу,
А май грызёт надорванные спины,
Трудяг ни на секунду не жалея,
На улице и в душных кабинетах
Стекают по изрезанному лбу,
Морщинами и солнцем вперемешку,
Водой холодной с кулера и крана,
Еще какой-то тенью, что из окон
По складкам кожи тихо промелькнет.
А небо убаюкивает спешку,
И солнцем пиво плещется в стаканах,
И мегаполис сбрасывает кокон,
Меж пальцами, что пляшут мимо нот
На старенькой гитаре, что гуляла,
Вскарабкавшись на плечи одиночек,
Еще, когда в конце восьмидесятых,
Был русский рок-н-ролл почти живым.
Теперь его, как водится, не стало,
И только ностальгия этих строчек
Напомнит времена, где я патлатый,
Глотаю то ли пепел, то ли дым.
А май одёрнет. Смогом и туманом
Покроются вечерние каналы,
И улочки нашепчут шаловливо:
«Убей погожий вечер (но не грабь)!»
Шагай вперед, без цели или плана
Сворачивай со Среднего на Малый,
А после, возле Финского залива
Смотри, как чайки бьют ночную рябь.

Зимнее Питерское

В тот час, когда и сфинкс разинет пасть,
И львы крылами небо окольцуют,
Нева поймёт, что смерть давно к лицу ей,
И льдом сомкнёт стихающую страсть.
Вонзится острием проклятый шпиль,
В тугую мякоть пасмурного неба,
И лишь огней фальшивое плацебо,
Протянет шлейф. Отправленным в утиль
Окажется стареющий трамвай,
Разбитый, как осколками на фронте.
Из окон нестареющий Леонтьев
Затянет: «Ты меня не забывай!»
А как же позабыть, когда гранит,
Всё так же холодит сердца заблудших,
Что проворчат: «Вот раньше было лучше!
И что теперь мой город сохранит?»
А ничего! Всплакнёт земная твердь!
Убьет асфальт в рутине серой хлябью,
И лишь Нева полузамёрзшей рябью
Проводит свою медленную смерть.

Жёлтые лампы

Жёлтые лампы от фонарей
 Что-то ворчат диодам.
 Месяцем режется лук-порей,
 Где-то под небосводом,
 Чтобы кружками упасть на стол
 Звёздно-тягучей массы.
 День полусферой за мир ушёл
 Строить свои гримасы.
 Он поглумится в чужом краю
 И приползёт щеночком.
 С криком: «Я жизни перекроЮ!» -
 Лязгнет по оболочкам,
 Тех, что недвижимы и пусты,
 И пресноваты даже.
 Жизни замазаны, как холсты,
 Вряд ли им кто-то скажет,
 Что-то поверх вековой мазни
 Вывести мастихином.
 Каждый второй этот холст казнит,
 Чтобы дарить стихи нам,
 Рвет его в клочья, как шерсти прядь,
 С разных овец паршивых.
 Разве за правду легко принять
 То, что слова не лживы?
 Жёлтые лампы от фонарей
 Смотрятся неопратно.
 Тени ползущих ночных угрей
 Свет превращают в пятна,
 Переплывают ко мне с листа,
 Их подгоняет кормчий.
 Я обрываю куски холста,
 Значит, уже испорчен.

Это Мафия

Это Мафия, друг мой, город опять заснет,
 От убийства к убийству всё очевидней роли.
 Этой ночью преступник холоден был, как лёд.
 Это Мафия, друг мой, взгляды здесь - как пароли.
 Это Мафия, друг мой. Кто ты? Молчи не смей.
 Доктор лечит вслепую, чаще себя от страха.
 Что ты выберешь? Совесть или повадки змей?
 Это Мафия, друг мой, город на грани краха.
 Это Мафия, друг мой, лучше сиди - молчи,
 А не то, без пощады, тут же утопят «в красном».
 Здесь свои (временами) - страшные палачи.
 Это Мафия, друг мой, здесь ничего не ясно.
 Это Мафия, друг мой, истиной правит ложь,
 Никому априори кроме себя не верьте.
 Комиссара сегодня кто-то пустил под нож,
 Это Мафия, друг мой, каждый виновен в смерти.
 Это Мафия, друг мой, я генератор схем.
 Ощуцаю, как ты поверил в мою нормальность,
 В моей карте сегодня чёрная буква М.
 Это Мафия, друг мой. Это игра в реальность.

Артём Боронин

(литературный клуб «Свеча» г. Москва)

Случайность

Моя не желает рука
Резать невинных мочек.
В кольцо обращая века,
Мысли боятся точек.
Не зная мелков и углей,
Чёрных картин и белых,
Я видел, что много щелей
Кроется в смежных стенах.
И в маленький глядя зазор,
Между всех правд и сказок,
Я видел, что лучший узор
Только случайность красок.

Темнота

Я в ночи задыхаюсь тёмной,
Я в ночи задыхаюсь тесной,
И незвёздной дремучей бездной
Я проглочен в прихожей томной.
Я глаза открываю рано
В поглощённые мраком двери.
Я тогда лишь дышать сумею,
Когда ночи светлее станут.

Бледные

Этой ночью не мог уснуть,
Мне мерещились бледные девы,
Как больны их казались напевы,
Будто капала с неба ртуть
На мои воспалённые уши,
И хотел бы я вовсе не слушать,
Только ночью не мог уснуть.
Близко все они шли кругом,
И смотрели, и плакали лица,
Я шептал, что мне всё-таки мнится,
Впрочем, думать о чём другом
Я не мог, и тревожилось сердце,
Я хотел бы куда-нибудь деться,
Только все они шли кругом.

Перепутье

На перепутье думного томленья,
Где боль сраженья чувствуют виски,
Мятежный слышен голос поколенья,
Средь поколений загнанный в тиски.
Как далека, но близится в полыни
Заря ночей над царствием плетня,
И огоньки где виделись доныне,
Там горизонт вскипает от огня.
Там водружён и мечется полями
Иной штандарт и светится чело,
На высоте два солнца воссияло,
Но никогда так не было темно.

Имя

Я не люблю ночей,
 Когда измождённый разум
 Врезается в мир постели,
 А утонуть не может.
 Только порыв речей,
 Безумных и страшных даже,
 Мешается с чем-то светлым
 И усыпляет в дрожи.
 Я не люблю ночей,
 Когда только я и разум
 Теряемся в странном мире
 И забываем наше.
 Только не помня, чей
 Во мне умирает образ,
 Я знаю, бывает имя
 И у печали даже.

Яблоня

Полночью лунное зябло кадило,
 В небе чернели масла.
 Девушка ночью одна выходила,
 Яблоки людям несла.
 Улицей тёмной в холодном молчанье
 Люди блуждали без глаз.
 Жалко ей было тех жизней звучанья
 В этот безвременный час.
 Мягко плоды им бросала, убогим,
 Нежно целуя плоды.
 Каждому тёмному, многим и многим,
 Сердце вела от беды.

Яблоки падали, зрели слепые,
 Вновь наливались глаза.
 Люди прозревшие, вытянув выи,
 Высили вдруг голоса:
 «Разве не видишь, какие потёмки?
 Некуда нам посмотреть.
 Даже тебе, молодой незнакомке,
 Неба не склонится твердь.»
 Снова благая жалела усталых,
 Снова меняла исход.
 Лучшее яблоко к небу кидала,
 Солнечным делая плод.
 Стало светло, и тогда отвечали:
 «Очень теперь голодны,
 Томно блуждаем в утробной печали,
 Радости нам не видны».
 Плакала девушка, влага купели
 Падала в сухости слов.
 Люди стонали, будто не зрели
 К часу последних даров.
 Слезы назад поднимались туманом,
 Девушку пряча во мгле.
 Что-то искали голодные рьяно,
 Слепо бродя по земле.
 Только туман исчезал над больными,
 Людям виднелась хула:
 Более девушки не было с ними,
 Яблоня только была.

Лукавые

Клокотание волн катания,
 Разбудившее сон заклания.
 Это слепости,
 Это горести -
 Всё нелепости
 Сродни совести.
 Бей по мужеству исступления,
 Бей по дружеству без сомнения -
 Всё извечные суеверия.
 Нужно бросить,
 Ударить нужно.
 Между сосен
 Асфальту душно.
 Что за полосы?
 Есть вселенная.
 Старым голосом
 Кличут бренное.
 А при немости,
 А при слабости
 Всякой ценности
 Жизнь лишается.
 Есть лечение
 Дщери мудрости -
 Казнь сечением
 Плода дурости.
 Бей небитого,
 Жги холодного
 Ради идолов
 Дня болотного.
 Что за прелести,
 Что за гадости -
 Бьются пенности
 Злобной радости.

Вот и Бедная
 Дышит славою -
 Бей последнюю
 Всей оравой.
 Не ударю,
 Вы все лукавые.

Флейта

Когда в прохладе дня бывшего
 Клонились ветви над тропой,
 Я слушал слово, видел слово
 Волшебной флейты пред собой.
 Она была в тени и свете,
 Она тиха была порой.
 Казалось, ветер, буйный ветер
 Молчал при звуке песни той.
 В том звуке слышал я балладу,
 Она лилась, неся покой.
 И дней поток нашёл отраду
 В напевах флейты лишь одной.
 Она всё пела, словно млечность,
 Мне ангел виделся святой.
 Из чистых слов всечеловечность
 Сложилась в образ предо мной.

Мария Виноградова

(музыкально-литературный клуб «Муза» г. Боровичи)

Мать – Россия

Грозы вешние, гладь озёрная,
Краски лета в лесном краю,
Небо звёздное, степь просторная –
Я во всём тебя узнаю.
Русь великая – даль бескрайняя,
Над рекою туман плывёт,
Разрумянилась зорька ранняя,
Прогуляв всю ночь напролёт.
Стороны я не знаю красивей.
Ты – одна на весь белый свет.
Нет для русских милее России
И дороже России нет.
Мгла морозная, снег да валенки,
Купола да кресты церквей,
Покосившийся дом с завалинкой
Из судьбы моей и твоей...
Ни привала, порой, ни роздыха
Мне на трудном твоём пути,
Только без тебя, как без воздуха,
И родней земли не найти.
Жизнь твоя летит птицей вольною
В городах и лесной глуши.
Ты всегда была хлебосольною
От широкой русской души.
Мать – Россия, в дорогу длинную,
Помолюсь и зажгу свечу.
Я горжусь тобою былинною,
Быть достойной тебя хочу.

Монолог у вокзала

Мой вокзал, ты прости за разлуку,
старик:
Реже стали ходить поезда.
Говорят, не в почёте теперь твой тупик
И твоя на закате звезда.

А, бывало, не раз из других городов
Ты меня рано утром встречал,
Деревянный, резной, гордость
прошлых веков,
Боровичский старинный вокзал.
А ты помнишь тот день? Мною он не
забыт:
День отъезда, плацкартный билет,
Запах булочек с кофе – тогда был
открыт
Твой такой популярный буфет.
Я ждала: не проститься любимый
не мог.
Объявили посадку в вагон,
И, казалось, стонал под десятками ног
Деревянный потёртый перрон.
Милый мой опоздал и букет на ходу
Мне в вагонное бросил окно.
Уезжала надолго... Тебя в том году,
Мой вокзал, здесь снимали в кино...
Я сегодня не еду. Пришла налегке.
Зря неправду мне кто-то сказал:
Ты, как прежде, в тенистом своём
тупике –
Боровичский старинный вокзал.

Эта белая ночь...

Эта белая ночь за окном
Вновь зовёт в деревенское лето.
Мне б туда, где остался наш дом,
Материнской любовью согретый.

Там сегодня все думы мои.
Там в лесу серебристо-зелёном
Белой ночью поют соловьи
У реки за раскидистым клёном.

Мне б вернуться на берег родной,
Где пороги шумят, с ветром споря,
Где такой сладкий воздух лесной,
Где жила я, не ведая горя.

Я хочу, чтобы руки отца
Мне, как в детстве, ладони согрели.
Я хочу без конца, без конца
Слушать с ним соловьиные трели.

Мне б туда, где впервые назвал
Ты меня самой лучшей на свете,
Лепестки на сирени считал,
И мы верили доброй примете.

Не забыть, не забыть, не забыть
То наивное счастье простое.
Ах! Как хочется снова испытать
Соловьиного лета настоя.

Памяти бойцов 177 Боровичской дивизии посвящается

В сорок первом.

Они в конце далёкой той зимы
Надеждой жили, верили, любили.
Наверное, беспечно, как и мы,
По улицам Боровичей ходили.
Призыв на сборы – это не беда.
Совсем недолгою разлука будет...
Кто ж мог понять, что это навсегда?
Они ещё своих не знали судеб.

Июнь. Война. Приказ. И вот уже
Составами под стук колёс – до Луги.
Рассредоточились на рубеже.
Письмом летит «Ты жди!» жене,
подруге.

С упрямым и сметливым мужиком
На Лужском рубеже сражаться фрицу,
И мужеству боровичан потом
Врагу не раз придётся удивиться.
Вернувшиеся помнят те бои –
Враг звал их ключевыми к
Ленинграду.

Туда резервы направлял свои,
Но стали наши земляки преградой.
Там 40 суток проливалась кровь,
И плоть искали пули оготело.
Снарядов, мин разрывы... Вновь и
ВНОВЬ

Глазницами пустыми смерть глядела.
Здесь улицы родного городка
В войну без сапога фашиста жили.
Всё оттого, что целых три полка

Боровичан там головы сложили.
 Ценою жизни выполнен приказ.
 Их подвигу святому – обелиски.
 Они навечно в памяти у нас.
 По ним скорбим мы, как по самым

близким

Будь славен город

*Боровичи! С честью носишь ты имя!
 Боровичи! Расцветай год от года!
 Будь славен, город, делами своими
 На благо страны и народа!*

На Валдайских отрогах, в Новгородском краю,
 Где шумел бор сосновый, начинал жизнь свою.
 Над стремительной Мстою, на торговом пути
 Стал по воле народной мирный город расти.
 Здесь впервые когда-то создан огнеупор,
 Стал большим комбинатом цех старинный с тех пор.
 Сквозь века о нём слава над страной летит...
 Город наш комбинатом с давних лет знаменит.
 За свободу и веру шли сыны в смертный бой.
 Город парков и скверов заслонили собой.
 В пышной зелени летней молод он и красив,
 И не зря называют край родной «Страной Див».
 Никогда не забудешь, если здесь побывал,
 Монастырь Свято-Духов и старинный вокзал,
 И, как аркой стальною в берега, словно, врос,
 Над строптивой рекою Белелюбского мост.
 Часть России Великой город наш, и живёт
 В нём такой многоликий наш российский народ.
 От рожденья до тризны сердце гордо стучит,
 Называя Отчизной город Боровичи.

Светлана Иванова
 (литературный клуб «Свеча» г. Боровичи)

Деревня Бобылёво

Поплутав, заросшая дорожка
 Через лес выходит на простор,
 где домишко скошенным порожком
 по-сиротски вжался в косогор.
 Огород давно зарос бурьяном,
 куст сирени пышностью своей
 спрятал от осуд заборчик пьяный.
 А кому судить-то? Нет людей...
 Молью траченный усталый Шарик –
 кости обречённо держат шкуру –
 пастью хлопнул, в глотке гавк оставив,
 проявил сторожкую натуру.
 Прохудилась крыша, сгнили брёвна,
 а по окнам видно, что жилое.
 У калитки бабушка Петровна
 смотрит, будто в вечность... Бобылёво.

Речка Мста весенняя

В ледяной затянута корсет,
берегами-рамками приличий
ограничена. И чопорно секрет
струй хранит... А сверху – гомон птичий!
Мир дыхание в предчувствии весны
затаил, накапливая силы
для финального фортиссимо струны,
что природу к жизни пробудила!
Взбунтовались волны подо льдом,
с треском рвут шнурки корсета!
И тамтамов мстинских вешний гром
эхом въётся в поднебесье где-то!
Разомлели в ласках солнца-счастья
камни, не стесняясь наготы.
Раскачались молодо и страстно
подвесные шаткие мосты!
Волн дыханьем чувственным весенним,
затуманив серебро снегов,
до ветвей проснувшихся деревьев
Мста к весне спешит из берегов...

Постирушки

Солнце. Домик у речки флиртует оконцем,
длинношей журавль тянет клювом ведро
из прохладно-замшелой утробы колодца.
Выходной – бабий вечно рабочий синдром.
В тазик медный, накрывший зародыши счастья,
наплескаю колодезный тёплый настой.
Антистрессовый акт – стирка грязного платья –
в берега возвращает души непокой.
Сохнут дни на растянутой в яблонях нитке:
понедельник – ответственно-строгий пиджак;
вторник – блузка попроще, с оттенком улыбки;
посредине костюмчик ни так и ни сяк.
Четверговое чёрное постное платье;
вечер пятницы – дерзко-коктейльный разврат;
лаконично-спортивный субботний нарядик;
воскресенье – взрыв красок и рюшей парад.
И - любимое, нежно-воздушно-ночное
ветер, трав ароматы вдыхает в себя,
чтоб по-детски спалось безмятежно-спокойно,
чтоб ЖИЛОСЬ без любви, без тепла, без тебя...

Деревенский магазин

Продавщица тётя Зина
за прилавком приросла...
Над облапанной витриной –
Гималаи барахла:
Мезозойские колбасы,
в пышной плесени сыры,
кабачковые запасы
прокисающей икры.
Погрустнев, коричневеют
вялой попкой огурцы.
В затхлом масле скушно преют
шпрот балтийских холодцы.
Под картонной мятой крышкой
чай рассыпался трухой.
Сладковато пахнет мышкой,
отошедшей в мир иной.
Только водка горделиво,
как хрустальная слеза,
шлёт лукаво и игриво
блики зайчиков в глаза.
Реагирует мгновенно
на визгливый скрип петель.
Знает – купят непременно
все, кто входит в эту дверь.
Позабыт людьми и Богом
На сто вёрст вокруг один
доживает у дороги
деревенский магазин.

Мамины варежки

Разметалась зима за околицей.
Белоснежно, бесстыдно легла.
Где-то мама опять беспокоится:
«Достаёт ли дочурке тепла?»
Вяжет тёплые мягкие варежки,
слеповато сощутив глаза.
И волнуется: вдруг не управится?
Вдруг замёрзнет её егоза?
Как тебе объяснить, моя милая,
что в метро не пугает мороз.
Равнодушие глаз застудило мне
душу. Город не ведает слёз.
И всё вяжешь... Наверное, знаешь ты –
жизнь недаром учила терпеть –
могут мамы тёплые варежки
мне не руки, а сердце согреть.

Андрей Игнатьев

(литературный клуб «Свеча» г. Боровичи)

Весна пришла, и ты приди ко мне
 По той дорожке, как в июльском зное...
 С восходом солнца или при луне...
 Поздравь меня с последнею весною!
 Последнею... Ведь так легко понять,
 Что лето будет вечным и безмерным...
 Люблю тебя! И не устану ждать!
 Я полон сил, надеждою и верой...
 Люблю тебя! Сказалось так легко...
 Наверное, иначе не могло быть...
 Спешу к тебе... Я здесь – недалеко –
 Тебя, весеннюю, увидеть и потрогать...

Я начинаю верить в чудеса...
 Твои глаза зовут меня куда-то...
 О чем-то говорят твои глаза...
 О чем-то говорили они Данте...
 И Дон Кихот их видел пред собой,
 Беснуясь в незапамятном ущелье...
 Твои глаза горят передо мной,
 Даруя мне вселенское прощенье...
 Даруя мне заветное «Люблю»,
 Даруя колыбельную «Песнь песней»,
 Чтоб помнить мне всеженственность твою,
 Чтоб верить в чудеса еще чудесней...

Остался обычай с древнейших веков –
 Его не бери на заметку:
 Поймают счастливы жар-птицу любовь
 И прячут в красивую клетку...
 И птица в неволе не спит, не поет,
 А мечется и остывает...
 Уходят волшебные силы ее...
 И вскоре о ней забывают...
 Не хочется мне повторять вновь и вновь
 Ошибок нелепых до грусти...
 Давай же поймем жар-птицу любовь
 И в синее небо отпустим!
 Она улетит далеко-далеко
 На небо с поэмой-посланием,
 Чтоб кто-то, который всегда высоко,
 Исполнил все наши желанья...
 Их мы перечислим на белом листе,
 Без слов, но с волшебной печатью...
 И птица-любовь принесет на хвосте
 Нам веру, надежду и счастье!

Прикосновенье – вот предел желаний!
Об этом ясно вспомнилось мне вдруг...
Найти Вас кавалькадою касаний
И рук и губ, и снова – губ и рук...
Глядеть на Вас в ласкающем созвучье,
Чтоб становиться тише и светлей...
Я буду бережным, и легким, и певучим,
Как с Эвридикой страждущий Орфей...
Вы трепетной мне станете взаимно,
А ночь - нежна, как девичье плечо...
Любовь – пророк! Ей все так очевидно!
Постель – костер... Нам будет горячо...
Воспрянет из него душа свиданья -
Восторженна, ранима и чиста...
А утром кавалькадою касаний
Вас вновь найдут поющие уста...

Стихи о вас должны быть не стихами,
Но истиной и светом, и добром...
И в средние века служили даме
Всем вдохновеньем, сердцем и пером...
Стихи о вас не могут быть спокойны,
Без жертвенной, мучительной волны...
И в средние века судили болью
Тех, кто своим видениям верны...
Стихи о вас не требуют ответа,
Рождаясь от признаний ваших глаз...
И в средние века среди поэтов
Ходили ангелы, похожие на вас...
Стихи о вас должны быть океаном,
Чтобы мечтой носиться по волнам...
Как в средние века служили дамам,
Как я служу теперь отныне вам...

Что ангелы стихов не сочиняют,
 В такое не поверю никогда...
 Они, как мы, желают и страдают...
 Как нас, их ждут забвенье и звезда...
 Ведь ангелы спускаются на землю,
 Чтоб встретить в мире грешных и простых,
 Чтоб люди те, стихам чудесным внемля,
 Вновь становились ангельски чисты...
 И ангелы себя приносят в жертву
 Чудовищным завистливым богам...
 Им хочется людей приблизить к свету
 Рассказами про рыцарей и дам...
 Они в делах земных грешат и тонут,
 Когда могли бы просто улететь...
 Их держат наши жалобы и стоны
 И манит, как магнит, земная твердь...
 И ангелы однажды улетают,
 Чтоб дождалась их верная звезда...
 А свет свой в нежных песнях оставляют,
 И люди им внимают иногда...

Надежда Кураева
 (литературный клуб «Свеча» г. Боровичи)

Зимние забавы

Ночью выпал снег
 Долгожданный, белый.
 Утром лыжный след
 Появился смелый.
 В лес скорей, скорей!
 С лыжами, без лыж ли.
 Санки от дверей
 Сами к горке вышли.
 А мороз бодрит
 И румянит щёки.
 Детвора кричит:
 «Убегай с дороги!»
 Поезд из саней
 Мчит с горы со свистом.
 Пёс ещё резвей
 Вслед за машинистом.
 Лыжи на плечо —
 Мимо косогора.
 Сердце так влечёт
 К снежному простору!
 Повела лыжня
 Через лес и поле.
 Закружит меня
 Зимнее раздолье!

Яблоко

Сонет

Я – яблоко, висящее на ветке,
 На самой верхней ветке, ближе к небу.
 Я не боюсь лихих порывов ветра,
 И важностью своей подобно Фебу.
 Я – яблоко, которому все служат:
 Ласкает солнце, дождь усердно моет,
 Шлёт облако мне поцелуй воздушный,
 И ветви шелестят, любуясь мною.
 Я – яблоко большое, наливное,
 Краса и гордость солнечного сада.
 Мне чуждо всё нелепое, земное,
 Я для богинь достойная награда.
 Вот яблоко, упавшее на землю,
 Спокойно спит и гул далёкий внемлет.

Ноябрь

Стоит ноябрь. Предзимье.
 Природа в чём-то сером,
 И золотая радость исчезла без следа.
 Давно уж облетели берёзки и осины.
 Остановись, любимый! Скажи мне снова «да»!
 Да, мы пойдём по склонам
 Холмистой жизни нашей,
 По вечным листопадам сырого ноября.
 И будем жить красиво, и будем жить влюблённо
 В простую эту осень со вкусом имбиря.

Музыка юности

Юность давно прошла,
 Жизнь не пойдёт по кругу.
 Я, отложив дела,
 Вспоминаю подругу.
 Новгород с древним Кремлём,
 Волхова воды.
 Только уже не вернём
 Юные годы.
 Ты теперь в Ярославле.
 Внуки, забот запас.
 Помнишь, в юности давней
 Вместе слушали джаз?
 Дважды в год позвонишь,
 Повод найдёшь особый,
 И сквозь ночную тишь
 Слышу, поёт Высоцкий.
 Старый магнитофон,
 И телефон в ладони.
 Как умоляет он,
 Чтоб не спешили кони!
 Завтра возьму билет,
 И в Ярославль поеду
 Дел-то особых нет,
 Можно успеть к обеду.
 День за окном погас,
 Спрятался ветер юркий.
 Тихо включаю джаз
 И вспоминаю юность.
 Новгород с древним Кремлём,
 Волхова воды.
 Только уже не вернём
 Юные годы.

Прощание с летом

Гаснут свечи иван-чая,
Превращаясь в дым.
Лето спит, не замечая
Что случились с ним.
Сны длиннее и печальней
Под покровом звёзд.
Время медленно качает
Жизни хрупкий мост
Всё плотнее и темнее
В небе облака.
Им лениво солнце греет
Толстые бока.
Август бродит по тропинкам
Средь ветвей в саду,
И висит на паутинках
Спелых яблок дух.
Снова яблоки в карманах,
Сливы за щекой.
Счастьем августовским пьяный
Ты идёшь домой.
Август тихо закрывает
За собою дверь,
Счастье где-то замирает –
Не найдешь теперь.

Выбор

За быстрой сменой событий быта,
Что были брошены нам под ноги,
Забыли мы, что окно открыто,
Распахнут мир, где бегут дороги.
А мы на месте, вокруг берлоги,
Одни те же заботы топчем,
И копим бережно все тревоги,
И верим, лучше быть в доме отчем,
Чем где-то в дальних краях скитаться,
Сменяя страны и впечатленья.
А в горы трудные подниматься –
Не в этом наше предназначенье.
И всё же поздними вечерами
На небо звёздное смотрим долго.
Большой Медведицы очертанье
Тревожит сердце. И воем волком
О той несбывшейся яркой жизни,
Что нас когда-то звала в дорогу.
А Млечный Путь ярким светом брызнет
И прикоснется лучом к порогу.

Татьяна Кутепова
(литературный клуб «Свеча» г. Боровичи)

Плохая мама

Я тебя спасаю
По сто раз на дню.
Слёзы вытираю,
Валерьянку пью.
То муки насыплешь
Прямо на пол ты,
То покрутишь ручки
Газовой плиты.
То погладишь кошку
Шваброй по спине,
То микроволновку
Включишь помощней.
То сандалик грязный
Спрячешь под матрас,
То ключей всю связку
Кинешь в унитаз.
То к соседским псынам
Смело ты бежишь,
То как лист осины
От грозы дрожишь.
В лужу по колено
Как же не залезть?
Мох обыкновенный —
Как его не съесть?
Но плохая мама
Тут же отберёт,

Выключит, достанет,
Вытрет, унесёт.
И обидно очень
Солнышку порой.
И горохом слёзы
От судьбы такой.
Я тебя спасаю
По сто раз на дню.
Потому что, заяц,
Я тебя люблю.

Старый мост

Белым пухом из ангельских крыльев
Падал медленно снег в темноту.
Жизнь застыла ни сказкой, ни былью,
Замерла над водой на мосту.
Пела флейта о старых надеждах,
Сердце вывернув, словно карман.
Ведь так было уже где-то прежде,
Был такой же над Волгой туман.
И зима была снежной и теплой,
Старый мост, а под ним у воды
Пела флейта в руках моих мокрых,
О надеждах, в которых был ты...

Ветер

Мне уже не больно -
Зализала раны.
Мне уже не страшно -
Не пугает ночь.
Я уже не плачу,
И уже не странно
Видеть, как в инстаграм
Ты целуешь дочь.
Это было раньше -
Сердце замирало,
А потом пускалось
С места и в карьер.
А теперь все ровно -
Видно, отыграла
Я в свою рулетку.
Вот он - мой барьер.
Мне уже не тошно,
Ручки не ломаю,
Не пишу украдкой
Злобные стишки.
Мне уже не нужно.
Я уже другая.
Мне уже не важно,
Где о чем смешки.
Да зачем все это -
Ты ведь не узнаешь,
Сколько было соли
В смехе на стене.
Ветер, я же ветер -
Бурю угадаешь?
Выворотит тополь,
Чтоб... листком... в окне...

Мне уже не больно,
Мне уже не страшно,
Мне уже не тошно,
Мне уже не важно.

Вместо биографии

Я родилась в стране, которой нет,
И выросла среди ее обломков.
По городам чужим оставив след,
В России перестала быть ребенком.
И сколько раз уже кончался свет,
И деньги, и надежда, спички, соль,
И радость, и тепло, и даже хлеб,
А сколько раз носки съедала моль!
Но не боятся никаких концов
Все те, кто в 90-х жил в России.
Бояться нужно водки и глупцов,
И не туда направленных усилий.
И вот пишу, о чем болит душа,
О жизни, о поступках и о Боге.
В том мой удел, куда не ушла
Домой, к Творцу, по узенькой дороге.

Юрий Макеев

(музыкально-литературный клуб «Муза» г. Боровичи)

«Знатная» блоха.

(басня)

Блоха, не знавшая работы,
 Жила в белье вольготно, без заботы.
 Пила, резвилась, словом, не скучала.
 Да Мужичка укусом докучала.
 Но вскоре эта жизнь Блохе приелась
 Ей заграничной жизни захотелось.
 И ну брюзжать: «Я родилась не рыжей,
 Мне нужно жить в Нью-Йорке иль в
 Париже.

Я здесь в тени и ничего не стою,
 А там бы знатною была Блохою»
 Подобное духовное увечье

Встречается и в роде человеческом,
 Когда в страну чужую с мест родных
 Безумного гипноза манит сила.
 Я думаю, здесь мнений нет других,
 Та «знатная» Блоха их укусила.

Медвежья перестройка

(басня)

Один Медведь довольно стойко
 Настраивал зверей на перестройку.
 Всем указал сполна на недостатки:
 Что Заяц часто смазывает пятки,
 Что Белка много мусорит кругом
 И слишком уж вертит своим хвостом.
 Затем досталось Лисе, Кунице:
 «Заелись барышни – в меню лишь только птицы.
 В меха оделись вы не по карману.
 Душонки-то, видать, с большим изъясном».
 Изрядную мораль прочёл и Волку,
 Что серый он, болтается без толку.
 И в заключение, вполне самокритично,
 Поведал он зверям о жизни личной:
 «Полжизни я провёл, друзья, в застое,
 Как пьяный в длительном запое
 Валялся грязный и нечёсанный в
 берлоге,

Облизывая собственные ноги.
 Мне жаль ушедших безвозвратно зим,
 А посему решил я стать другим.
 И вас сегодня всех я призываю
 Жизнь вашу тоже круто изменить.
 Не просто будет сделать это, знаю,
 Но дальше не возможно этак жить».

* **

Медведь словами сроду не бросался,
 В берлогу больше спать не залегал.
 Всю зимушку по лесу прошатался,
 Немало дров без проку наломал.

Глаза

(басня)

Правый глаз не видя Левого за носом
 Вдруг на него набросился с разносом:
 Все говорят похож ты на меня,
 Но я скажу тебе, дружочек, честно,
 (Хоть мне давно и без того известно.)
 Что ты посажен так – для «фонаря»,
 Иначе говоря, для вида.
 Ах! Футы-нуты! У него обида.
 И тут таких подкинул смачных фраз,
 Что чуть не вылез из орбиты Левый

глаз.

Насилу бедолага проморгался.
 А Правый всё не унимался:
 На правду обижаться, брат, нельзя,
 Сердиться нужно только на себя.
 Известно каждому, что всем я

управляю:

Беру прицел и промаха не знаю.
 Тебя ж, чтоб мне не мог мешать,
 Приходится всё время закрывать.
 Бахвальству глаза не было б предела,
 Но тут в него соринка залетела.
 Заплакал Правый глаз, закрылся и

угас.

Неделю целую болел не раскрывался.
 Со всей работой Левый управлялся.
 Не на кого не сетовал, себя не

выставлял.

Лишь чаще голову крутиться заставлял.

Мораль ясна нам басни сей:
 Бахвальство злой порок людей.

Неспетая песня

Нас загнали фашисты в гнилое болото
 Против танков с винтовкой пустой не попрёшь
 Даром жизнь отдавать никому не охота.
 Тут в любое болото ужом поползёшь!
 Третьи сутки болотную воду глотаем,
 С отвращеньем еловые шишки грызём,
 Да на русский авось, как всегда, уповаем.
 Словно черти в аду, но пока что живём.
 Обложили нас фрицы. Нам не куда деться.
 Миномёты «плюются» - голов не поднять.
 Нам хотя бы чуть-чуть у костров обогреться,
 Да ни ночью, ни днём их нельзя разжигать.
 Отвернулась фортуна от нас, очевидно.
 Косит хлопцев свинец, и хоронит вода.
 Смерть на каждом шагу, и до боли обидно
 В неизвестность уйти, не оставив следа.
 Разве этому в школе учили нас, братцы, -
 Гибель ждать от врагов под кинжальным огнём?
 Хватит! Встать! И пошли в рукопашную драться!
 Мы за Родину жизни свои отдаём!

Поздние ягоды

Под осенним жгучим ветром ёжатся кусты.
 Обнажённые деревья зябнут без листвы.
 Лишь рябинам, да калинам стужа нипочём.
 Пламенеют гроздья ягод жарким кумачом.
 И пока на ветках рдеет ягодный букет,
 Привлекательней картины в эту пору нет.

Сергей Марусенко
(литературный клуб «Свеча» г. Боровичи)

Как сказать о Любви

Как люблю я тебя! Разве скажешь об этом?
Если б только не дар, что ниспослан судьбой.
Ты пока ещё спишь перед самым рассветом.
Я проснулся давно и люблюсь тобой.
Разметавшимся локоном льна по подушке
И изогнутым луком изящных бровей.
А пойду-ка я в рощу, скажу: «Цыц!» кукушке.
(Слава Богу давно не поёт соловей.)
И собак накормлю. Пусть лежат себе в будке
И не смеют сказать своё веское «ГАВ».
И в жемчужной росе соберу незабудки,
Что ещё не сбежали из наших дубрав.
Спи, родная, не смей размыкать свои веки
До момента, когда принесу я цветы.
Сколько нежности чуткой в одном человеке!
Сколько тёплого света в ней и красоты!

Красота

Эта осень в наряде оранжевом, лисьем
Незаметно и тихо покинула нас.
Красота, как наркотик - я очень зависим
От твоих изумрудных сияющих глаз.
Словно пленник к тебе жарким взглядом привязан.
Не избавиться мне от чарующих пут.
Красота - наслаждение с пыткой разом.
А любовь, как болезнь. Здесь поэты не лгут.
Ты идёшь. Я люблюсь широкой волною
Шелковистых пшеничного цвета волос.
Может, кто-нибудь спросит, что случилось со мною.
Я отвечу: «Влюбился» на этот вопрос.
Оттого и бегу за тобой всюду следом,
Оттого и проходят все ночи без сна.
Укрывает ноябрь землю заячьим пледом.
А в душе у меня расцветает весна.

История жизни

Я сижу, почитывая в кресле
(За окошком ливень, хоть плыви)
Грустную историю болезни,
Светлую историю любви,
Долгую историю разлуки,
Серую историю тоски.
Выверты сюжета, как излуки
Серебристо-палевой реки.
Я плыву по линии сюжета,
Где-то мыслью, где-то сердцем... Но
Отгорело ласковое лето.
Ливнем занавешено окно.
Не беда, что ближе, ближе к устью
Полнит ветер парус кораблю.
Я плыву с надеждой, а не с грустью.
Потому, что искренне люблю!

Крылья осени

Старинный парк. Задумчивая осень.
Ждёт журавлей на юг далёкий путь.
Тебе на плечи я пиджак набросил.
Мне самому не холодно ничуть.
В жгуты тугие скрученные листья.
Шурша, ползут, как змеи вдоль аллей.
Погожие деньки проходят быстро.
Но ты о них особо не жалеешь.
Ведь в долгое осеннее ненастье,
И в лютой пляске матушки-зимы,
Когда мы рядом - это просто счастье,
Как в пору светлой майской кутерьмы.
С цветеньем, с деловитыми скворцами,
Со всем, что называется весной.
Ведь мы давно уже срослись сердцами.
И обретаем крылья за спиной!

От окраин города до центра
Километров может быть пяток.
И река – красавица как лента,
В небе облаков течёт поток.
Деревянный дом. Уютный дворик.
Знай - живи и людям не мешай.
Старички сошлись в азартном споре:
Виды на грядущий урожай.
А за чистым тюлем куст герани-
Красота в узорчатом окне.
И ничто мне душу здесь не ранит,
И прохожие улыбки дарят мне.
Всё поймут. О чём их не спроси я.
Всяк помочь и выслушать готов.
Состоит великая Россия
Из таких вот малых городов.

Первая песня зимы

Белый снег, словно лист. А на нём стихотворные строки.
В них поётся о том, как прекрасны зима и наш мир.
Эти строки оставили здесь воробьи и сороки,
Что слетелись к кормушке устроить свой праздничный пир.

А в кормушке у нас золотистые спелые злаки,
Что насыпала щедро хозяйской рукою жена.
Я стою и читаю внимательно символы-знаки.
Открывается взгляду таинственная глубина.

Это старая песня. Она исполняется хором.
А вокруг в горностаях леса и поля. Красота!
Я встречаю декабрь с молодецким весёлым задором.
Не иссякнет надежда, не снизит полёта мечта!

Антон Осипов

(литературный клуб «Свеча» г. Боровичи)

Посмотреть за окно на возню деловитого паука,
написать в соцсети заметку на пару статей УК,
выпить на ночь стакан подогретого молока.
Часовщик переводит стрелки, но будто бы нет времён.
И закрыл бы студент семестр, да студента закрыл ОМОН.
Каждый сам себе враг и сам же себе заслон.
Отодвинули пенсию – вот ты и снова юн,
и мотор вместо сердца, и вместо мозгов чугунок.
Поскребёшь на иконе Спаса – под ним Перун.
Но скрести не советует вкрадчивый шум песков:
дескать, пробовал некто, да был таков,
был здоров, а пополнил собою могильный ров.
Под забитым окном в Европу сидит шпана,
говорит: «Эй, пацанчик, сюда подойди-ка,
налоги тебе повысим, обрадуем пахана».
В самой мирной стране засекречен масштаб потерь.
Не бесстыжим своим глазам, а пресс-службе верь.
Хата с краю, незнание – сила, и всё хорошо теперь.

Книгу Книг, второпях полистав, закрыть.
Песни Песен отрывок невнятно спеть.
Долго ль жили, а глянь-ка – уж волчья сыть,
травяные мешки, да по холкам плетть.
Богатырь с циферблатами вместо глаз
вдавит шпоры, калеча людской табун,
измеряя по Гринвичу то, что нас
спрячет дальше песка марсианских лун.
Отчего же разумный мясной рулет,
проходя как хозяин по всем углам,
не способен дышать жалких триста лет,
за неполные сто превращаясь в хлам?
Так за нас решено. В том, видать, и честь:
вровень с зайцем, под зябликом, над язём
экономии жизни принять как есть,
завязать в узелок и забыть о нём.

Песенка кузнеца

Трудна работа кузнеца.
Над неуступчивостью стали
я проливаю пот с лица,
какого вы не проливали.
Я подчинил себе металл,
моим упрямством он поборот.
Меня поймёт, кто наблюдал,
как наковальню плющит молот.
В кузнечном деле равных нет
мне в десяти окрестных сёлах.
Блестит железный самоцвет
в руках умелых и весёлых.
Сковал я людям без числа
мечей, серпов и лезвий плуга,
но всё, что кроме ремесла,
воспринимаю как-то туго.
Проста позиция моя:
узнав металл с любого края,
я понимаю, лишь куя,
а не куя – не понимаю.

Пленэр

Обмелевшая к июлю порожистая река
постепенно берётся в тиски войском борщевика.
По налитым зноем холмам лошадь несёт седока,
и трава, не ведавшая косы, обтекает её бока.
Пригревает сильнее солнце, струит полуденный мёд.
Жаворонок патрульный от ястреба стережёт
разношёрстную полевую живность. Но тот
неминуем, словно судьба, и своё всё равно возьмёт.
Обнаружив тропинку, лошадь ускорит бег. Жара
прогоняет прочь одержимого жаждою комара,
но взамен призывает слепня – природа ко всем добра,
как к согбенной над плахой шее лезвие топора.
У природы всегда свежей кровью запачкан рот,
потому что движение жизни земной вперёд
обеспечено только смертью всех, кто пока живёт.
И в тылу отсидеться нельзя, ибо повсюду фронт.

Ты снишься до сих пор. Совсем не потому,
что только темнота со мною спит в обнимку.
Во сне душа вольна, и к сердцу твоему
всё ищет по ночам заветную тропинку.
Но наяву душа – неважный следопыт,
коль скоро всходы лет ещё не стали лесом,
а ей не разглядеть с заоблачных орбит
пути, чтоб вёл к тебе меж ангелом и бесом.
Хоть я теперь и сам чужой влюблённый взгляд
умею, не моргнув, парировать с прохладцей -
в часы, когда мой дом ночью тьмой объят,
моей душе с тобой никак не распрощаться.

Устинья Петрова
(литературный клуб «Свеча» г. Санкт-Петербург)

Под апрельским глазом солнца я брожу по тротуарам
как отпетый беспризорник, как исчадие весны;
я смеюсь, рюкзак закинув, и бегу, как от пожара,
от холодных зимних будней и метелей ледяных.
Я - обычный сумасшедший, путешественник-скиталец:
вместо плеч - дубовый стержень, вместо глаз - зелёный дёрн;
я безжалостно мотаю нитку дней себе на палец
и лечу, как ворох веток, прямо в солнечный костёр.
Я - душистый ломтик неба в сапогах и в красной кепке,
смех мой резок в развесенней и веснушчатой тиши;
я вперёд несусь, как ветер - травяной, апрельский, крепкий, -
но не знаю, как сбежать мне
от простуженной
души.

Белоснежный песок был оплакан морской водой,
корабельные сосны в венках из цветных созвездий
над заливом стояли и ждали с земли известий;
им сигнал корабля был большой путевой звездой.
А во взгляде моём разгорался последний стих;
он искрился, он жёг мне ресницы, он плавил веки,
чтобы я не видал горизонта веков вовеки.
Корабли проплывали мой берег. Я ждал других.
Но клевали безумные чайки из рук моих
почерствевшие крошки остывшей и горькой веры,
и числу этих воинов птичьих не знал я меры.
Я слабел, и накренились сосны, и таял стих.
Я не видел, как тысячи сосен упали ниц,
в белоснежный песок окуная хвою и ветки;
херувим в оперении чайки из ржавой клетки
с корабля наблюдал за слепцом и за стаей птиц.

Без войны - не сыскать тишины,
 не узнать ей цены;
 без молитвы в кулак на фронтах -
 не развеять свой страх.
 Хиросима, Белград, Сталинград
 в ряд идут и глядят
 на следы от бомбёжек и прах
 на своих же телах.
 С ними - Ковентри, Дрезден, Москва
 проглотили слова,
 а за спинами их - целый взвод
 по планете идёт:
 молчаливо бредут сквозь года,
 поседев, города;
 поседев, продолжают поход:
 степь - ползком, реки - вброд.
 И у каждого - собственный взгляд
 полон мёртвых солдат,
 полон вырванных с корнем домов
 и неровных крестов.
 И на каждого - общая боль,
 что чернее, чем смоль;
 и не дай бог разведать, куда
 путь прольёт им звезда.
 ...Без войны - не сыскать тишины,
 не узнать ей цены.
 А как только узнаешь - храни.
 Не теряй. Береги.
 Этот взвод чуял крови пожар,
 видел мертвенный лёд -
 и поэтому вечно
 будет идти
 вперёд.

Себе перестать бы перечить и лечь до двенадцати,
 оставить в апреле туман, затянувший извилины.
 Наушники в уши - чтоб только не слышать расстроенных
 бореющих струн в тишине океана подъездного.
 Закрыть бы учебник да выплеснуть кофе из черепа,
 разлить под окном - хоть бы ночь не припёрлась с претензией.
 Сожгу свой ковчег - вместе с памятью, шторами, книгами;
 я жду кораблей - но плывут только рыбы да удочки.
 Из рыбьих кольчуг соберу белый стих и соштопаю,
 и в место пустое под третьим ребром он уляжется;
 растопится он, растечется по тёплым артериям,
 припустит по телу - и вырвется в голову градусом.
 А ночь заберётся в прихожую, злая до одури,
 что лапы запачкала в странных разлившихся помыслах,
 но ветер солёный погонит её к подоконнику;
 я слова во след на прощанье, пожалуй, не вымолвлю.
 Закрою окно - ненавижу кофейные запахи.
 Я жду кораблей, но увы. Не придут. Знаем - плавали.
 ...Впервые себе не перечил. Улёгся до сумерек.
 Под окнами бродит она - черноокая, звёздная.
 Трепещет заштопанный стих. Маяки оцетинились.
 Корабль крадётся на цыпочках - я и не ведаю.

Ольга Студенцова

(литературный клуб «Свеча» г. Боровичи)

Селезень взмахнул крылом.
 Прокричала утица.
 Листья плачут о былом.
 Ранняя распутица.
 Ночью заморозки. Пусть.
 Что там, по приметам?
 Навевает осень грусть.
 Не-за-мет-но.

Точка

Чёрный вдовый платок подарила зима декабрю.
 Слякоть.
 Грязь.
 Кутерьму.
 Да разбитые напрочь дороги.
 По примятой траве я иду
 и с тобой говорю.
 Лупит дождь по лицу.
 Год подводит черту и итоги.
 Год подводит...
 Ах, как же ты, год, в этот раз нас подвёл!
 Лапник плотный закрыл дорогие глаза и улыбку...
 Дождь сроднился с землёй.
 Дрогнул нервно под выстрелом ствол.
 Поминальный салют ставил точку
 под тем,
 что так зыбко.

Быть может, может быть?

У каждого из нас достаточно цепей,
 что держат, путают, пугают и тревожат.
 Ты тем, свобода,
 с каждым днём дороже,
 чем недоступней сказочный елей.
 Плывут, плывут по небу облака.
 За ними птицы сильными крылами
 со свистом воздух двигают над нами,
 приветы посылая свысока.
 Колотит сердце.
 Манит вдаль мечта.
 Душа стремится показать изнанку.
 Вперёд, к ветрам!
 Как сладостна приманка!
 Летим! Летим!..
 Святая простота!
 Мир крутится в затянутой петле.
 «Из кожи лезем», вопреки природе.
 Но... чем сильнее иллюзия свободы,
 тем крепче мы прикованы к земле.
 Так, может быть, ...
 мы смотрим не туда?

В одиночестве своих озябших рук
вдаль бреду безлунною тропой.
Даже,
если нет тебя со мною,
я люблю тебя,
мой добрый друг.
И люблю полночные шаги.
За окном шуршанье шин по щебню.
Оголённые деревья.
Тучи в небе.
И, когда с утра «не с той ноги...»
Ароматный кофе.
Чёрный хлеб.
Сыр с зелёной плесенью.
Картошку.
Да, люблю дожди.
Собак.
И кошку.
Даже мир, который так нелеп.
Только...
я прошу...
не уходи.
И не оставляй осенней стуже
свой пиджак.
Пойми,
мне очень нужен
плен твоих объятий впереди.

Пел песню скворец

Пел песню скворец.
Трепетало сердечко.
Он песню любимой слагал,
взяв от солнца
тепло,
чистый звук,
страсть и трепет рассвета.
У ветра -- игру тонких струн
и свободу.
Пел песню скворец.
Просыпалась округа.
Трава прорастала.
Листва раскрывалась.
И блики играли на стёклах и лужах.
И мир улыбался.
И шёпотом вторил.
Пел песню скворец.
Для любимой.
И утра.
Для первых цветов.
Для полей и для плёсов.
Для радуг весенних.
Последнего снега.
Для детских ладошек
пел песню скворец...

Эльмира Sole
(Эльмира Шаяхметова)
 (т.о. «Арт-Тиндер Даниловой»)

Бездомный адрес

Часть 1.

У этого адреса нет своего дома,
 Он не помнит мир, но ему знакомо:
 Там не номера, цвета: сапфира,
 Янтаря и медной лиры,
 Дружья там из зеркалов и снов,
 Иначе, когда встретишь их вновь?
 У друга-ветра рубашка шире неба,
 Он разносит из барабанов мантры и веру –
 Буддисты знают, как творить нереальное,
 Но не доверят лист случайному
 Человеку ли, душевному порыву.
 И едва льдом осень застынет,
 Он сорвётся вдруг, с птицами в унисон,
 И место своё найдёт облачным окном.

Часть 2. От имени адреса:

Мой дом настолько огромен,
 Что я перестал считать его домом,
 В нём нет углов – одни круги, сансары словно.
 В нём столько балконов и окон,
 С видом на море, на лес, степь и поле,
 Где-то ураган, а где-то город, людей полон.
 И куда ни пойдёшь – ты у себя, но не в себе:
 Почему кто-то загрязняет реки, природу,
 Забыв, что Земля – единый дом всех народов?
 Так разделился мир, кто сложит?

Принимать гостей – несложно,
 Значит, это умножение. Благ.
 Всех благ пожелаю и брошу белый флаг
 Тому, кто бережёт...

Ночуют ангелами на плече
 Тень-грач и чайка-тень,
 Тает тоска-печаль в свече,
 В забытье травой-одолень.
 Остывшее сыплешь в ладоши,
 Шипящему морю отдавая дань.
 Прошное в песчинки раскрошив,
 Отряхнись и восстань...
 Лучники Луна и Сатурн
 Укажут путь – сиять в век из века.
 В обрывках танцуешь рун,
 Об Ангел, ставший Человеком...

Я вижу вместо человека море,
 Всё – волны, с головы до пят,
 В нём безграничное приволье,
 Как перед штормом его мысли шумят,
 Я в человеке вижу чаек,
 Что на лунных дорожках сидят.
 Чайки крикливые, одинокие – в стае,
 Глазами разными в душу глядят.

Александр Фёдоров
(г. Боровичи)

Смерть холодной звезды!

Сгорает человек, он счастья не познал,
Не осуществил свою заветную мечту.
Дрожит опять рука, он стих не дописал,
Бороться с болью окончательно устал,
Лишь молча проклинать приходится судьбу.
Сгорает человек, в минуты просветления,
Он понимает, что от смерти не уйти.
И в краткие моменты озарения,
Он хочет дописать стихотворение,
Последнее, на этом жизненном пути.
Сгорает человек, он счастье упустил,
Любви, Надежды, Веры, - умчались поезда.
К приходу смерти дверь в квартиру приоткрыл,
И в миг последний осознал, - он счастлив был,
Но в небе умирала холодная звезда.

Ностальгия

Не вернуться в прошлое, а жаль,
Не изменить все прожитые годы.
В душе моей опять тоска, печаль
И нет той юности, и той свободы.
Вернуть прекрасные мгновенья
Хочу безумно, увы, не суждено.
Сейчас лишь трудности, гоненья,
А молодость прошла уже давно.
Назад, в прекрасное то детство,
Стремлюсь я всей своей душой.
Так молодым хочу быть, честно,
Но в прошлое я двери не открою.

Я не прошу любви ответной!

Душа болит и сердце плачет,
И рой пчелиный в голове.
А ведь могло быть всё иначе,
Но мы расстались, на заре.
И крик отчаянья рвёт душу,
И невозможно боль терпеть.
Что создавал, то и разрушил,
За это мне - в огне гореть.
Терзают мысли о разлуке,
И сердце рвётся из груди.
О, Господи, какие муки,
От злой иронии - судьбы.
Я не прошу любви ответной,
Былое счастье - не вернуть.
И исчезает грустью светлой,
Любви тернистый нашей путь.

Ты как ангел

Ты как ангел прекрасна,
Такой подарок с небес
Кидаю взор напрасно,
Но не бывает чудес.
Гордая королева,
Нежных и сладостных грёз.
Первозданная Ева,
Тебя люблю я всерьёз.

Глаза цвета моря

Глаза цвета моря, чудо - ресницы,
Влажные губы и не нужно водицы,
Чтобы напиться и насладиться,
С негой в душе в танце кружиться.

Волосы русые, да хрупкие плечи,
Обниму я тебя, зажгу все свечи,
На упругих холмах, в этот вечер,
В море любви засну бесконечном.

По изгибам тела провожу я рукою,
Пьян от мысли, что сейчас с тобою,
И в царство любви позову за собою,
Нежности храм на века я построю.

Глаза...Цвета...Моря...
Я в них лишь взглянул...
Шагнул с ветром споря...
И в бездну...Тону...

Там, где Рай

Там, где нет печали, гнева, темноты,
Много ярких далей, светлой доброты.
Там, где птичьих песен слышен дивный лад,
Есть для душ прощённых свой Эдемев Сад.
И вокруг сияет только яркий свет,
А конца и края счастью просто нет.
Там, в Раю прекрасном, всюду тишь и гладь,
Вечная любовь и Божья благодать.

Богиня солнечной зари

Ты нежная и трепетная лань,
Но недоступна королева...
Скажи опять Звезду одну достань
Сейчас достань с ночного неба!
Звезду достану с неба не одну,
А миллиарды ярких, дивных,
И на колени я... И обниму,
Тебя люблю среди звёздных ливней.
Богиня яркой, солнечной зари,
Царица нежных снов счастливых!
Любовь свою мне свято подари,-
Рабом я буду молчаливым...
Мой бриллиант, других на свете нет,
Красивый, чистый и столь умный!
Сегодня без тебя встречал рассвет
Я в поисках любви безумной...

Проза

Виталий Гарновский
(Лито г. Боровичи)

«Страхи божьи!»

В молодости своей, живя в деревне Владыкино, да и в следующие годы в Вологодской области слышал я разные «страшные» таинственные рассказы о том, что «чудится». Теперь этих историй не услышишь, разве что от самых древних стариков и старушек, да и то рассказывают они неохотно. Да и кому рассказывать? Никто не верит тому, чему верили когда-то.

Решил для себя составить маленькую коллекцию таких рассказов. Обычно их никто или почти никто не записывал.

Добавлю еще, что в ряде случаев сами рассказчики объясняли вполне реально, чем объяснялась та или иная чудесная побаска.

В. Гарновский.

Разбойничья лодка

Осенью на Мсте чернецкий Мишка Максимов рыбу наметкой ловил. Ночь, известно, темнущая, да еще с ветерком. В такие ночи рыба хорошо ловится.

Ладно! Кидает Мишка наметку да кидает. Рыбку выгребает. Спустился от своей деревни этак с версту. Вроде как лунить начало, посветлело малость. И видит Мишка – впереди, на самой речной середине, лодка. Большущая. И гребцов в ней много. Лодка чернущая и люди черные. Гребут, гребут, наклоняются. А лодка стоит посреди струи, вперед не плывет.

Испугался Мишка. Вспомнил стариковские рассказы о том, как в досюлешние годы по Мсте разбойнички плавали.

Хотел было Мишка тишком, тишком да обратно. Да любопытничал – неужто разбойники в город плывут. Стал подходить ближе, ближе. Подошел, разгляделся и плюнул.

Это ель большущую река волокла. Упала в воду, видно с подмытого берега. Плыла, плыла да и зацепилась за подводный камень. Трясет эту ель теченьем, а ветки ее качаются, машутся. Издали вроде как люди нагнуты да разогнуты.

Посмеялся над собой Мишка и опять наметкой заработал.

Не ругай вихрь!

Бывает – закрутит, закрутит ветер, вихри пойдут, пыль столбом завьется да

иной раз таково страшно – крыши рвет. И опять тихо...А вихорь этот не брани. Нехорошо.

Так-то вот Анна Хлопова с сыном Сенькой сено сушила у Деревской речки. Сеньке-то и всего седьмой годок шел. Разумный был парнишка, не хуже других.

Сено вот уж совсем высохло, гребни в кучи да на телеге на сеновал отвози. И вот загудел, зашумел вихорь, скутил сено клубами, разметал его по кустам да и в речку немало поскидал. Анна в сердцах вихорь и выругала самыми худыми словами.

И опять стихло. Стала Анна снова сено сгребать. А вихорь опять как завился! Поднял Сеньку над землей, крутнул его раза три и об землю трахнул. Память парень потерял. А пришел в себя и умом тронулся. И лечили, да что толку!

Похвалили!

Ваня Ореша чуть свет траву косить пошел к Каменцу. Одному там на утро – не велика полоска осталась, да не бросать же.

Еще только рассвет обозначился. Да и туман над рекой. Стал Ваня по лавам реку переходить и обмер. Сидит на перилах, что вдоль лавинок, нагая девушка. Волоса длинные, сама красивая, белая, что рыбка. Остановился Ваня, удивился, говорит громко:

- Экая красивая девица-то!

А она прыг в воду, в ладоши хлопала, кричит:

- Похвалили, похвалили! Вот хорошо-то!

И - нырк в воду. И не вынырнула.

Догадался Ваня – русалку видеть довелось. Почесал бороду, плюнул, перекрестился и пошел на свою полоску. Не бросать же ее нескошенной.

Проклятое место

Ты вот деревней Древа не раз хаживал, знаешь их. Заприметил ли на правой стороне, сразу за избой Михайлы Михина, прогалок? Тут бы строению стоять, да вот никто не строится. Проклятое место.

Это уж на моей памяти было. Баусов Никита построился, хоть и говорили – не стройся. Да место понравилось, вроде бугорок такой площадный. Сухо. Через год с семьей сгорел. Потом Аверя Никитушкин избу поставил. Тоже вся семья от угару померла. Пожарный амбар поставили – и тот сгорел.

Нет, худое это место, проклятое. Не иначе колдун похоронен.

Черный рядом. Жуть!

Около самой полночи мимо старой Лушинской усадьбы лучше не ходить одному. От усадьбы только фундамент да старые березы остались, а все-таки... Так бывает – идешь, задумавшись, и вдруг видишь – за дорогой, вдоль нее, идет кто-то черный, скучный, лицо опущено, а кто он – не поймешь. Черный и все тут...

Этак попойдет, попойдет которое-то время невдалеке от тебя, потом как вздохнет! Тяжело, тяжело. И нет его.

А на тебя такая тоска нападет – всю ночь не уснешь.

Ну, а когда солнышко встанет – полегчает человеку.

Не зачурались

Наши деревские девушки на Святках в поле слушать ходили. Ну, известно как: лучиной по снегу круг обведут, а сами в нем стоят. Каждая на себя загадает, по очереди. Колокольчики услышит – значит в этом году замуж выйдет, собака где залает, значит в той стороне замужем быть. Кому что по звуку понимать надо.

Вот послушали, погадали и домой пошли. А зачураться позабыли. На полпути к деревне видят – ночь-то лунная была – бежит за ними кто-то черный, мохнатый и по лошадиному ржет да высоко эта подпрыгивает. Испугались девки. Бежать. Едва живы вскочили в крайнюю избу к дедушке Ивану. Дедушка у светца сидит, лапоть плетет. Удивился:

- Вы чего это не в себе?

- Дедушка, не зачурались мы, за нами черный, мохнатый бежит!

- Я его сейчас!

Взял кочедык (костыг), двери распахнул, на крыльцо вышел, а оно не крытое, девкам все видно. А что видно? Сидит черный, лохматый на осеке, мохнатыми ногами лягает, спрашивает:

- Дедко, где девки, где девки?

Дедушка Иван на него костыгом замахнулся:

- Куды ты прилез? Здесь не твоя вотчина! Уходи!

Черного, лохматого как и не было. Только снежная пыль завихрилась.

Барин на чортовой тройке

Шел Санька Гришин из Перелучи в Болонье. Только стал проходить мимо старого кладбища – за ним тройка погналась и никак догнать не может. А ямщик-то ухает, кричит. Испугался Санька и бежать. А тройка круг сделала да на кладбище, там и пропала.

Понял Санька – это черти лушиского барина катали.

За спасибо – ленты

А то еще раз было – ходили наши деревские девушки на Святках слушать. В кругу стояли, на каждую загадали и каждой хорошо вышло. Обрадовались девицы. Из круга не выходя «его» поблагодарили.

Понравилось «ему» это. Вот идут девушки домой, обгоняет их мужик, воз сена везет, сам наверху сидит. Кричит девушкам:

- Девчонки, сено у меня хорошее, духмяное! Возьмите по горсточке! Пригодится!

Девушки посмеялись, а все-таки взяли по горсти. Пришли в деревню, что такое? Не сено в руках у каждой, а шелковые ленты и разные-то разные цветом! Вот оно как!

Летучий огонек

Наш-то Иван Никитич в город поехал. Призапоздал. Ночью уже из Ровного выехал к Егольскому погосту. Ночь-то темнущая! Оглянулся Иван Никитич, обмер. Плывет над дорогой огонек. Белый, не мигает. Плывет и плывет, и больше ничего не видно. Испугался наш Иван Никитич, давай кобылу погонять. А дорога – песок, да и приустала кобыла, побежит и опять шагом. Кричит на нее Иван Никитич, кнутом порет, а что толку? Огонек все ближе, ближе... Пал Иван Никитич в телегу и молитвы читает. Тут огонек совсем рядом, окликают нашего Никитича. Едва по голосу признал землемера знакомого. Тот на велосипеде гнал, а на велосипеде – фонарик электрический. Не видывал еще таких Иван то наш Никитич. Как не испугаться, да еще у погоста!

И водяному калоши нужны!

Тогда мода такая была: в хорошую погоду по праздникам парни калоши надевали. Так вот гуляли у Деревской речки. Ванька Малан разыгрался с девчонками, те как-то ненароком толкнули его, и упал Малан в омут. Вылез оттуда, посмеялись над ним, а у него беда: одну калошину с ноги утопил. Домой сходил, переоделся, грабли взял и вытащил-таки свою калошину из омута.

А ночью к нему водяник пришел. Навалился на Ваньку, мокрый, холодный, хрипит:

- Отдай мою калошину, отдай!

Сходил утром Ванька к колдуну Михеичу. Тот подумал, советует:

- Не жалея калош. Брось обе в тот же омут. Хуже не будет.

Швырнул Ванька обе Калошины в омут. И что ты скажешь? С той поры удач-

ливей Ваньки в деревне рыболова не было! Одно только не пойму: на кой-хрен водяному калоши?

Конь-дьякон

Дядя мой Кузьма полесничал. Белок стрелял по осени. И был он в Шадринском бору да затемнил. Огонек разложил, хлебца пожевал, и задремать бы пора... Да как поднялся ветер, как загудели сосны да ели. И что дальше, то сильнее, и вроде по лесу топот раздается. Испугался дядя, влез на толстущую ель. Будь что будет! И вот подскакивает к огню человек. Да не простой, а в поповской одежде, в ряске. И ноги у того человека ниже колен лошадиные! Шерстью обросли, и копыта!

А на том человеке «он» сидит. Чернуший, лохматый, как кобель. Вот подскакали они к огню, черт соскочил, лапы над огнем греет, носом поводит, ищет – кто тут ночует? Да не учуял. Ветер не в ту сторону, не на черта дул. А человека, на котором черт ехал, дядя признал. Дьякон это Марковской церкви. Удавился он до этого года за три. Стоит, к сосне прислоняясь, стонет. И спрашивает дьякон «его»:

- Долго ли ты меня, нечистик, мучать будешь?

Загготал он, отвечает:

- До тех пор, пока ты весь лошадью не станешь!

Вскочил на него верхом, загойкал, и помчались они лесом, только гулы пошли. А ветер как рванет, как рванет. Весь костер разметал.

К утру дядя Кузьма с ели слез, опять огонек разложил. И ветер утих. Искал, искал дядя свое ружье, едва нашел. Его ветром в землю вниз прикладом до самой мушки вогнало. Едва из земли ружье вытащил.

Белый цветочек.

Дедушка мой Петр лыко драл. Четыре мотушки к полудню на себя повесил – две спереди, две сзади. Хорошее лыко, березовое. Идет дедушка Поперечным болотом, тому радуется, что скоро управился. И вот видит растет из моху цветок. Беленький и до чего красивый, что захотелось деду его сорвать, полюбоваться. Мужик, известно на людях этого не покажет, а без людей что ж...

Только дед за цветочек взялся, вдруг – ууух – провалился в болотное окно, что в ледяной кисель. И совсем бы на дно затянуло да спасибо лыковым мотушкам – не дали деду до конца утонуть. А все таки из пучинки этой не выбраться, не за что уцепиться, не на что опереться. Ну, погибай, старик!

Под вечер бабка схватилась, где старик. До ночи ждала - нет его. Голосить на-

чала, народ сбежался. Пошли в Поперечное болото, нашли старика, едва всем миром из грязи вытащили.

Сколько раз после того дед по болотам ходил, а такого цветочка больше не видывал. Колдун Михеич уж потом сказал:

- Не твой цветочек, не тебе бы его и трогать!

Сергей Журавлёв

(Лито г. Боровичи)

Без вести пропавший

«Когда-то, очень давно, на нашей планете, а может быть, и на другой, жили существа похожие на нас, но только очень добрые. Они затерялись среди миллиардов жителей Земли. Лишь изредка я встречаю их потомков – людей с лучистыми глазами и добрыми помыслами. Чаще мы называем их чудаками, донкихотами или просто Ваньками-дураками, упиваясь их простотой, искренностью и своей правильностью.

А может, и я один из потомков этих добрых существ? Или ты, мой друг?» (Из дневника Александра Сенюшкина, прочитанного участковым Журовым С.Ю. при расследовании дела «О без вести пропавшем Сенюшкине А.А.»).

* * *

Чёрт, махнув длинным хвостом, больно ударил по щеке. Эта боль пронзила все тело, обожгла внутренности и заставила лихорадочно забиться сердце. Саня издал рычание, пытаясь что-то сказать в ответ на эту выходку чёрта. Сил хватило только замахнуться рукой. Весь мокрый от холодного пота, он скатился с кровати и, встав на четвереньки, посмотрел в окно, куда выпрыгнул чёрт. Собрав все силы, Саня поднялся на ноги и осторожно, чтобы не спугнуть эту мразь, так надоевшую ему, подошёл к окну. Он отдернул занавески. «Ага, вот ты где!» - прохрипел Саня, увидев, что чёрт глядит на него в упор по ту сторону окна. В окно полетел стул, но чёрт увернулся и опять больно ударил хвостом по лицу, а затем, обхватив этим длиннющим и мерзким хвостом Санину шею, стал душить. «Ну, всё, мразь! Я так тебе не дамся, сдохнем вместе», - и Саня, издав звериный рёв, прыгнул на чёрта, пытаясь схватить его за горло.

* * *

- Ну, что? Очнулся, герой нашего времени?» - сказал человек в белом халате и с козлиной бородкой, - ты, братец, сколько уже пьёшь, неделю, месяц? Пора остановиться, у тебя уже белая горячка, со второго этажа свалился, чертей гоняешь!

«Ага, значит, это доктор, а я в больнице... или в психушке?»

Саня хотел утереть глаза и лицо от противного холодного пота, но рук было не поднять.

- Тише, тише, полежи пока так, пусть руки привязаны будут. Уж больно ты шумный, братец, - доктор осклабился в противной улыбке и, уже оборачиваясь к сестре, сказал: - Колоть витамины и глюкозу, утром рентген.

Саня закрыл глаза, хотел вспомнить, что произошло и как он тут оказался, но мысли пролетали, оставляя в голове какие-то обрывки, слова, лица и звон. Каждую клеточку головы, тела, рук, ног ломало; внутри башки кто-то звонко долбил и лез наружу.

И вдруг, как вспышка! Песчаный берег озера Дубного; залитая солнечными бликами гладь воды и белесо-голубое, без единого облачка, небо. Они, Саня и его друзья, сегодня защитили дипломные работы, а значит, закончили горно-керамический техникум. А значит – всё впереди! Значит, всё прекрасно!

Они бегут и на ходу скидывают одежду, прыгают в воду; снова бегут по мелководью, расплескивая вокруг себя тысячи искрящихся брызг. И каждый что-то кричит своим друзьям, и каждый понимает всех, хотя гвалт для постороннего слуха стоит невероятный. А в глазах друзей искры от солнечных бликов, отблески лучистого неба и светлая радость от всего происходящего в их жизни, в этом добром мире.

Наверное, Саня застонал, потому - что кто-то стал тормозить его за плечо: «Может сестру позвать?» Саня через силу приоткрыл глаза и увидел юношу, склонившегося над ним. «Какие добрые, лучистые глаза» - подумал Саня. Но потом юноша разогнулся и Саня понял, что он ошибся. Перед ним стоял самоуверенный юнец. А глаза у него были надменно – насмешливые.

- Где я? – спросил Саня.

- Во даёт, чертяра! В рай попал!!! – заржал юнец под общие смешки. – Всех чертей разогнал, вот сюда и прибыл! – и продолжил назидательным тоном, - в больнице ты, в травматологии, но вроде ничего страшного. Сестра сказала, что одни ушибы.

- Слушай, развяжи руки.

- Не-е, меня на это дело не подписывай.

- Вытри хоть пот с лица, сдохнуть можно, – простонал Саня.

Юнец взял со спинки кровати полотенце и морщась, быстрыми движениями обтёр лицо.

- Позови сестру... Мне надо... в туалет.

- Так бы и сказал.

Юнец вышел из палаты и вернулся с медсестрой, маленькой и смазливой. При ходьбе полы её коротенького халатика распахивались и красивые ножки будоражили воображение мужчин. Но только не Санино: ему было не до этого.

- Ну, что уставился, пьянь глазастая? У самого ничего не работает, а всё пялится, - она игриво посмотрела на юнца и, подойдя к изголовью кровати, уставилась на Саню холодным кошачьим взглядом. - Пи-пи хочешь, родной? Смотри мне, учуди чего! Враз получишь!...

И она стала развязывать Санины руки. Он шёл до туалета, а внутри всё тряслось и переворачивалось; казалось, что тело вот-вот разорвётся на мелкие кусочки, а стены вот-вот обрушатся.

А в памяти всплыли другие стены.

Стены следственного изолятора – серые, как его жизнь за три ближайших года.

А вокруг – безучастные глаза конвоиров и поблекшие глаза сокамерников. И еще вспомнилось уныние в глазах Мишки Лапина, который на суде был свидетелем и за которого он, Саня, заступился, как старший товарищ и бригадир.

В пивнушку, где они с приятелями после работы обсуждали за кружкой пива насущные проблемы, зашёл мастер их участка Аносов. Про него давно разнеслась слава подхалима и хапуги. А тут ещё лишил на все сто процентов премиальных Мишку Лапина – молодого парня, только что ставшего отцом. Но главное, несправедливо лишил. Не досмотрел тот, по молодости, зазоры при ремонте прессов. «За такое нарушение, на первый раз, мог бы и предупреждением ограничиться» - громко, чтоб все слышали, сказал Саня.

Аносов, отвернувшись от них, торопливо глотал пиво за соседней стойкой и всем своим видом показывал, что не хочет общаться с простыми работягами; что здесь он человек случайный. Не поворачивая головы, он внятно ответил: «Не твоего ума дело!»

А Саня вспыхнул и, подскочив к нему, схватил за грудки под общее одобрение, улюлюканье и смешки. В памяти осталось, как в надменных глазах Аносова вспыхнули и быстро потухли чёртики, а появился страх, но Саню уже было не остановить. Он ударил тем, что было у него в руках – полупустой пивной кружкой. Итог – серые стены, серые нары, серые товарищи на три года.

А что потом?

Потом были письма от жены, заочный развод по заявлению в письме; заочное (по переписке) знакомство с Любкой, освобождение и встреча с «Любовью – заочницей» у которой был уже второй срок за плечами.

А дальше? В памяти ничего не всплывало, видно, зацепиться не за что. Ярких, светлых дней в Санькиной жизни было мало. В основном были тёмные провалы в пьяном полубытии и серые будни в поисках заработка и выпивки.

В больничном туалете курили мужики с перевязанными руками и ногами. Саня попросил покурить, но никто не ответил. Протянув трясущиеся руки к окурку, лежащему на полу, он попытался унять дрожь, чтобы схватить его. А когда это удалось, было очень трудно засунуть его в рот – руки были как чужие. Кто-то чиркнул спичку и, наконец, со сладким дымом дрожь в теле стала проходить.

«Надо дёргать отсюда, а то опять привяжут». Саня подошёл к окну с этой мыслью, которая стучала в мозгах, как удары сердца. Он распахнул окно, посмотрел вниз и прыгнул.

Прыжок со второго этажа и утренний морозный воздух были лучшим лекарством. Огонь и ломка в теле стали угасать. Отбежав странной иноходью метров сто, Саня понял, что на нем кроме трусов и грязно-белой майки ничего нет. Какая-то бабка, окаменев, уставилась на него.

- Су-у-ка-а! – сипло протянул Саня, пробегая мимо неё, но его глаза сказали ей больше. Отпрянув назад и отмахнувшись от Сани, как от нечистой силы, она перекрестилась. Какие-то юнцы загоготали, показывая пальцем на бежавшего Саню.

Но он даже не посмотрел на них.
- Козлы! – проорчал он животным голосом.

* * *

На следующее утро Саня очнулся в полутёмном помещении. Было тесно, пахло гнилью и ржавым железом. «Где я?» Осмотревшись, Саня понял, что сидит в пустом контейнере для мусора. Он вылез из него. В сумраке ангара различались нагромождения таких же контейнеров, поставленных друг на друга и возвышавшихся чуть ли не до потолка. «Как в преисподней», - подумалось Сане.

Боль внутри тела и звон в голове мешали вспомнить, как он здесь очутился. Да и не хотелось напрягаться, он знал, что это ничего не изменит в его пустом существовании.

- Да и ха с ним! – выругался он.

- Кто здесь? – раздался жёсткий мужской голос.

Саня молчал. Он знал такие голоса. От их обладателей не раз попадало и Сане, и его сирым друзьям-товарищам. Они били молча и жестоко.

- Вован, иди-ка сюда. Опять, вроде, бомжара ночует.

Саня сжался. Бежать? Нет, бесполезно – догонят. Он попытался залезть обратно в контейнер, но не сумел удержаться и упал вниз, на пол. Ему оставалось только ждать.

- Ну, что, бомжара, попал? – раздался насмешливый голос над его головой.

«Этот может и убить... Глаза-то какие злющие.. Волчара!» - пронеслось в голове у Сани.

Безразличие и спокойствие охватило его. Почему-то он понял, что сейчас умрёт и что это единственный выход из его никчёмной, опротивевшей жизни.

* * *

Чёрт схватил его когтистыми, скользкими пальцами за горло, и не было никакой возможности сопротивляться ему: руки и ноги это рогатая мразь обвязала своим хвостом. Сане оставалось смотреть на его противную, слюнявую морду и в его хищные глаза. В них было наслаждение от конвульсий жертвы. Саня плюнул в эту морду. Силы и жизнь покидали его. Он закрыл глаза. Слёзы текли по его щекам, а губы растянулись в улыбке.

Саня улыбался – он бежит по залитому солнцем берегу озера. Вокруг друзья, в глазах которых отражаются искрящиеся блики воды и лучистая голубизна неба. Они бегут и на ходу скидывают одежду, прыгают в воду; снова бегут по мелководью, расплёскивая вокруг себя тысячи искрящихся брызг.

Кто-то радостно, растягивая слова, кричит ему прямо в ухо: « Саа-ня!

У-чёба позади-и ! Всё-ё впереди-и!» А голос до боли родной и знакомый.

На душе стало светло и безмятежно. «Значит, всё ещё впереди!» - мелькнула мысль в угасающем Санином сознании.

Георгий Иванов

(литературный клуб «Свеча» г. Боровичи)

Испытание Жизни

Далеко отсюда, в иных сферах и мирах существовал народ Волка. Это были не люди, истинного их облика не знал никто. Однако они были частыми гостями на Земле. Их родовой особенностью была возможность трансформации. И вот в одной из семей народа Волка, родился мальчик. Его называли Ирбисом, в честь снежных барсов, поскольку так они назывались на Земле. Рос он достаточно крепким, чтобы выдерживать и драки, кои случаются в детстве и юношестве. Но и при этом Ирбис не полагался только на физическую силу. Он знал, что в жизни важна и мудрость. В своё двадцатилетие, ему предстояло пройти испытание Жизни. Состояло оно из нескольких этапов. В первом нужно было одолеть зверя Судьбы, которых выращивали специально для испытаний. Зверь был гораздо сильнее и быстрее испытуемых, поэтому тот, кто проходил первое испытание, подтверждал, что способен выдержать удары судьбы. Второе испытание заключалось в проверке мудрости юноши. Для каждого оно было разным. Третье испытание, заключительное, проходило уже на Земле. Оно представляло собой синтез первых двух испытаний. Каждому кто проходил первые два испытания, полностью открывались способы трансформации. Ирбис выдержал первое испытание. Перед вторым испытанием ему приснился сон. Во сне он видел Землю, и видел там девушку очаровательную и молодую. Она брела опечаленная по улицам тамошнего города. Даже во сне Ирбис ощущал печаль и грусть. От переполнявших его чувств он проснулся. Было еще очень рано. Переливчатый серебристо-зелёный рассвет еще только-только озарил небосвод. Выйдя во двор, Ирбис застыл, вспоминая лицо девушки с Земли. Она ему понравилась, и он хотел быть с ней. Позади неслышно подошел отец.

- О чем задумался Ирбис?

- Па, как ты познакомился с мамой?

- О, это очень интересная и романтическая история. Когда-то я тоже проходил испытание Жизни. И моим третьим испытанием было задание защитить будущую мать уникального сына народа Волка. Старейшины меня отправили на Землю, на территорию страны которую аборигены называют Россией. Я нашел свою цель, и нашел надо признаться вовремя. То было время странных, для той страны, лет. Конечно, странными они выглядят на наш взгляд. Но это другой уже разговор. А будущая мать уникала была тогда студенткой в медицинском училище. В тот вечер она шла от подруги к себе в общежитие. Всего в паре квар-

талов от цели на неё напали несколько отморожков, у которых была одна цель: изнасиловать и убить. Но я появился очень вовремя. Раскидав по сторонам нападавших, я спас девушку и проводил её до общежития.

Тут отец Ирбиса задумался, а стоит ли открывать сыну всю правду. Но вспомнив разговор со старейшинами продолжил:

- Постепенно общаясь всё больше, и узнавая друг друга лучше, мы почувствовали взаимное влечение. И теперь эта девушка моя жена и твоя мама. Ирбис удивленно взглянул на отца

- То есть ты хочешь сказать, что я и есть тот уникальный сын народа Волка? Да ну па, это не смешно. Какой же я уникальный?

- Ты уникален своей трансформой. Только ты можешь обращаться в разные виды. И твоим третьим испытанием будет следующее. Твоя задача, спасти будущее народа Волка, которое заключено в одной юной девушке. Её земной возраст всего лишь 18 лет. Но она ключ к спасению нашего народа. Она способна возродить чахнувший народ. Дать ему новые силы и свежую кровь. Ты отправляешься завтра на рассвете. Подробности тебе объяснят на месте. Вольфан ушел, оставив Ирбиса в размышлении. Он развернулся к рассветному небу и подумал что возможно сон, приснившийся ему, был не просто какими-то мечтами, а предвидением будущего...

На следующее утро, после разговора с отцом, Ирбис уже получал задание на третье испытание.

- Молодой человек, вашей задачей будет обеспечивать безопасность земной девушки по имени Александра. Но вас видеть не должны. Необходимо чтобы с объектом было всё в порядке пока за ней ухаживает Вольвтарр. Когда она станет членом нашего народа, ваше испытание закончится. Вопросы по заданию есть?

- Никак нет.

- Замечательно, вечером вас ожидает переход на Землю. Идите готовьтесь.

Днем было торжество по случаю начала третьего испытания Ирбиса. Пришли все знакомые друзья, родственники. К вечеру весь праздник закончился. Ирбис уже был готов отправляться в путь. Пришел в зал, откуда отправляются все кто посылаемые на Землю. Перемещение прошло мгновенно. Закрывая глаза, он был еще дома, а открыв, оказался в незнакомом лесу. До цели ему оставалось два оборота местного светила. Звезда была, кстати очень похожа на ту, что освещала его дом. Пройдя по лесу, он трансформировался в тигра. Он мог бы обратиться в гепарда, но тигр более выносливый, чем гепард, хотя и чуть менее быстрый. Спустя половину оборота Ирбис уже приближался к месту назначения. Около города, он обернулся в человека и пошел в каменные джунгли. Ирбис прекрасно знал где искать свою цель. Поскольку дело было к вечеру, он рассудив здраво, решил что девушка уже наверняка дома. Подойдя к большо-

му пятиэтажному дому, он почувствовал, что Александра действительно уже у себя. Убедившись что с ней всё в порядке, Ирбис превратился в ястреба и взлетев на крышу, устроился на ночлег.

На следующее утро Ирбис в виде случайного прохожего обеспечивал безопасность объекта. И так продолжалось несколько недель. Утром до школы незримым хранителем, обеспечивая отсутствие, каких либо угроз, вечером до дома. За это время ему Александра очень сильно понравилась. Спустя недели после начала задания появился Вольвтарр. Но к этому времени Ирбису уже не хотелось бы за Александрой ухаживал Вольвтарр. Ему хотелось, чтобы девушка была с ним. И не хотелось её с кем то делить. По началу он сдерживал себя чтобы не мешать Вольвтарру делать свою работу. Но вскоре Ирбис стал замечать что тот ведет слишком грубо и жестко с ней. Ему это не нравилось. После нескольких недель мучений Ирбис, в тот момент когда Вольвтарр был один, подошел к нему и в лицо ему высказал всё что было на душе.

- Вольвтарр, можно поговорить с тобой?

- Да Ирбис, конечно. - Довольная улыбка Вольвтарра не обманула юношу. - Чего ты хотел?

- Я хотел сказать что ты не правильно себя ведешь с Александрой. Ты её не уважаешь как девушку, как равного себе. Ты слишком груб по отношению к ней. Если так будет продолжаться я отправлю запрос старейшинам о твоей невозможности вести это задание.

- Ты не сделаешь этого сосунок. Кто ты, малец только проходящий испытание Жизни и я который не первый раз окручивающий земных девушек.

- Ты не прав в отношении неё! - Ирбис упрямо тряхнул головой. - Она заслуживает лучшего к себе отношения.

- Что никак что влюбился в неё? Ха, да что ты понимаешь в женщинах. - Вольвтарр доверительно положил руку на плечо юноши. - Давай, хватит ругаться, возьмем по пивку, а я тебе расскажу как нужно окручивать женщин.

Ирбис скинул руку Вольвтарра. И взглянув на него полным ненависти взглядом ушел на свой пост. В дороге у него родился план как выбить из рук Вольвтарра Александру. В один из выходных, когда девушка пошла гулять с подругами, Ирбис похитил её от подруг. Принёс её в квартиру которую для него сняли помощники старейшин.

- Кто вы такой? Что вы собираетесь со мной делать? - Испуг девушки перерос в гнев. Его подогревало молчание Ирбиса. - Немедленно верните меня обратно иначе будет хуже.

- Александра, - тихо произнес Ирбис. - Ничего с тобой не случится. Просто я хотел сказать что ты очень красива. А еще сказать чтобы ты не доверяла Вольвтарру (Вольвтарр скрываясь под этим именем ухаживал за девушкой). Он жесток и ему нужно только что бы ты с ним легла в постель.

Александра от удивления потеряла дар речи. Так ей еще никто не говорил что она красивая. Да и предупреждение упало на благодатную почву. Девушка уже не первый задумывалась к чему же на самом деле ведет Вольдемар.

- Спасибо, я буду внимательнее, но как же зовут тебя, незнакомец?

- И...Игорь, - запнулся Ирбис, - просто поверь мне Вольдемару от тебя кроме постели ничего не нужно.

-Хорошо, - тряхнула волосами Александра, - а теперь верни меня туда, откуда украл.

- Нет! Я тебя к подъезду верну. Время уже позднее.

Спустя мгновение девушка оказалась у дверей подъезда.

Всю ночь Александре снился этот странный парень по имени Игорь.

Чем он её привлек, она не знала. Но ей хотелось с ним встретится еще.

Ирбис, после такого резкого нарушения устоев своего общества, сначала испугался, но ощутив в себе доселе не виданную храбрость, решил, что всё идет, так как и должно. Хотя душа тянулась к этой неизбалованной молодой девушке. Ему хотелось, чтобы она всегда была с ним. Но был в раздумьях, но при этом не забывал, что ему поручено охранять Александру и пока что с него никто этого не снимал. Однако Ирбис догадывался, что его недавний демарш просто так ему с рук не сойдет. Первые пару недель он всё боялся, что его выходка дойдет до старейшин и его вернут на родину. Но время шло, а реакции на его демарш всё не следовало. Он успокоился и стал всё чаще прикидывать, как лучше подобраться к Александре и возможно пригласить её погулять. Что касается Вольвтарра, то девушка дала ему понять, что он её не интересуется почти сразу после разговора с Ирбисом. В один из весенних дней, когда Александра шла со школы, сбоку от неё нарисовался Ирбис.

- Александра, пойдём, погуляем?

- А, мой похититель, который так обо мне заботится.

-Я всего лишь хотел предупредить.

-За предупреждение спасибо, оно вовремя пришло. Кстати, хотела спросить а откуда ты знаешь что он только этого добивался? Или ты с ним заодно? - Она, прищурившись осмотрела его подозрительным взглядом.

-Нет, я правда только о тебе заботился. Потому что ты красивая, и ты мне нравишься.

- О, даже так? И чем же я тебе нравлюсь?

Ирбис замялся. Он не был готов к такому откровенному разговору. Говорить красивые слова он еще не умел.Александра внимательно, и даже несколько снисходительно смотрела на высокого худощавого юношу стоящего перед ней. Ирбис преодолел себя и выдавил судорожно.

- Ты очаровательная, красивая. Меня к тебе тянет как магнитом.

Проговорив это Ирбис почувствовал что краснеет с ног до головы.

К этому моменту они уже стояли около подъезда девушки. Александра звонко рассмеялась и,легонько поцеловав Ирбиса в губы, как легкокрылая бабочка скрылась в подъезде. Он постоял немного, стараясь не спугнуть ощущение от первого поцелуя. Развернувшись, он направился было обратно к себе, но тут перед ним раскрылся портал. Ирбис замер от удивления: такое могли сделать только старейшины. Из озаренного фиолетовым цветом овала выскочили несколько воинов, схватив юношу за плечи, они вошли обратно и портал за их спинами закрылся. После секундного замешательства Ирбис спросил, куда его тащат. В ответ ему сказали закрыть рот и молчать. Он понял, что его авантюра вскрылась, и его ведут на разбор проступка. Вскоре конвоиры привели юношу в зал старейшин. Ирбису показалось, что со времени последней встречи они не сходили со своего места. Если в прошлый раз старейшины выглядели доброжелательно и даже ласково. В эту же встречу они были хмуры и неприветливы.

- Молодой Ирбис, вы допустили грубейшее нарушение своей миссии, вы сделали так чтобы объект отвергла уважаемого Вольвтарра. С этого моменты вы заключаетесь под стражу, и вас посадят в темницу до дальнейшего выяснения вашей деятельности. После того как Ирбиса бросили в камеру, к нему заходил ненадолго только отец.

- Зачем же ты сынок так поступил? Не оправдывайся, я верю у тебя были на то серьезные причины, но испытание Жизни ты провалил.

- Па, но этот Вольвтарр он такой грубый и жестокий по отношению к девушкам. Он же изуродует душу Александры!!!

Отец Ирбиса неодобрительно качнул головой:

-Сынок я тебя прекрасно понимаю, но факт есть факт, задание ты провалил. Если бы вместо самостоятельности ты сообщил бы старейшинам или хотя бы мне-то всё было бы замечательно, а так вышло как вышло.

После ухода отца юноша остался один. Больше к нему никто не заходил в течении следующей недели. Спустя неделю дверь камеры отворилась, и вошли старейшины.

- Ирбис вы не прошли испытание Жизни. На ближайшие двадцать лет вам запрещается покидать родительский дом. Решение окончательное и обжалованию не подлежит. Вы свободны в пределах приговора. Прощайте.

Старейшины ушли, Ирбиса освободили и отправили в отчий дом под присмотр родителей.

Владимир Краснов

(ЛитО г. Боровичи)

ОБЛАКА

Плывут, плывут, как мысли, облака...
Николай Рубцов

Как передать то мучительно зыбкое состояние между явью и сном, которое охватывает меня, когда нежданно-негаданно, откуда-то из потаённых глубин памяти выплывают лёгкие, как облака, видения?

Чего только не вспоминается мне...

Дни летят, как облака в ветреную погоду. И исчезают бесследно, как облака за горизонтом. Сядешь вечером, уставший, вымотанный неизвестно чем, и вспомнить нечего: куда-то звонил, с кем-то встречался, разговаривал о чём-то...

Опять меняется погода. Ветер, бередя душу, по-волчьи воет за окном. И кажется мне, что я один-одинешенек и вокруг ни души. И душа моя, как у спящего, блуждает в потёмках памяти, натываясь на давно забытое.

От бессонницы, крепкого кофе, от того, что хранит моя перегруженная память, болит сердце. Пить валерьянку и держать валидол под языком – бесполезно.

Сколько было в моей жизни мгновенных и случайных историй, участники которых даже не подозревали, какую роль они играли в моей жизни! Чаще всего это были некие сцены, не имеющие никакого продолжения, никакого смысла.

От земли, как от печки, веет теплом. Шар гелиографа прожёт в синем картоне узкую длинную щель, а солнце все сияло с небес и не собиралось прятаться за тучу. Черемуховый дым. Черемуховая метель...

...Ветер гнал к берегу лохмотья туч, тревожно шумел в соснах, сосны раскачивались, скрипели, роняя наземь ржавую осыпь прошлогодней хвои. И песок, хрустящий под ногами, и дорожки, проложенные среди сосен, смутно напоминали что-то неуловимое, летучее, как тучи, как облака...

Нет, я здоровый человек... Рассказы - это виртуальная реальность, которая, как роса на траве, является из реальности реальной. Вдруг вспомнится что-то, ниточка какая-то дрогнет в руках и вот рассказ, которого ещё вчера не было на свете.

«Дождь мелко сеется, да долго тянется» - вспомнилась мне услышанная от мамы поговорка. Дождь льёт сегодня весь день. В такую погоду, если некуда спешить, хорошо работается. Если настроиться на работу утром. Но утром надо идти в больницу, терпеливо ждать, когда закончатся предписанные врачами процедуры. Чтобы скоротать время, читаю на больничной койке Набокова. Писать после Набокова тяжело: кажется, что точнее и лучше просто не скажешь. Правда, в прозе его (особенно в прозе) всегда присутствует холодок стороннего наблюдателя. Он решителен и безжалостен, как хороший хирург.

А читал я, краем глаза поглядывая, как кровь моя перетекает в стеклянную бутылку, а потом из бутылки возвращается назад, его заметки о Гоголе. И ещё смотрел в окно, за которым клубились низкие тучи и яблоневая ветка покачивалась от ветра.

Мурманск. Одиночество в портовом городе, маета, незакатное солнце, сопки, коммуналки в деревянных довоенных бараках, ресторан «Встречи», бесконечные встречи в городе, состоящем из моряков и бесчисленных бичей, женщины в летящих одеждах, бегущий по волнам ветер, вольный ветер странствий, комиссии, набитые скучным заграничным барахлом, скучные разговоры о барахле («в Дакаре взял пару корейских футболок, американские джинсы...»), скучное баночное пиво, скучная жизнь в весёлом, полном соблазнов городе...

В воздухе висит сухая ржаная пыль. Вода во Мсте тёплая, почти парная. Река заметно обмелела. Томительный запах сена. Лай собак. Облака на горизонте стоят неподвижно, как далёкие приморские города с церквами, башнями и минаретами. Закат болезненно красный. Птицы поют как днём. Кто-то проехал на мотоцикле с копной сена в коляске.

Заводят свою скрипучую песню дергачи.

Громкий назойливый скрип дергачей, зонтики травы-урода борщевика смутно белеют в темноте. Лошади пасутся, печально позвякивая колокольцами.

Красный глаз луны бессонно таращится на притихший к ночи Опеченский Посад. Взревел где-то мотоцикл, и треск его, замирая, пропал во мгле.

Мелеют колодцы. За ночь истомленная зноем земля исторгает из своих недр лужицу мутной, пополам с песком, воды, годной только для полива.

Продают землянику. Стаканчик солнечных ягод, собранных, как сообщила словоохотливая продавщица, на озере Крюково, стоит двенадцать целковых. Да и то сказать - жара, слепни, мухи, мошка... И за двенадцать долларов не каждый решится на подобную «экспедицию».

Воздух застыл, как вода в застоялом пруду. Кошки от жары не бегут - плывут, пересекая тротуар, как большие хвостатые рыбы.

Высунув языки, со всем усердием, на какое способны лишь юные души, ладили мы огромный, как стог, пионерский костёр. Ради этого костра нас отпустили с уроков. Мы таскали хворост со всего леса, мы валили сушняк... Костёр получился на славу. В качестве бесплатного приложения к нему мы сделали (никто нас об этом не просил) некое подобие шалаша в Разливе и, довольные своей работой, явились в школу в ореоле победителей.

А когда вся школа со знаменами, барабанами и горнами нестройной колонной двинулась на нашу поляну, наш костёр мирно догорал последними головешками...

Вопль разочарования вырвался из сотен детских уст. Мы оправдывались, но, если бы не шалаш, чудом спасённый от огня, нам ни за что не поверили бы. Костёр, конечно, сладили. Не такой, как у нас, похуже, но и он весело и беззаботно полыхал рыжим пламенем среди бела дня под пионерскую песню: «Взвейтесь кострами, синие ночи...»

В тот день, точнее, уже ввечеру, я испытал лёгкую, как простуда, влюбленность в одноклассницу Таню. Набившись в кузов школьного грузовика, мы возвращались в родные пенаты. Машину кидало из стороны в сторону, и Таня, дабы

удержаться на ногах, схватилась за рукав моей вельветовой куртки. Сердце мое ёкнуло и заныло, незнамо от чего, но счастье моё длилось недолго. Ровно через минуту Таня уже уцепилась за другой рукав, это был рукав красавчика Толи. За мой рукав она больше не цеплялась, как ни старался я, рискуя упасть, оказавшись поближе к ней...

На ночлег меня отпускали в общежитие к другу. Коротко стриженный, я шагнул через весь город в общагу, где в восемнадцатом столетии располагалась семинарская библиотека. В комнате под сводами обитало человек пятнадцать парней. Койки стояли и так, и этак, и ещё как-то... Мишкина койка стояла у окна, забранного кованой решеткой. За окном цвела черёмуха, чернели огородные грядки, крапива зеленела... Все были заняты делом, все знали друг друга, все знали, что будет с ними завтра, послезавтра... Один я ничего не знал. Судьба моя каждый день решалась и никак не могла решиться окончательно и бесповоротно.

Двор военкомата, суетный и многолюдный с утра, к вечеру пустел. Стриженные «под ноль» новобранцы уезжали на приземистых, как танки, «Икарусах», их провожали, им махали рукой, кричали что-то счастливое, напутственное, необязательное. А я оставался. Личное моё дело, не подписанное непреклонным в своей правоте врачом-отоларингологом, обнаружившим у меня воспаление среднего уха, опять откладывалось в сторону. До следующего утра.

Я сидел на Мишкиной койке, читал какую-то книжку, найденную у него в тумбочке, и не понимал прочитанного. Сквозь замысловатую вязь букв мелькали лица, в ушах звенели воинские команды, мальчишеские голоса, гитарные переборы...

Господи! Каким надёжным и прекрасным казалось мне в те дни нищее студенческое житие с его теснотой, запахом пыли и давно не мытых полов, с его низкими сводчатыми потолками и серыми, в подтёках и трещинах, стенами. Как хотел бы я оказаться среди этих счастливчиков, не понимающих своего счастья! Я смотрел на них с любовью и уважением, как пришелец из далёких нездешних миров, а они... Они едва ли замечали меня. Все они, включая моего школьного друга, были заняты собой, и ничего, кроме самих себя, не видели в окружающем их мире.

Женька Александров рассказывал.

- Приснился мне сон, что я купил «Оку» последней модели, и у меня эту «Оку» украли. И так явственно приснилось, что я чуть с дивана не соскочил и к окну

не кинулся, посмотреть: правда украли или нет... Расстроился сперва, а потом вспомнил, что никакой «Оки» у меня и в помине нет, успокоился и опять уснул. А на следующий день (дело в Новый год было) пьяненькому свату рассказываю: так, мол, и так, приснилось мне, что «Оку» купил... А он мне: «А на фига ты «Оку»-то покупал, не мог чего-нибудь попрестижней купить... Я ему: так это же сон! А он опять: «Я бы на твоём месте ни за что «Оку» не купил, и правильно, что у тебя её украли». Так и не понял ничего. Я рукой махнул: чего с пьяного возьмешь...

Проводив сына на ранний утренний поезд, я возвращался домой, зажигал газ, кипятил воду, и, прихлебывая на тесной кухоньке чёрный до горечи кофе, вспоминал, как шли с ним к вокзалу, как шутили дорогой, как разговаривали потом под жёлтым пятном света у будки путевого обходчика, дожидаясь, когда вслед за мурманским пойдёт новгородский поезд. Мурманский часто запаздывал, и мы стояли, переминаясь с ноги на ногу, под студёным безжалостным ветром, смеялись над чем-то, и я наставлял сына, как жить ему в чужом городе среди малознакомых людей, хорошо сознавая всю бессмысленность таких наставлений.

И меня когда-то наставлял отец, и я, как и мой незаметно повзрослевший сын, вежливо соглашался: «Да, да, конечно, папа...» И думал о чем-то своем...

Михаил Крепин

(г. Боровичи)

Хитрые рябчики

Помню, раз в августе спугнул я на опушке большой, очевидно, нетронутый выводок рябчиков. Птенцы были крупные, хорошо летали.

С характерным порханьем: «прр...пр...» короткокрылые, увёртливые толстячки мгновенно разлетелись в разные стороны и затихли, замерли, словно их тут и не было.

Я уже знал по опыту, а больше по рассказам, что выследить рябчика, если он затаился, очень трудно, почти невозможно: легче его подманить, самому спрятавшись. «Манок на ряба» - крошечная свистулька из птичьей же косточки – был при мне, и хотя пользоваться им по-настоящему я не умел, но всё же решил попытаться: присел, расположился поудобнее в молодом ельничке, замер, жду.

Тишина. Августовское солнце, подёрнутое белыми перистыми облаками, клонится к западу. Лес молчит. Только дятел, словно трудолюбивый плотник, где-то постукивает да желтоватые листья на старой осине чуть слышно шепчутся. Кто знает, может быть, деревья уже почувствовали холодное дыхание осени и задумались, вспоминая морозы, метели, сугробы снега...

Прислушиваясь, я терпеливо ждал. Рябчики здесь, неподалёку: в кустах, на ближайших деревьях, - в этом не было никакого сомнения. Мне удалось подметить, как под одним закачалась ветка, когда он садился. Теперь надо выждать. Пусть птицы сами себя обнаружат: подадут голос друг другу, вспорхнут или хотя бы пошевелиятся...

И вот я дождался...

-Пи-и, пи-и...Пи-и! – раздаётся в кустах нежный свист, сначала в одной, после в другой стороне, там и тут.

Догадаться было нетрудно: свистят рябчики. Однако о чём они разговаривают? Может быть, птенцы уведомляют мать: «Мы здесь, мамочка, здесь, все живёхоньки...Не беспокойся о нас»...Может быть, спрашивают совета, не зная, что делать; а может быть, жалуются, зовут, просят помощи. Это тоже вполне вероятно.

- Пи-и, пи-пи!..- начал и я насвистывать, стараясь вложить в тонкий голос манка-костяшки как можно больше жалобы и мольбы.

Мне казалось, что добрая, всегда отзывчивая мать или другой кто-нибудь из многочисленного семейства рябчиков «внимает» мольбе, пожалеет, выйдет на зов своего терпящего бедствие сына или братишки: до того этот, по-моему, был

трогательно нежен.

Но, странное дело, ни отзывчивая мать, ни один из короткокрылых братьев, ни одна из сестёр не приходили, не показывались, никто из них даже не шелохнулся. Больше того, перекличка в кустах прекратилась, тонкий посвист вокруг меня смолк; всё снова стихло. Не теряя надежды, ещё-таки жду; снова и снова подаю нежный умо- ляющий голос, зову... Ответа нет.

Наконец, когда терпение моё лопнуло, я решил прекратить игру, подняться и снова разогнать притихших рябчиков. Покинув своё укрытие, принялся шумно ходить то в одном, то в другом направлении, обошёл всю опушку, ломая сучья, стучал по деревьям, бросал палками, кричал. И...не увидел, не поднял, не спугнул ни одного ряб- чика.

Куда они все подевались?

- Ты не понял, о чём рябчики разговаривали, - объясняет мне дядя, старый охотник и рыболов. - Рябчик-матка – хитрое существо, не думай. Она предупредила птенцов: «Охотник здесь, за ёлками, в папоротниках...Свистит нашим голосом, а сам держится за курок. Нам надо уходить отсюда подобра-поздорову». Она спустилась тихонько с дерева, созвала своих ребятишек и увела, а ты остался...со своим длинным веснушчатым носом.

Накануне больших перемен

(Отрывок из книги воспоминаний)

Погожий осенний день. Я иду мимо изрезанного межами ярко- зелёного озимого поля, принадлежащего крестьянам деревни Равны, и думаю: почему полосы дяди Василия – широкие, на четыре души, а у дяди Петра – узенькие, только на две? А ведь душ-то живых, считая и ребятишек, в Петровой избе даже больше, и ржаную муку на хлеб они покупают у сельского лавочника почти всю зиму. Кто так несправедливо поделил нашу землю? Поросшие лесом Федорские бугры, где так много грибных местечек; западный склон горы Любки с его обширными пастбищами, луга по берегам Белой речки, не говоря уже о полях, окружающих усадьбу, о берёзовых и липовых аллеях, осеняющих подъезды к ней, принадлежат помещице Титовой. А у моей мамы, которая стирает и гладит тонкое батистовое бельё этой одинокой старухи, всего лишь один огород, где с лошадьёю и не повернуться. Но и за него мы ежегодно платим равенским мужикам три рубля. Своей земли у нас нет. Нет ни лошади, ни коровы. Мама говорит, что мы – бобыли. Почему? Как это случилось? Живём постоянно в деревне, считаемся крестьянами, а земли не имеем? Я рано начал задумываться, но разобрался в этих сложных вопросах отнюдь не сразу. ...

Мариса Кудесова

(литературный клуб «Свеча» г. Боровичи)

Сказка о маме Спокойной ночи и папе Добром дне

В этой истории вы узнаете о том, что не только добрый день, но и спокойная ночь делают счастливыми и нас, и наших детей.

В одной чудесной стране жила одна маленькая девочка. Нет, она не была одна. У неё были и мама, и папа. Все вместе они были – одной семьёй, и в этом нет ничего удивительного, ведь множество на свете таких семей. А удивительным было то, что маму девочки звали Спокойная ночь, а папу – Добрый день. Родители очень-очень любили дочку, ведь в её огромных, любопытных глазах отражались целое небо, солнце и весь мир. Ясность взора и чистота детского сердца соответствовали её имени - Звёздочка. В присутствии этой девочки затихали споры, высыхали слёзы, души людей наполнялись желанием творить добрые дела и радоваться жизни. А ещё родители помогали Звёздочке мечтать. Ведь настоящая мечта всегда воплощается в счастье.

– Мамочка, ты мне расскажешь новую сказку? – доверчиво и пытливо голубые ясные глазки Звёздочки смотрели на мать.

– Конечно, расскажу, а ты, моя Звёздочка, слушай да глазки закрывай. Спать уже пора, – нежные руки мамы поправили сползший краешек одеяла, ласково погладили её по шелковистым волосам, которые волнистыми прядками разматывались по мягкой подушке.

– В одной сказочной стране, за дальними синими далями жил «золотой» мальчик, так люди говорили о нём. И был этот мальчик такой весёлый и неугомонный, что когда наступало утро, он вприпрыжку бежал к голубому озеру, чтобы встретить своего отца-рыбака, а заодно и освежить своё румяное личико прохладой утренней воды. Озеро находилось недалеко. Точнее, дом, где жил этот мальчик, находился на берегу этого озера, а ещё на берегу, рядом с домом был прекрасный сад. В саду цвели каждый год разные цветы, порхали бабочки и стрекозы, пели птицы и зрели огромные сладкие яблоки, апельсины, груши и сливы. Пробегая по влажному от ночной прохлады песку к прозрачной воде, тихо мурлыкающей белой пеной и приглаживающей волнами песчаный берег, мальчик, ещё издали завидя лодку, звонким детским голосом кричал:

– Папа, папочка, доброе утро! Отец мальчика был рыбаком и каждую ночь уходил на небольшой деревянной лодке ставить длинные сети, а утром, когда ещё его семья спала, он проверял их и возвращался домой с уловом. Каждое утро на берегу прыгал и смеялся непоседливый и любопытный ребёнок – его сын.

– Доброе утро, Солнышко! – говорил отец, причаливая лодку с уловом и мо-

крыми сетями к белому валуну. Он забрасывал вёсла в лодку, брал длинную тугую верёвку, ступал в прохладную воду. Его штанины брюк были закатаны до колен, а рукава плотной брезентовой куртки до локтей. Брызги от его уверенных шагов рассыпались в разные стороны, и такими же уверенными руками он ловко набрасывал верёвку на округлый выступ белого валуна, затем этими же сильными руками подхватывал сынишку, прижимал к своей груди, целовал в лохматую макушку огненно-рыжих волос и поднимал над своей головой, а лучик солнца дрожал от радости и прыгал, прыгал прыгал, и золотил, золотил, золотил всё больше непокорную копну волос мальчишки.

- Ты самый золотой в мире, ты лучшее в моей жизни, ты мой сын, - баритонистый мужской хохот и звонкий детский смех разливались над синевой озера, уносились в небесную синь вместе с ласточками. Потом сын с отцом дружно собирали в садок рыбу из лодки, разбрасывали тяжёлые намокшие сети на просушку и полные бодрости и удовлетворения результатами, отец – удачной рыбалки, сынишка – помощи отцу, возвращались в родной дом, пахнущий уютом, свежими пирогами и новыми мечтами...

Летели дни за днями, год за годом. Отецеская искренняя любовь, труд и терпение, забота о сыне и понимание делали мир мальчика теплее. Мальчик вырос, набирался жизненного опыта, но пройдёт ещё немало лет, - продолжала говорить мама. Её задумчивый взгляд ненадолго оторвался от лица засыпающей девочки, устремился за пределы тёмного ночного окна. Медленно кружился хоровод из звёздных огоньков, тихо плыла в серебристой лодочке круглолицая луна. Деревья и цветы всеми своими листьями впитывали в себя ночную свежесть, чтобы на следующий день радовать людей сочной радужной красотой. Иногда где-то раздавался ворчливый лай какой-нибудь неугомонной или очень ответственной собаки, ещё реже доносилось воинственное «мяу» путешествующих по тёмным закоулкам котов. Всё меньше становилось звуков, всё больше тишины. Ночь дарила всему живому мечты о будущем дне, окутывая землю покоем и сладкой безмятежностью.

- Да, пройдёт немало лет, пока золотой мальчик станет обладателем золотого характера. Из этого маленького парнишки вырастет мужественный и умный мужчина, в добрых глазах которого будут играть солнечные зайчики, и встретит он на своём жизненном пути необыкновенную женщину, с которой они решат создать семью. Разные события будут подстерегать их на этом пути, но они рука об руку преодолеют неприятные из них, с благодарностью встретят радостные и счастливые. Вот таким счастливым событием станет твоё появление на свет, Звёздочка. Спокойной ночи, детка!

Мечта! Она всегда далека и желанна, но стоит ей появиться, прийти, осуществиться, как она незамедлительно даст свои плоды – другие мечты. Человек не может жить без мечты. Мечтая, мы раскрашиваем свою жизнь, и могу предполо-

жить, что именно осуществлённые мечты делают нашу жизнь прекрасной, а нас достойными этой жизни.

Сказка о забытом цветке

В одной невиданной многими, но очень красивой стране, в небольшом уютном городке жила-была добрая и заботливая, еще совсем не старая, но уже и не молодая женщина. Работала эта женщина в маленьком магазинчике, где продавали цветы. Цветы на полках магазина находились разные: искусственные, совсем как настоящие, живые в горшках, корзинках, букеты в вазах... Цветы были всюду, не только на полках. Они вились по стенам, оплетали своими стеблями деревянные опоры, металлические шпалеры и перголы, свешивались прекрасными бутонами с декоративных арок. Любой прохожий, переступая порог этого уютного магазинчика, попадал в волшебную страну цветов. Белые, желтые, красные... Стеклянные витрины оберегали отточенные бутоны роз-иностренок на длинных, высоких стебельках, курчавые головки хризантем, утонченные и высокомерные мордашки орхидей

Однажды хозяйка магазина, спокойно и внимательно принимала новый товар, оставался один пергаментный сверток небольшого размера. «Кто же ты такой?» - подумала продавщица цветов и решительно разрешила ножницами бумажную упаковку...

- Приве-е-е-ет! Так вот ты какой, маленький подкидыш...

То ли от удивленного женского голоса, то ли от дневного света, накрывшего всю ее с головой, колючая кривая веточка с почти невесомым сухим пучком корешков словно задрожала, тоненькие иголки-шипы вытянулись по струнке в разные стороны. Продавщице показалось, что эта странная, худенькая, несуразная от своей беспомощности, испуганная веточка сейчас выпрыгнет из обрывков бумаги и поскачет по всему магазину, пока не найдет безопасное место.

«Полежи еще немножко, - сказала она и улыбнулась. – Все будет хорошо, подкидыш!» От ее ласкового голоса кривой стебелек успокоился, напряжение взъерошенных шипов спало. Женщина решительно направилась к стеллажу. Выбрав простой керамический горшок и подходящий грунт, она вернулась к веточке. Веточка смиренно лежала. На что она надеялась, чего ждала? Скорее всего, что смирялась со своей судьбой, доверяясь заботливым рукам милой продавщицы. Веточка больше не выпускала шипов, словно умерла. Женщина, взяв ее в руки, даже не почувствовала ни одного укола. Она аккуратно расправила корни и легко опустила веточку в горшок, присыпав ее основание сверху грунтом и плотненько утрамбовав его пальцами, она полила растение отстоявшейся с вечера водой комнатной температуры.

- Живи, подкидыш! – женщина улыбнулась и поставила горшок на свободное место на подоконнике.

И вот пришло время, когда на стебельке зазеленели маленькие капельки-почечки. Они каждый день увеличивались, набухали все больше, и вот пришло время, когда появились первые нежные блестящие листочки. С каждым днем их было все больше, и вскоре на веточке, на самой верхушке появился маленький тугой бутончик. Бутончик, словно небольшой зеленый купол, стремился вверх к небу, точнее к потолку.

Наконец, бутончик стал приобретать яркую красную окраску. Зеленые чашелистики вокруг бутона своими остроконечными резными кончиками стали выгибаться в противоположную сторону от бутона. Его лепесткам становилось тесно быть прижатыми друг к другу, и они потянулись к свету, свободе, восхищению людей. Их мягкие кошачьи лапки были изящны и прекрасны, источали тонкий аромат. К сожалению, цветок не мог говорить, но мог думать, излучать красоту и звучать, звучать, звучать красотой и изяществом.

Однажды в магазин вошла молодая пара. Мужчина подошел к витринам и стал внимательно рассматривать находящиеся там цветы. Странно повела себя его девушка. Вдруг ее взгляд остановился на подоконнике. Она нерешительно приблизилась к окну, ее лицо озарилось мягкой улыбкой, глаза заискрились.

- Она поет, слышишь? Так может петь только счастье, - проговорила она.

Валерий Мартынов

(литературный клуб «Свеча» г. Боровичи)

Попутчики

Попутчики.

Попутчик – тот, кто временно и только внешне примыкает к кому-либо...

Забыть было удивительным, выпал я из яви. Вагон дернулся. Меня охватило блаженное чувство. За стеклом уплывала платформа вокзала. Уплывала выбоина в бетоне, в ней скопилась вода, в воде отражалось небо.

Я пропустил миг, когда женщина вошла в вагон. Она почему-то уселась напротив. Проскользнула по мне нехорошими, серыми, слишком светлыми, неуютными, непонятного цвета холодными глазами, мне показалось, не согретыми душевным теплом. Такие глаза, мне подумалось, сводят на нет красоту женщины. Для неё я был словно штора на окне, ничтожная частица движущегося вагона.

Повторюсь. я не сумел заслужить у неё ничего, кроме равнодушного взгляда. Но мне стало тесно, моё пространство теперь заполняла не только женщина, но и её воспоминания. Я стал раздваиваться, одно за другим проносились пережитые ею чувства. Вначале ничего не получалось распознать. Я как бы продвигался по её памяти. Не мог только определить, по лабиринту иду, по тоннелю, по разрушенным ли катакомбам?

Прежний «я» разглядывал из-под ресниц женщину, второй «я» получал информацию. Переходил из одного ответвления в другое.

Какие-то ходы были заложены. Раствор в кладке был ещё свеж. Недавно, знать, события происходили.

На женщине была надета модная дублёнка, меховая шапка. Замшевые сапоги. Она аккуратно повесила дублёнку на крючок. Вещей с собой никаких, значит, едет пару остановок, не больше.

Раскрыла журнал, стала его листать. Я смотрел в стекло окна, отражение оттуда смотрело на женщину. Острота пережитых женщиной чувств, начала колоть моё второе «я», предлагая докопаться до сути её воспоминаний. Перескок шёл с яруса на ярус.

Её чувства переходили в слова, слова входили в меня сами собой, я их только осознавал. При этом притворялся, что совершенно ко всему равнодушен.

Кидаю взгляд. В моём настроении произошла перемена.

Полумрак вагона. Поезд шёл вдоль края озера. Стук колёс ритмично накладывался на слышимые фразы. Я считываю их с судорожно сжатых губ. Губы гото-

вы скривиться в плаксивой гримасе.

Не мне предназначены слова.

«Нам посчастливилось стать избранными – совпасть в двух главных проявлениях любви и человечности – в чувственной близости именно друг к другу и в интеллектуальном интересе именно друг к другу. Ты сам признавал, что это редкость, это – чудо, и это нужно беречь и лелеять. Я так и делала. Совершенно переформатировалась под тебя, дома сидела безвылазно, хотя это невероятно для того, кто привык сутками лазать с фотоаппаратом по окрестностям. Я совсем перестала писать, потому что утром непривычно, а вечером уже нужно спать.

Я вовсе не призывала тебя меняться. Я приняла тебя таким, каким увидела, встретила – как и ты меня. Страсть первых дней узнавания улеглась, она успокоилась, и нам нужно было жить друг с другом КАЖДЫЙ ДЕНЬ, ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ. Оставаясь желанными и приятными друг другу.

Но, прости, ты выбрал не того человека, ты меня никогда не смог бы превратить в кухонную принадлежность. Я выше этого, я – лучше.

Меня нельзя контролировать Я такого не потерплю. Но с тобой, что удивительно, я первое время могла быть сама собой. А потом, как-то уяснилось, что ты не принял меня полностью такой, какая я есть, вот я и посчитала, что поэтому у нас нет будущего. А без будущего, зачем всё было начинать, не правда ли?

Тем не менее, ты мне был нужен – с этим не поспоришь. Мы стали попутчиками. Я не предполагала, что дорога, по которой пошли, окажется такой короткой.

Попутчикам, что и надо, так внимательно относиться друг к другу. Уважать взаимно мнения, решения «второй половинки», поддерживать и помогать. Возможно, я что-то не видела, в чём-то поступала не так, как ты это видел. Так подсказать надо было. Но и самому, будь ласка, надо было учитывать мои пожелания, решения, потребности.

Не надо было дразнить меня, как обезьяну в зоопарке, если мои решения расходились с твоим видением жизни. Но, даже живя непохожими вместе, мы были не одно и то же, мы разные, и в этом была вся прелесть, тайна и жажда.

Мы как два ключика стеклись в один ручеёк. И течь надо бы согласно, не баламутиться, взбивая ил, а прозрачно сливаться».

Странно мне было слышать упрёки. Косился я на женщину: что слышал, не вязалось с тем, что видел. Женщина изливала свою душу. Она разговаривала не со мной. Поразительно, если бы она могла только предположить, что моё второе «я» стало её собеседником, как бы она поступила?

Ещё поразительней было бы, если б вдруг открылась дверь, вошёл и к ней подсел тот, с кем она разговаривала...

Никак не получалось представить того, кому обращены её слова. Конечно, к мужчине, который был старше её.

Прошло несколько секунд...И тут же слышу ответ. Начинаю ей отвечать. Не я сам, а он. «Он» отвечал через меня. Повторюсь, я её вижу в первый раз. Ни - кто она, ни - куда едет. Приблизительно ей тридцать с гаком. Теперь женский возраст определить трудно. Львиная доля денег тратится, чтобы скрыть возраст.

Мне как-то всё равно, куда она едет. Может, от кого бежит. Я для неё тоже попутчик, не любезный. Не удосужился помочь снять дублёрку. Не завёл разговор.

А Он между тем отвечает. В стекле видно отражение, может, это Он?

Женщина взглядом прошлась по мне. Отметила, что у меня спокойное лицо. У меня, оказывается, крупные ноздри. У меня шевелятся губы.

Он начал с ней говорить. Голос взволнованный, с хрипотцой.

«Я считал, что лишь на время человек прилепляется к другому человеку, до тех пор, пока в сердце сохраняется привязанность. Привязанность имеет свой срок. Ты, кажется, с самого начала для себя установила такой срок. Год, три года, пять лет? Сколько проживётся. На моё предложение, выходить за меня замуж, ты ответила, что никогда замуж не пойдёшь. Замуж – это лишиться свободы.

Я понимаю, у тебя богатое прошлое, такое редко когда сразу отпустит. Оно постоянно будет выглядывать из-за плеча, оно будет подталкивать под руку, оно будет подмечать просчёты и огрехи. Оно будет сравнивать. Оно иногда холодным сожалением нелюбви наградит.

Тебе, как наркоману, нужны новые ощущения».

«С чего ты взял? «Поживётся», - зависит от тебя. Я тебе очень благодарна, мне с тобой было хорошо. Повторяю, насилия не переносу, а его постепенно накопилось до предела - и секс без желания, и диктат режима жизни, и ковыряние в мозгу. Просто стало невыносимо. Моё состояние - свобода, и я вернулась в неё. Уступки каждый день это - тюрьма. Я спасла свою личность. И теперь мне очень хорошо»

«У моего прошлого тоже свой набор привычек, оно тоже сравнивало и сравнивало, выгребало из далёких тайников прошлые встречи, прошлые связи, сопоставляло. Лучше, хуже... Тебя морщило от моей сдержанности, от неласковости, от нежелания говорить доброе утро и спокойной ночи. Тебя хотелось чего-то особенного.

Раз за разом задаю себе вопрос, что лучше, когда соединяются двое неумех, или, когда, обременённые каждый своим опытом, неординарные, создают союз? Союз чего? Союз для чего? Союз ли?»

. «Я живу теперь отлично - наслаждаюсь одиночеством и свободой. Связала декоративный элемент к одной из юбок. Никого не вижу и счастлива этим. Завтра будет весёлый день - всё утро составляла себе вкусный маршрут праздничного передвижения. Конечно, не всё намеченное сбудется, но буду стараться. Я выхожу редко, но метко»

. «Мне раз за разом приходилось сдавать свои позиции, уступать в мелочах, не договаривать, подмечать несурзности. И молчать. В ушах стоит твоё: «Не говори мне это, я не хочу это слышать. Мне это не нужно... Я не боюсь, если ты меня выгонишь».

Почему «выгонишь»? Значит, ты в себе не уверена? Значит, такое уже было?

Спешка, с которой ты уехала, породила неясное чувство. Что-то мне нужно было делать не так? Что?

Сдувать пылинки? Влюблено глядеть в глаза? Ворковать? Засыпать подарками? Так многое из этого я проделал до привыкания, до насыщения, до пресыщения, которое в позевоту стало выливаться. Я ведь не сразу понял, что ты начала, спустя пару месяцев, искать, к чему бы прицепиться. Это стало потом. Мелочи начали главенствовать: не так посмотрел, не то сказал, не так держу ложку. Запах тебя начали преследовать. Тебе тошно стало. Ты ждала большего.

Ты глаза стала отводить в сторону. И эта дурная привычка - втиснуться в угол кресла и молчать. Делать вид, что книга заинтересовала. Ты молчанием отгораживалась от меня. И как-то исподлобья поглядывала. С этого начались сомнения. А сомнения - они жизненные качели».

Монотонно постукивают колёса. Этот стук готов был ввергнуть в равнодушие и сон. Никак не получалось представить того мужчину. кто говорил. Голос слышу. Странны мне эти мысли вслух. Тот мужчина не обличал, он пытался что-то понять. Он растерян. Удивительно, его как бы и нет, а я его слышу. Краем бы глаза сопоставить их обоих... А вообще-то. мне показалось. что женщина сожалеет. Я стараюсь стать ко всему равнодушным, отдаться забытью, в нём отвратительное противостояние двух забудется.

Негодование и досада, скопившиеся за несколько минут, превращали меня в съёжившуюся оболочку. Я стараюсь смотреть в окно, чтобы избежать взгляда с женщиной.

Мне ничего нельзя принимать всерьёз. И он, и она отплачивают долг. Мужчина виноват, больно сдержанным он оказался. Ни разу не опустился на колени, не осыпал цветами, не спел серенаду. Подобные мелочи имеют огромное значение.

Женщина с рассеянным и равнодушным видом перелистывала журнал. Она перелистывала совместно прожитые дни. Она упрекала себя за сентименталь-

ность романтической дурочки.

«Я вообще никогда ни с кем не мечтала соединить свою жизнь. Вольный поэт жизни. Хотя это и звучит смешно, но я гордилась своим эгоизмом. Никому не обязана. Кто-то возил, кто-то кормил. А ты почему-то сразу заговорил о долгосрочном узаконенном отношении. Меня сначала вполне устраивали наши отношения. Сегодня, сейчас – хорошо, ну и нечего загадывать будущее. Я боюсь будущего. Беспокойство не по мне. А ты повёл себя странно. Надеюсь, теперь сожалеешь о своих поступках? Что-то хотел бы исправить, но поздно. Уже не вернуть тех счастливых минут. Теперь мне трудно было бы тебе поверить. Встреча с тобой вызовет панику, она не будет возвратом чувств, любое твоё слово не отзовётся во мне. Ты вдруг стал не тем. А я, повторюсь, с тобой чувствовала себя счастливой. Я была готова простить тебя за всё, забыть те минуты, когда ждала слов любви и готова была плакать из-за их отсутствия. Что ни говори, а ты подарил мне надежду».

«Не сердись. Просто радуйся. Помнишь, что ты говорил, каким был в начале нашего общения? Вот и будь таким же. Просто радуйся, что я у тебя была. Ты считал, что я - подарок судьбы. Я - подарок судьбы тебе. Что у тебя есть ещё? Неужели твоё одиночество тебе приятнее? Тебе выпало счастье, а ты всё время хотел его прикопать поглубже. Зачем? Теперь просто живи и радуйся. Не грузи себя вопросами».

«Когда я была с тобой, меня постоянно целый день угнетало чувство, что ты ждёшь только одного - тактильной близости. Сидеть рядышком или лежать.... Я ж и не против - часок поваляться. А ты бродил по дому и тянул из меня жилы ожиданием ночи. Ну как я могла расслабиться, когда целый день в таком напряжении? Я уверяла тебя, что можешь напрочь выбросить из головы свои фантазии о моих вероятных изменах - я уставала от секса с тобой. А теперь я просто летаю от ощущения свободы и независимости, телесной пустоты.

Ты убедил меня в самом начале нашей жизни, что близость необходима - я согласилась и несла это согласие старательно - не отказываясь. Но и ты меня пойми - то, что было вначале это - страсть. Оно могла повториться только если бы ты как-то вызывал у меня аналогичную вспышку страсти. Страсть из ничего не сделать, потому что я всё пропускаю через мозг.

Женщины вообще сложнее мужчин, которых тронь - и готово. Просто многие во благо добрых отношений врут и притворяются, а я тебя уважала и была предельно честна - даже в постели. Повторяю, я ничего не требовала, я была честна и открыта. И мне было тяжело, когда ты бродил вокруг, вздыхал, какие-то гадости думал...»

«Ты почему-то решил манипулировать мною. Я, наверное, проявила слабость. Я через некоторое время трезво посмотрела на вещи, никакой совместной жизни у нас не получится. Я не Золушка, - прекрасный принц не для меня.

Ты, кажется, навоображал про меня, точно даже и не знаю, что. Я ведь сама к тебе приехала. Я не такая, какую бы ты хотел рядом с собой женщину. Да и ты вблизи не гавань, в которую мой корабль мог бы заходить на отдых. Мне пришлось бы отчитываться: что, когда, где, с кем... Тебе не удалось сделать из меня заботливую жёнушку. Я не способна влюбиться.

Мы – разные. Это не главное, главное в том, как мы относились к этой разности. Мы не нашли общий язык. Не договаривали друг с другом, не принимали вместе решения. А потом я почувствовала какую-то ненависть к себе.

Тебя взбесило, что я вдруг собралась и уехала в свою старую квартиру».

Женщина отложила журнал в сторону. Выражение лица поменялось. Задумчиво уставилась в стекло. За окном мелькали деревья. Поезд прогремел по мосту. Змеёй проблестел извив речушки. Я видел, как таяла на лице женщины печать прожитых дней. Печать надежд. Воспоминаний о неудачном общении. Её глаза вспыхнули один только раз, наверное, те минуты она не выпустила в пространство. Мужчина лишил её того, на что она надеялась. У неё к горлу подступил комок. Она сглотнула. Достает платочек, пахнуло фиалками, прикоснулось к краюшку глаза. Я внезапно почувствовал нелюбовь к ней.

«Как ни ломал я голову, всё неутешительно. Жизнь стала пустой и бессмысленной. Я ничего не достиг. Я думаю о тебе постоянно. Из-за наивности, наверное. Из-за привязчивости. Я, как и ты, мы оба рассчитывали на великий подарок жизни, на любовь, но любовь вряд ли посетит того, чья душа не возделана. Кому, мне или тебе не хватило терпения? Всякий раз, у нас с тобой после разговора, оставалось что-то недосказанное, невыясненное, какие-то слова становились подозрительно холодными, чуждыми, и мотив разговора получался обидным»

«Ты уехала. Я понимаю, что надоел тебе, не тем оказался. Понимаю, что не прощено лез, что вызывал у тебя своим непониманием отвращение. Я бездумно шарахался по дому, покушаясь на тебя. Ничего не делал. Я не умею склеивать прожитые страницы книги жизни.

У тебя серёдыш прожитой жизни толстый, пережитое ты склеиваешь, получается, начало и всегда чистая страница. Твою середину никто не имеет права читать. Мой же серёдыш - листай, чёткой, что хочешь. Прости, за то, что я не воспринял тебя как целое – как человека и как женщину, которая пишет стихи. Я до сих пор продолжаю делить эти понятия. Ты открыла новое в моём видении.

Встряхнула. Тебе было легче, непонимание ты в строчки стихов переводила. Не получилось мне вжиться в твои отъезды и приезды.

У тебя родилось множество стихотворений. Ты уезжала, приезжала другая, всё более замкнутая. Каждый раз приходилось приноравливаться.

Мы так и не научились говорить».

Мне слышался смех. Увидел полуоткрытый рот, белую полоску зубов. Мне бы прекратить сопоставлять бессмысленный разговор. Я не понимал, что происходит. И её, и его я могу истолковывать по-своему. Чудно вёлся разговор: то в прошедшем времени, то – в настоящем. Мне бы самому с кем-нибудь поговорить, поговорить, всё равно о чём. Чтобы и мои слова дошли до чьего-то сознания, отозвались в ком-то. Но даже отражение в стекле не кивает мне оттуда. На мой язык не приходит ничего значительного.

«Я - такая, какой была всегда, какой тебе понравилась. Ты - тоже. Я тебя приняла, как есть - не переделывала, ибо уверена, что это глупо и бесполезно. И тебе не надо было стараться это делать.

Ты говорил о понятии «мы», «наше». Появившись у тебя, я сразу всё заявила - что от меня одни проблемы, дохода в семью не принесу. Что я буду рукодельничать. Что я молчалива. Что мне важно чувствовать себя свободной. Ты всё это знал с самого начала. Не понимаю, почему ты так старался меня переформатировать? Я же не переделываю тебя - какой есть, такой и хорош. Ты мне понравился. Я тебе понравилась.

Я билась, бьюсь и буду биться об острые углы, потому что таков мой характер, который, как известно, не изменяем. Именно поэтому, устав биться об чужие углы, я и укрылась у тебя - чтобы возвращаться к тебе из недалёких и коротких странствий и отдыхать душой от несильных бурь. А ты сам шипы выставлял на встречу».

«Да, мы с самого начала были разными! Скорее всего, так про себя думали.

Молча копили неприязнь, накручивали себя. Не помню, когда пришло в голову мысль снова сбежать, в моей прошлой жизни набор привычек создавал подобие жизни, я начала думать, что снова родится полнота той, прошлой жизни, та полнота меня выручит.

Так и не так. Повтор не бывает одинаковым. При повторе, раз за разом, нутро ссыхается. Раз за разом хотение мельчало. Я не думаю, что ты готов был согласиться на малое»

«Крохи чужой жизни издали кажутся полноценным куском. Чужие куски хватать

– слезами давиться. Последнее дело, греться у чужого очага, особенно, мужику. Я помню наше предпривыкание. В недоговорках, в попытках перехватить взгляд, в стремлении суть происходящего понять.

Не получалось мне отгородиться от мира. Со всех сторон лезла информация, лезла в щели. И всё больше о тебе, и ни от чего нельзя было отмахнуться просто так. Слишком яркая ты для обыденной жизни. Мне говорили, что ты стоишь больших денег. Чтобы где-то выступить, готова для этого пойти на всё. А что это всё для женщины?

Я не ангел. Жил на острие, был в гуще происходящего, отвергал что-то, меня гнобили, доходило, был всё равно, что изгой. Удерживался на ногах, шёл дальше. Топили в одном, всплывал в другом месте. Не искал чьей-то поддержки. Реагировал на всё.

Не матрёшка-неваляшка я, но несущий определённую миссию. В чём эта миссия – толком не знаю, но выстоять, и выполнить предназначенное обязан.

Не ловчил, не предавал. Кажется, это давало мне возможность ужиться даже с чёртом, но... Но я никогда не жил с чёртом, можно ли, живя с чёртом, остаться самим собой?

А мне хотелось и хочется, чтобы меня пожалели».

Мужчина, кажется, хотел сам себя утешить. Но для этого требовалось рассказать о себе всё. Он не готов к этому. Он не понимает, что с ним произошло. Это ужасное чувство Он - как бы посторонний всему. Нет ничего проще не рассказывать ничего. Я почуял улыбку его. Почуял на расстоянии. Улыбка – это свет. Сколько раз про себя отмечал разные улыбки: липкие, обжигающие, пушистые, мерзкие. Многие улыбки можно только было угадывать. Я, по-настоящему, не знал, что мужчина пережил.

«Вспомни, что в глубине я самая хрупкая, нежная, не способная на сопротивление жизни. Эта моя конкретика, определённости в высказываниях - не грубость, не давление силы это - защита. Могу только защищаться. Ухожу оттуда, где давят. Предупреждала, что могу быть только в любви и добре, и красоте человеческой. Злилась на тебя. Никто не имеет права лезть в мою личную жизнь. А ты готов терпеть хоть сатану. Тебе всё равно, кто рядом с тобой.

Знаю, что ты ждал ласки, любви, заботы. Но я ведь готова была это всё дать - и давала, разве нет?

Ты разбередил меня. Мы расстались, потому что трещина разрослась до размеров пропасти. Пожалуй, отложим разговор. Для такого разговора глаза нужны».

«Как так вышло, что и я стал не таким, и ты почужела? Я ревновал тебя ужасно. Было за что. Я не встречал более красивой, более желанной и сумасшедшей женщины в своей жизни. Ты была непохожа на жадных, голодных, крикливых баб. Я должен был каждый день подтверждать свою особенность в твоих глазах. Взгляд ли ловить, прикосновениями ли нелюбви полниться, раздаривать ли себя? В этом, что ли, должна состоять жизнь двух непохожих людей? А зачем? Я знал, что всё равно когда-то наступит тоскливая осень.

Что свело нас!? Скорее всего, любопытство. Даже не любопытство, может, я для этого приехал в Снежинск, чтобы открыть тебя для себя. Может быть, и тебя судьба привела сюда. Твои руки, твой голос, манера держаться... И это, и что-то ещё. Мы оба поразили друг друга, заставили слиться два потока. Оба, каждый со своей стороны, разрыли перемычку, поплыли в предназначении. Нам озарение минутой позволило раскрыться.

Я помню удивление, как же раньше я тебя не встречал? Любопытство перешло в интерес. Потом возникла боязнь, что могу тебя потерять. Потом возникла тяга, потом узнавание. Потом твой телефонный звонок...

Ты такая же, как все, и не такая! Время лепило тебя для меня. Может, поздно встретились? Может, поиск тихой гавани, временного пристанища заставил тебя обратить внимание на меня? Может, виноват вековой ток сердца? Желание попробовать новых ощущений? Пробой защитных оболочек?

Я ведь один из... Мне думается, у тебя минутный сбой произошёл. Ты запуталась в себе.

В чём странность нашего сближения? Ты говорила, что всяких видела. Я – всякий и не такой».

Женщину я вижу перед собой. Кто он, тот мужчина, с кем разговаривает женщина? Он пока не назвал её имя, и она его никак не называет. Он, вроде как, не даёт заглянуть в свои карты, и она успешно избегает всего, что могло её ранить. К чему тогда разговор? Он будто вглядывается в опустевшую даль отношений, она, не разучившаяся улыбаться, ловит ушедшие мгновения. Мужчина переживает больше.

Меня внезапно посетила мысль о двойственности всего. Они оба делят друг друга. Только мужчина пытается свой мир приблизить к женщине, а женщина переступила порог, и для неё мир мужчины перестал существовать. Ей безразлично стало.

«Твои стихи, в них, несомненно, талант. Но ты поняла, что-то неуловимое ускользает, растворяясь в некой монотонности. Ну, не совсем так. Накрутка обра-

зов, умозаключений, искусственной страсти – тупик. Ложатся на сердце простые строки. То, что написала в Снежинске разительно отличается от твоих прежних стихов. Твёрже на ногах стоять стала. Шелест, шепот пением сменился. Стихи твои сшиты из специально подобранных красивых лоскутов-образов. Чувство добавилось...»

«Тебя волнует рейтинговая принадлежность к некоему кругу. Почему ты стремишься занять какое-то место, выторговать его, мельканием запомниться?»

И снова сам себя спрашиваю: что в тебе такого особого? Скорее всего, чувство внутреннего одиночества. Ты глубоко одинока. Страшно это осознавать. У тебя полно друзей, знакомых. Виртуальных, настоящих. И ты при этом одинока. Ты никому не можешь открыть душу. Еще поражает незащищённость, что ли, ранимость, непосредственность, неспособность долго удерживаться возле? Возле чего?

Ты, скорее всего, ловец ощущений. Ты на уступки временные идёшь, пересиливая себя.

И легко уходишь, даже не оборачиваешься. Характер такой? Или в одиночестве твоём таится что-то другое?

Желание и боязнь уживаются воедино. Всё до какой-то черты. Какая-то отстранённость, взъерошенность и тут же отклик на ласку».

«Это верно! Именно изменения человека позволяют писать такое разное об одном и том же мире. Я счастлива, что могу так расти и меняться, могу в самом простом унылом виде каждый день обнаруживать новую историю, новую картинку, новую музыку слов. Это - главное содержание моей жизни и этим я дорожу. Как выключится функция - так и вымру. Но пока - идёт процесс накопления. Очень интересно жить! А ты, в тебе холодная кровь. Долго быть с тобой – скучно. Но мне было приятно, что ты признавал свои прошлые ошибки. А у меня ошибок не было. Моё прошлое – опыт. Я не представляю, как можно потратить часы на то, чтобы что-то сварить? Эти часы можно потратить на что-нибудь гораздо более важное. Полистать книгу, побродить по улочкам, сходить куда-нибудь...в театр».

Женщина вглядывается в стекло, как в зеркало. Она откидывает упавшие на глаза пряди. Никаких изменений на лице. Губы не стали ярче. Потух блеск глаз. Она пытается вымучить улыбку, чтобы для себя выглядеть обворожительно, но прелесть утратилась. Пришло совсем другое. Она снова пытается поймать взгляд. Он какой-то растерянный. Она будто видит такой себя впервые. Закры-

вает глаза и откидывается к перегородке вагона.

Я опять для неё никто, меня бессмысленно одаривать даже мимолётным взглядом. Я не в её вкусе. Но во мне откуда-то взялась смелость судить о них. Если подходить поверхностно, то всегда можно найти, к чему прицепиться. Наблюдая за женщиной, могу заключить, что одновременно, разговаривая с мужчиной, она смотрит в окно и видит небо, мелькающие деревья, представляет станцию, на которой сойдёт. Там её кто-то ждёт. Она снова хочет быть счастливой. Она думает о том, какое произведёт впечатление. Всё это она обдумывает трезво и хладнокровно.

«Я бессильна перед судьбой, бессильна перед желаниями, порывами. Это мучительно непереносимо. Меня это чувство преследует всю жизнь, я не знаю, чего хочу. Это чувство превращается в наваждение. Нет уже способности пре-возмогать бессилие. Мне по ночам бывает страшно. Прости меня. Уходя от тебя, я мстила самой себе.

Я - цветок под дуновением ветра. Я же все пробую, прежде чем написать - всю жизнь пробую, на вкус, на тепло, на всё-всё-всё. Иначе как написать, если не знаешь? Я самый правдивый автор во Вселенной. Я верю в неземную любовь, которая сильнее смерти».

Кого теперь не слушаешь, во всём виноваты мужчины. Перевелись рыцари. Мы не способны на подвиги. Мелочны, не умеем зарабатывать. Я, кажется, начал сочувствовать мужчине. Я не презираю эту женщину, которая быстро забыла о чувствах. Они сделались несуществующими. Ей не хочется бороться с претензиями мужчины. Она бессильна бороться и с собой. То, что говорит мужчина, до неё не доходит. Мне становится стыдно, что я как бы подслушиваю. Не понимаю, отчего возникло желание судить? Я всего лишь попутчик...

Стоп. Мне показалось. что на глаза женщины навернулись слёзы. Она тут же подумала о накрашенных ресницах. Подумала трезво, хладнокровно.

Нет, у неё не холодная кровь, её спокойствие - не равнодушие. Она просто не выплёскивает свои чувства. Другие на её месте кричали бы, вопили в голос, рвали волосы на голове, просили у кого-то защиты, она всё время оставалась настоящей.

«Я видел твои промытые радостью глаза. Именно промытые, именно радостью счастья. Когда ты откровенно довольна, взгляд у тебя делался плавающим.

Что меня настораживало, так это необъяснимая, непонятно откуда возникающая щепетильность, мелочность, эдакий педантизм: делать и поступать нужно только так.

Ты интуитивно знала, что тебе нужно, природа в тебя заложила определённую

задачу. Вопрос ты словами не всякий раз способна выразить, но движением, взглядом, поступком намерение обозначала.

Нет, ты не женщина-пиявка: пиявка выборочно жертву выбирает, не ко всякому присосётся. Пиявка выделяет в рану особое вещество, чтобы кровь не густела, а такая как ты обольщает, чарами, интригой, посылками. Насытилась – отвалилась, пока перевариваешь добытое, живёшь спокойно, а там очередная жертва, новый поиск.

Я тебя ни в чём не осуждаю, не имею права, я тебя не корю, ты заняла у меня всю пустоту в душе, я тебя, по-своему, люблю. Наконец, что странно, я привык к тебе такой. Мне достаточно видеть тебя рядом, не видеть, а находиться рядом, чувствовать. Но ты сбежала, уехала – всё равно, что умерла, а это будит вопросы».

«Не придумывай проблем там, где их нет. Не надо стараться делать мои дела, я сама справлюсь. Хочешь помочь – предоставляй возможности. В жизни всё случайно – от рождения до смерти. Включая попутчиков. Ты меня не заказывал с доставкой по почте. И я ничего такого не предполагала. Если люди встретились и им хорошо – они могут быть вместе. Учитывая индивидуальные особенности. Тебе нужен покой и сидение дома – я тебя не беспокою. Мне нужно бурление жизни, я бурлю аккуратно.

Если тебе это сосуществование очень напрягало – я всегда готова была собрать вещи и уехать. Домоседкой-клушей я точно не стану. Для тебя работа на первом месте, и для меня. Мы совершенно одинаковы. Только ты пишешь свою жизнь изнутри, а я её творю снаружи и потом только перерабатываю в тексты. Без этого творения, бурления, я как поэт не могу существовать. Извини, но в последнее время ты не вызывал во мне ничего, кроме раздражения и страха. Да, ты не угрожал мне, поил, кормил, но не в этом счастье жизни. Мы не смогли сопоставить наши точки зрения и создать единое близкое представление».

«Мне легче к тебе было приноровиться, чем тебе. Я это понимаю. Твоя прошлая свобода просто так не сдавала свои позиции. Никакими вожжами тебя возле не удержать, если ты не захочешь. Даже если захочешь, сотни причин намёками звать тебя будут в прошлое. Подталкивать, показывать. сопоставлять. Всегда есть выбор. Всегда где-то лучше, веселее. Ты – поэт, и не в последнюю очередь – женщина.

Любовь – это, прежде всего, неспособность контролировать. В любви не нужно думать, строить планы, страдать о прошлом, ревновать непонятно к чему. Любовь – это когда тебе ничего не нужно от того, кого любишь, но при этом чувствуешь ответственность. Хочется делать, хочется прикасаться, стоять за плечом,

наблюдать. Видеть в глазах одобрение.

В любви что-то хочется делать. Я не упрекаю. Ты, в последнее время, всё больше сидела молча, уткнувшись в книгу. Первый признак сомнений. Переворачивая страницы, мне казалось, час за часом переворачивала наши минуты отношений.

Легче быть счастливым, чем несчастным. Легче любить, чем ненавидеть. Легче жить настоящим, ничего не вспоминая и не сравнивая.

Мою память заполнило «вчера». И там единственное, что имело значение – наши отношения. Отношение к самому себе, отношение к тому, кто рядом. Отношения к ощущениям. Мне иной раз, глядя на тебя, становилось страшно. Потому что счастливый человек боится потерять своё счастье.

Я долго ломал голову, почему ты несколько раз произносила: «Если ты меня выгонишь!» Чтобы выгнать, нужна веская причина. Как это, тебя, да и выгнать? Скорее, наскучит, уйдёшь сама. Уйдёшь сама от себя. Не к себе! Снова поплывёшь по течению».

Я так и не понял, от чувства умиления или от чего-то другого, от воспоминаний, лицо женщины начало гореть. За окном проносились берёзовые околки, поля. Проносилось прошлое. Оно, наверное, позволяло быть уверенной. Мне показалось, лицо женщины стало по-настоящему умным. Вспомню ли я её спустя пару дней? Моё замешательство прошло. Глаза женщины в беспрестанном движении, она сопереживает мелькавшим картинкам за окном. Меня по-настоящему начало угнетать, что я не удосуживаюсь её взгляда. Мои попытки вымучить улыбку, заканчиваются ничем. У меня, наверное, испуганный и рассеянный взгляд.

«Пять лет я жил один. Умершая жена меня не отпускала. Сколько раз, сидя у могилы, просил дать возможность попытки нового счастья. Она молчала. Ни разу не снилась. Мне говорили, что надо отстегать могилу прутом, тогда её последние слова «Я буду всегда у тебя за спиной» потеряют силу.

Я никогда никому не жаловался. Никогда не был должником. Не разменивался, не искал коротких утех. Я ждал. Кого? Может быть, тебя.

Ты у меня во всех ощущениях. В касаниях, в форме лица, в фигуре, в тембре голоса. Ты и беда, которую нельзя разделить с кем-то. Беда, разделённая с кем-то – так, недоразумение.

Ты вошла в мой мир. Вошла, вроде бы, ничего не требуя, и в то же время, забирая всё. Парадокс. Мы в поиске, в ожидании. Насторожены.

Странно! Кажется, я тебя знаю давно. Кажется, я тебя совсем не знаю

Я говорю «спасибо» за каждый прожитый день. Почему? Да потому что каж-

дый такой день возвращал частицу жажды жить, полнил ощущениями, кончики пальцев начинали улавливать токи другого тела. Тела, которое отзывалось на прикосновения.

Странность в том, тело хотело только получать ощущения, хотело забываться в страсти. Хотело, хотело. Оно быстро привыкло получать. Быть расслабленным. Находиться в неге.

А потом что-то разладилось. Как разобраться в растерянности и непонимании? Вырваться из пут. Раздражительность твоя не из-за того, что не писались стихи, не из-за того, режим стал другим. Раздражительность заключалась в несогласии».

«У меня очень спокойная и закрытая жизнь, никого не веселю, не ублажаю, совершенно счастлива, проводя сутки в тишине и совсем без общества. Глаза не грустные, а «размышлятельные».

«Ты несёшь в себе что-то запретное для других, ты оберегаешь это. Я, наверное, вклинился в то запретное, иначе с чего перехватил как-то твой взгляд, полный неприязни. Рассуждать о твоих стихах стало непозволительно. Слушать их приятно. Видеть и ощущать твой темперамент. Твою жестикуляцию. «Воробышек».

Я, наверное, излишне рассуждаю. Коровье счастье – пережёвывать жвачку и доиться, доиться и есть. Так и в моих рассуждениях.

Претензий нет. Даже нет непонимания. Твой образ, как бы ты ни относилась ко мне, я пронесу до конца. Лошади удила вставляют, чтобы на скаку её останавливать.

А на что я надеялся? Говори «спасибо» судьбе за все минуты, и, насколько хватит сил, живи. Не изживай жизнь, бери от неё всё. Она одна. Бери, если даже миг будет длиться счастье. Часто ловлю себя на том: иду по улице и ищу тебя взглядом. Мимо идут люди, но я всё одно ищу тебя».

«Последнее время ты, разговаривая со мной, смотрела не на меня, а в большое зеркало. Ты уже была в далёком зазеркалье. Ждала кого-то. На меня из зеркала полз страх».

«Одну жизнь живём. Миг счастья. Это ты верно заметил. Я жила и далее хочу жить свою авторскую жизнь. Ничьей женой я никогда не стану, ни твоей, ни чужой.

Денег я у тебя не прошу. И в квартире я не прописана, ты за второго человека не платишь - не нужна мне ни квартира, ни иная собственность. В конце концов,

соглашаясь жить с красивой женщиной, ты о чём думал? Что я буду в штопаных колготках ходить? Говорить о деньгах с женщиной, с которой, пардон, спишь это - вообще офигительно! Я говорила тебе, что раньше секс у меня был только по страсти, в период увлечения - как у нас вначале. Но потом наша страсть потухла. Ты убедил, что бывает любовь-жаль. Я согласилась тебя жалеть. Но это стало очень похоже на работу - страсти нет, только необходимость еженощно сжалиться. Это для меня непросто, уверяю.

А вот как самобытного человека я себя ценю вообще очень-очень дорого и то, что ты имел рядом такого редкого попутчика по жизни - неважно, какой срок - дорогого стоило.

О сроках и планах вообще говорить глупо - женись, не женись, а вот машина съёдет и никакой брак не воскресит.

Ты сам всё время говорил, что живёшь сегодня, не загадываешь. Вот и я не загадываю. К тому же брак ещё никого не удержал от развода. Я древняя женщина, и давно не легкомысленная. Я радуюсь передвижениям в пространстве и новым ощущениям для мозга, для мыслей, для творчества, для тела. Так что, либо тебе надо было принимать меня, какая я есть - как я тебя приняла – либо... Как видишь, мы расстались.

Понимаю. Ты обиделся на меня навсегда. Может. и вспоминаешь с ненавистью. Но ведь я не должна жить с мужчиной, к которому всё пропало. Лучше жить одной.

Не знаю, сколько раз нужно говорить об одном и том же? Слова бесполезны. Я живой человек. Меня нельзя заставить. Я не вещь. Жизнь такова и она - определяющий фактор, её не перекроить. Я никогда не буду сидеть рядом с тобой на диване весь день месяцами напролёт - я всё время буду уезжать и возвращаться - только так мне интересно жить. Твоя жизнь проходит только внутри себя. Моя - везде. Ничего странного в этом нет, не нужно переживать - просто такова данность. Ты же признаёшь, что я талантлива, исключительна - так не приземляй, не стану я клушей».

«Я - нерастворимая соль Вселенной. Я везде в центре жизни.

Моё отечество, действительно, пошире, чем твоё будет. Я - пылинка Вселенной. Я ненавижу себя за то, что сама пришла к тебе. Никогда себе этого не прощу».

«Ты - женщина-змея, сбрасываешь одну кожу, надеваешься другой, и никакого прошлого, никаких воспоминаний, переживаний. Лишь бы что-то, кто-то грел. Меня всё гнетёт. Время, правда, лечит. Или поднимает, или в пучину. Надеюсь на первое. Человек ведь существо гибкое. Страдания не длятся долго. И радость не бывает бесконечной. Всё быстротечно».

«Гадость, противное высказывание. Равнодушие - тоже гадость. Я к тебе не равнодушна, но часто молчу и сдерживаю не очень приятные впечатления и мысли, чтобы тебя не задеть. А ты, похоже, сдерживаешь всё хорошее и льёшь на меня отборные помои».

«Я радуюсь всему. И миру, и людям, и стихам, и тебе, и себе. И ты радуйся мне, суетливой. Просто радуйся, и не учи жить по-своему. Я - другая. Много-слойная, как ты верно увидел. И жизнь моя многофакторная. Мне так нужно для счастья. И читать меня должны многие и разные. Пусть никто до конца - зато каждому - своё. Очень рада, что ты разглядел многослойность. Умничка! Твои мысли пахнут совсем не так, в словах ты сдержан. Это слышно. Слова не означают, что ты имел в виду»

«Когда все любят, значит, никто по-настоящему не любит. Разве можно на всех опереться? Как понимаю, сейчас ты начала работать на «на потом». Потом одно, потом другое, потом, потом...Удачи в этом потоке».

«Что такое «потом»? Я живу сейчас. Да и ты тоже. Ведь всё время всем говоришь, что на потом не загадываешь. И я не загадываю. К счастью, у меня масса друзей - и на всех я могу опереться. Спасибо за пожелание удачи! И тебе удачи в твоём творческом потоке! Надеюсь, ты меня не перестал любить по-настоящему и будешь самой мысленной надёжной опорой. Я мысленно разговариваю с тобой. Хотя вот сам подумай – я уезжаю, переживаю, хоть и бодрюсь. На какие шиши я тут питаюсь, когда от тебя уезжаю? И вообще, как живу – тебя это похоже не волнует. Тебе, видимо, не важно, как я тут, где - ни разу не спросил. Наверное, тебе не важно. Что же, принимаю. Ты – это - ты. Я – это - я. Нам вместе иногда даже весело».

«Мы можем дать друг другу только то, что можем. Я тебе - творчество, выплески в жизнь, возможность чувствовать рядом интересного живого человека и, более того, женщину.

Ты мне можешь дать возможность прибиваться к тихой пристани и там творить то, что накипело.

Возможно, тебе не интересно моё предложение, и ты не хочешь делиться тем, что важно для меня. Ну и без проблем.

Но я не понимаю, что тебе не нравится? Зачем тебе нужно, чтобы я сидела

дома и кисла, как квашня, если ты можешь способствовать моему росту, и, тем самым, получать материал для себя?

Что ты вообще от меня хочешь, объясни хоть раз внятно? Я так ни разу и не услышала. Вот напиши несколько пунктов. Не то, что ты хочешь от некоей воображаемой идеальной женщины-спутницы, а от меня, такой, какая я есть, раз уж мы вместе. Ты выбрал меня, значит, я тебе была нужна. Переделываться я не буду - только расти - с твоей до сих пор помощью, кстати.

Скажи, что тебе от меня надо? Может, это в принципе невыполнимо?»

«Вчера прошёл отличный концерт - стихи, разная музыка - клубная, живой саксофон, индийские мантры, закончилось всё это в полночь. Пошла домой пешком через полгорода - проветрить мозг, зашла в ресторанчик, где поёт знакомый музыкант - угостили горячим чаем. Потом, неторопясь, погуляла по пустому ночному пляжу, через мост... В парке записала пару стихотворений, пристроив фотик на детские аттракционы. Отлично! Сто лет не гуляла по ночам. Особенно понравилось в парке. Ни души, фонари и романтика...»

«Ты не была моей кухаркой, ты была отчасти женщиной, потому что близость для тебя ничто. Я уважаю твою работоспособность, я ценю твой талант, я поражаюсь целеустремлённости, но я не собираюсь лезть через твои колючки - обдерусь. Что бы ни было, но ты будешь помниться».

Меня развлекать не надо. Для меня человек, который рядом, прежде всего человек, с которым молчать можно. Балаболов и без того хватает. Обидел, прости. Но я ничего плохого не говорил. Для меня главное не слова, а тон разговора. Ощущение от разговора. Глаза собеседника. Хоть я и не смотрю прямо, но я всё вижу. Таков я. Прости, если обидел. Никто не стегает меня больше, чем я себя сам».

«Твоё мнение было для меня важно. Я живу свою жизнь, а не чужую. Ты вовсе не должен отвечать за меня. Не слушай разные сплетни. Спрашивают - переадресовывай, пусть у меня спрашивают. Мне хорошо везде, где мне хорошо и нигде не лучше. Теперь моя жизнь сложнее, как ты понимаешь, потому что всё не устроено и на лету. Но в культурном плане тут интереснее, поэтому и стараюсь побольше выцепить. А впрочем, не учи меня жить, у меня опыт побольше. Сделай что-нибудь такое. чтобы о тебе заговорили. А то ты поучающе воздух молотишь... Фактами, делами доказывай, а не голословными назиданиями.

За интересность жизни народ не деньгами, любовью платит, и мне выпала замечательная возможность, и я буду этим заниматься, пока мне будет интересно. Стать для меня единственным – это было в твоих силах и возможностях. От

меня тут ничего не зависело. Я пушинка на ветру. Сдунул - улетела. Дыши нежнее. Так уж получилось, что моя жизнь ещё не изжита, я рвусь вперёд. Опять же ты говорил, что тебе со мной интересно, значит, не напряжно?»

«Полусон увядающей ночи, неправда слов в темноте. Расплывчатая красная луна. как купол мечети. Свет и тень играют в прятки. Упоение страсти - преданность. Дурман будоражит чувства. Побрякушки слов рушат доверие. Яркий свет дробится в бокале. Шлак мёртвых лет. Живём в умирающее время. Трепет загадка - Ты и Я. Слезающееся мигание звёзд. Губы окисли. Охолонь поселила страх».

«А помнишь, как мы встретились? Иду по аллее. Вижу вдали копну волос. Ты увидела меня, подпрыгнула и побежала навстречу, раскинув руки. В груди ворохнулась: так вот же, вот же родной человечек! Первый порыв знаковый. Не подошла чопорно, не поздоровалась сдержанно, не окинула взглядом, а подлетела. Прижалась, виновато и просительно приникла. Ты торопила шаги. Облезлый подъезд, неизживные советские ароматы. Коридор. Разбитая дверь, раздолблённая общая кухня. Маленькая, узкая, как койка, комнатёнка чудной женщины. Не с накидочками на подушках, не с сотней безделушек, но с горьким уютом одиночества. Твоя комната. А тебе так хотелось встретить достойно. Ты потом сказала, что в этой комнате мужчин не было. Тебе хотелось быть рядом, прикоснуться.

Я тебя пожалел. Бедная девочка! Другим счастье валится в руки, а тебе выцарапывать его надо. Такие как ты - слепы, к себе слепы. Ты села рядом. И глаза, задёрнутые, было, поволокой, с грустинкой, с надеждой, стали проясняться.

Ты заплакала. Сама не ожидала от себя такого. Что-то забормотала, закрыла лицо локтем. И тут я понял, что ты самая обыкновенная баба, отзывчивая на ласку. И ты хочешь такой быть.

Ты рассказывала, что в ночном клубе выступала под звон бокалов, видя жующие рты, да раздевающие взгляды. «Как смотрели на ноги в чёрных колготках!» Восторг слышался за словами! Как же, произвела впечатление!

У всех у них, жующих за столиками, жадно глядящих на тебя, другая жизнь: жёны, любовницы, работа, от всего этого они идут «отдыхать».

Голова всё понимает, холодно мыслит, мы же, по сути, никто».

«Тёплый солнечный луч приходит из Вселенной. Странно, абсолютный нуль его не охлаждает. Зеркало, в которое хочется глядеть, - любовь. Оно со временем тускнеет. Женщина - зеркало, которое всё отражает и ничего не удерживает.

Вечер с иронической насмешкой заглянул в окно. Сумерки соткались из бледного, обрывочного сна. В перекрестье окна луна кажется распятой. Нимб вокруг неё - нимб нашего замученного святого сознания. Тёплый запах сна. В щель занавесок свет падает как в колодец».

«В глубине я самая хрупкая, нежная, не способная на сопротивление жизни. Эта моя конкретика, определённости в высказываниях - не грубость, не давление силы это - защита. Могу только защищаться. Ухожу оттуда, где давят. Преду-преждаю, что могу быть только в любви и добре, и красоте человеческой.

Знаю, что ты ждёшь того же - ласки, любви, заботы.

Ты разбередил меня. Пожалуй, отложим разговор до встречи. Тут глаза нужны».

«Я вижу наш дом тёплой светлой гаванью, куда я возвращаюсь из своих артистических метаний - возвращаюсь с радостью, с удовольствием - писать новое интересное и вновь мчаться это дарить миру.

И тут, в нашем уюте - я буду женщиной, с пирожками и прочими атрибутами, какой никогда нигде больше не смогу быть, какой и ты меня видишь.

Если это возможно - мы будем счастливы. Если нет - я вернусь в хоровод «кто-то», и ты автоматически станешь одним из них. Но мне бы не хотелось этого. Никогда ещё мне не было так тепло и приятно, как с тобой».

«Ты мог бы стать для меня единственным – это в твоих силах и возможностях. От меня тут ничего не зависело. Я пушинка на ветру. Ты сдул, я улетела».

Поезд начал тормозить. Женщина засобиралась. Посмотрела на меня.

- Спасибо. Вы не сделали и попытки мне понравиться. Вы просто были попутчиком. Не назойливым.

Голос у неё мягкий. Голос ласкал. Я почувствовал себя брошенным. Сон или явь осталось позади? Мне хотелось, чтобы поезд пошёл назад.

Мои губы шевелятся. Я закрываю глаза руками. Время перестало иметь значение. Одна мысль в голове: «Они не договорили». Я понимал только одно: у каждого осталось трогательное воспоминание. А у меня – недавно пережитые чувства.

Поезд тронулся. На этой остановке ко мне никто не подсел.

Мария Митрофанова

(Гимназия г. Боровичи)

По Дороге жизни с моим прадедушкой

*Еще не знают на земле
страшней и радостней дороги...
О.Ф. Берггольц*

В каждой семье в нашей стране есть родственники, которые героически сражались с немецкими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Я считаю, что всем нам очень важно сохранять память о тех, кто подарил нам жизнь.

Мой прадед Александр Александрович Митрофанов был призван Боровичским военкоматом на войну в начале января 1943 года, когда ему не исполнилось еще и восемнадцати лет. С Ленинградского пересыльного пункта его направили в ремонтную бригаду стрелкового батальона, базирующуюся у Ладожского озера вблизи Ленинграда. Здесь он в совершенстве освоил профессию слесаря и был переведен в батальон Аэродромного обслуживания Ленинградского фронта. Недалеко от места службы проходила знаменитая Дорога жизни. Не зная сна и отдыха, он ремонтировал и возвращал в строй подбитые самолеты и автотранспорт, работал не в привычных мастерских, а прямо на открытой местности. Так приобретался боевой опыт и закалялась воля моего прадеда.

Позднее, когда остро ощущалась нехватка людей, работающих на Дороге жизни, прадед стал водителем полуторки – так в то время назывался грузовик ГАЗ. Ему приходилось доставлять в блокадный город продовольствие, а на обратном пути забирать изможденных людей. Он так и прошел шофером всю войну, оставаясь верным этой профессии и в мирной жизни.

В годы блокады Ладога была единственной надеждой ленинградцев. Дорога жизни соединила осажденный город на Неве со всей страной. За время блокады из Ленинграда было эвакуировано около 540 тысяч человек, но сколько именно по Дороге жизни – точной цифры нет до сих пор. Поэтому она остается живым напоминанием об одной из самых жестоких страниц войны.

Если бы я хоть на одну минуту смогла попасть в прошлое, на встречу с прадедом, то я бы сказала ему, чтобы он верил в победу и тогда обязательно всё получится!

По словам мамы, самым большим желанием на войне у моего прадеда было выспаться в тишине, без свиста пуль и отдаленного грохота снарядов. Чтобы хоть ненадолго уснуть, он накрывался одеялом так, что из-под покрывала торчал только один нос. Такая привычка осталась у Александра Александровича на

всю жизнь.

Я думаю, что прадеду в годы войны было очень тяжело вспоминать о доме, где у него остались родители и старшая сестра. Он боялся, что город может захватить противник и его родные окажутся на вражеской территории, а он не сможет им ничем помочь. К счастью, такого не случилось. Город Боровичи – один из немногих городов, который не только не был занят врагом, но и не знал ни бомбежек, ни артиллерийских обстрелов.

Вернуться с войны и обнять своих близких Александру Александровичу удалось только в 1948 году. Он был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За отвагу».

К сожалению, я не знаю, в каких боях участвовали самолеты, которые ремонтировал мой прадед? Какие летчики на них летали, кто из них вернулся после войны домой? Какие подвиги они совершили? Сколько человек перевез прадед по Дороге жизни из блокадного Ленинграда, какова их дальнейшая судьба? Но я уверена в том, что мой прадед Александр Александрович был смелым, мужественным человеком, беззаветно преданным Родине, готовым пожертвовать ради нее своей жизнью. Не обладая всеми этими качествами, нельзя было успешно сражаться с грозным противником и побеждать его.

Мой прадед, как и миллионы советских людей, сражался за нас, за нашу жизнь. И мы никогда не будем настоящими патриотами, не зная, какой славный боевой путь они прошли, какой бесценный вклад внесли в победу над врагом.

В прошлом году я увековечила память Александра Александровича в областном проекте «Лица Бессмертного полка». А 9 мая, в день 75-летия Победы, я вновь пройду в колонне Бессмертного полка с портретом моего прадеда.

Пока человек не пропустит историю Великой Отечественной войны через свое сердце, она останется для него абстрактным понятием, поэтому так важна родственная связь. Я не застала живым прадеда, не могла узнать о его военных подвигах из первых уст, но мои родители передали мне эстафету памяти.

Ирина Соляная

(т.о. Арт-тиндер Даниловой, г. Воронеж)

Пыжиковая шапка

Когда умерла моя бабушка, пришлось освободить дом от всякого стариковского хлама. Особенно я потрудился со спальней. Там жили два рассохшихся монстра. Бабушка моя при жизни называла их «чёрный шифоньер» и «другой шифоньер». Что внутри, за дверью? Внизу «чёрного шифоньера» лежали скатки ватных одеял, перевязанных капроновыми школьными бантами. Кто носил эти банты?

Так! На свалку, без размышлений. Из скатки выкатились мелкие бусинки мышинного помёта. Подхватил веником на совок.

На второй полке стояли бочком два бархатных альбома с фотографиями, лежали пачки писем и открыток с советских времен, их я не тронул. Святыни, что уж там. Нашел какой-то целлофановый пакет с квитанциями на оплату электричества. Выцветшие бумажки времен Очаковских и покоренья Крыма. Выбросил. На верхней полке слежались в плотный пласт вафельные посеревшие полотенца. На них даже бирки сохранились. Спрессовались в такой же кирпич дамские панталоны, пожелтевшие от скуки, ночные сорочки с истлевшим кружевом. Бр-р-р. На свалку.

В газету бабушка завернула пыжиковую шапку и сунула в дальний угол верхней полки. Всклоченная находка кисло пахла. Я вытащил её и погладил старый мех. Дедова? От него ничего не осталось на память, а об этом артефакте я даже не знал. Дед умер за пять лет до моего рождения. В том, что шапка дедова, я не сомневался, ведь носить её было больше некому. Мой отец в Воркуту подался в восьмидесятые, за длинным рублем. Первые пять лет он спал алименты, бубнил пьяным голосом нравоучения по телефону. Потом закончились и алименты, и звонки. В памяти остались только его русые усы, пропахнувшие папиросным дымком. Он щекотал меня по утрам, когда чмокал сонного. Новый мамин муж, Виктор Иванович, директор маслобойки, тоже не стал бы пыжиковую шапку носить, да еще у нас хранить. Бабушка его спекулянтком звала и барыгой.

Я повертел в руках старую шапку и отложил. Не знаю, почему сразу в лиловый мусорный пакет не всунул, к бабушкиным панталонам и вафельным полотенцам. Разобрал остальной хлам в «чёрном шифоньере» и в «другом шифоньере». Набралось четыре огромных мусорных мешка, которого и бомзам не надо. Потому отнес всё в зелёные контейнеры, а не к храму.

Сел на диван напротив «чёрного шифоньера», стал в облезлое зеркало смотреть и про дом думать. Бабушка его мне оставила, чтобы я по квартирам не ски-

тался, неудачник. Ни семьи, ни работы, незаконченное высшее. Приработок в местной газете. Два романа недописанных, про светлое будущее и тёмное прошлое. Бабушка говорила: «На бедного Иванушку все камушки». Меня, кстати, Иваном зовут. Хотя почему кстати?

Дом я не буду продавать. Как-никак, тут детство мое прошло, и весь последний год я тут с бабушкой кантовался. Кому-то же надо было за ней ухаживать после инсульта. Теперь решил: избавлюсь от хлама, весь дом отремонтирую по одной комнате, постепенно. Шифоньеры пока не буду выбрасывать, а когда мебель куплю – разрублю на досточки и сожгу. Взвейтесь кострами!

Я полистал обшитый желтым бархатом альбом с фотографиями. Почти сразу наткнулся на любимое бабушкино фото деда. Такое же висело над койкой в общей рамке с десятью другими семейными помутневшими. Улыбающегося деда запечатлели за огромным столом, который был завален папками и стопками бумаг. Видно, было очень холодно в помещении, раз дед не снял пальто с барашковым воротником и эту вот нелепую шапку. Толстые стекла очков, крупный нос, оттопыренная нижняя губа.

Я был похож на бабушку. Тонкогубый, с высоким лбом, с близко посаженными глазами и коротким курносый носом. Не красавец, но и не Прошка-картошка, как называла бабушка своего мужа. Где это он сфотографирован? Листаю дальше. А вот дед в том же пальто и шапке, но с похожим на кусок диванного пледа шарфом на шее, стоит у старого здания с табличкой «Государственный архив Воронежской области». Точно, вспомнил! Дед же был у нас краевед-короед, книгу писал о своей поселковой десятилетке. Он был её первым выпускником, а весь выпуск на фронт ушёл, трое только вернулись живыми. Книгу дед не дописал. Не знаю, почему.

Мой взгляд снова упал на шапку, и я повертел её в руках. Мужской покрой «обманкой», это когда шапки уши сделаны из отдельных кусочков меха и наглухо пришиты. Кое-где оторвана шкурка, и обнажилась серая грубая изнанка выделки. Шапка была мне не по размеру, но я напялил её и обнаружил, что полностью закрыты и лоб, и уши. Наверное, зимой в ней было тепло. Я-то вообще шапок не признаю, и одежда моя зимой – мой старенький «Фольксваген», куда я прыгаю в куртёшке и тонких кроссовках.

Тонкий детский голосок мне сказал: «А еще мы кизяки для растопки делали. Месили ногами навоз с соломой. Потом формовали кирпичики. Моя норма была пятьдесят штук в день. Это мало. Братка делал по сто и больше, он ведь старше на два года. А еще мы стерегли кизяки, чтобы не своровали. Но тогда воровали редко».

Я в недоумении сдернул шапку. Голос исчез. Проверил — телевизор выключен, в доме больше никого. Хотя радио я никогда не слушал, но подошёл к репродуктору на стене в кухне и ручку покрутил туда-сюда. Там бубнили что-то о цифро-

визации экономики.

Шапка... Ах ты, говорливая зараза! Да ну, не бывает же!

Надел снова. Там уже старушечий голос: «Яблони светились. На траве лежали червивенькие яблочки, неспелые. А между беленых стволов — черный дым. Он на меня надвигался волной и вскоре заполнил сад. Я стала задыхаться. На краю села уже стояли немецкие танки. Ни мамы, ни брата дома не было. Некому было взять меня за руку и увести из сада. Я не двигалась с места, от страха меня словно парализовала. Горел соседний дом и сад. Мычала корова. Больше ничего не помню. Очнулась только наутро, соседка с дальнего края села утащила меня к себе в погреб. Просила не кричать, не звать мать. Мы сидели там недолго, ночью ушли в лес. Её погреб не проверили фашисты, они разгромили сельпо и пили вино. Село наше сожгли».

Я снова снял шапку. Ничего себе! Покрутил головой. Надел опять.

«Знаете, что такое затирка? Это вкуснейшее лакомство! Заваривали муку на воде, а внутрь — яичко. Пальцы можно откусить! Я помню сорок второй. Мне было шесть лет. Брату двенадцать. Он ел, а я доедал за ним. Брату надо было работать, потому мать его кормила. Если бы он умер — всей семье как-то. А я в расчет не брался».

«Даночка танцевала тарантеллу. На ней была тюлевая юбка, обильно выкрашенная синькой и белая рубаха с подвернутыми рукавами. Брови сажей подведены, щеки — свеклой наквцаны. Какой-то фриц дал ей бубен, а второй — долговязый, рыжий, с длинной петушиной шеей, играл на губной гармошке. Я сидела в углу и ждала своей очереди, малодушно надеясь, что обо мне забыли. Даночка танцевала уже второй час. Губная гармошка передавалась по кругу. Когда Даночка останавливалась, фрицы начинали гикать и хлопать в ладоши. С каждым разом их пьяные рожи становились всё злее. Когда она упала, солдатня стала пинать её сапогами, у некоторых в руках были ножи. Я не смотрела. Истерзанное тело Даночки выкинули в пыль за порог. Просто, как распоротую подушку».

«Сначала в школе был немецкий штаб. Начштаба был Герр Шихман. Немец с еврейской фамилией, абсолютно лысый. Мамки запрещали нам бегать к штабу, но было интересно: какие они, фрицы? Герр Шихман весьма добродушно угощал поселковых детишек черным кусковым шоколадом. Меня вырвало с непривычки. За это денщик начштаба выпорол меня ремнем. Раны на спине и заднице гноились месяц. Я спал на животе, а моя сестра Христинка иногда приносила мне недоеденный кусковой шоколад и прозрачные конфеты, похожие на льдинки. Потом, когда фрицев выбили, в школе устроили госпиталь. Мы также бегали туда группками. Бойцы ласково просили попить, позвать медсестру. Но ничем не угощали. Один раз я увидел, как во двор две санитарки на носилках вынесли мертвое тело бойца, он еще вчера делал нам из соломы кукол в платишках из бинтов. Медсестра Зоя дала Христинке куколку, но без платишка».

Я стянул шапку, по лицу текли слёзы. Я даже на похоронах бабки так не плакал.

Неужели всё это нашел в архивах мой дед? Дневники, воспоминания, письма... Они лежали там, и никто о них не помнил. Как это вообще возможно было забыть? Наспех перекурив и выпив для храбрости бабкину настойку на смородиновом листе, я надел шапку.

«Что, засранец? — неожиданно сказала мне шапка, — выбросить меня захотел? Ты бы лучше выбросил свой коловорот, что на цепочке носишь! Его вражеская гнида выдумала, а ты, дурак носишь. Славяне, древляне, поляне, кривичи — отговорки безграмотного. Коловорот твой — суть свастика фашистская».

Шапку я снял и выскочил на крыльцо. Дело принимало совсем другой оборот. И сроду я не думал про коловорот. Носят и носят, красиво же. Ладно, сниму, раз дед просит. Цепочку с медальоном я в куст малины закинул и вернулся в дом. Руки тряслись, но я надел шапку и узнал голос бабки.

«Воронежу никогда не дадут «Города героя». Летом сорок второго вся верхушка сбежала, город оборонялся сам. Осталось двести тысяч человек. Мосты взорвали, мирное население осталось на правом берегу. Бой шёл за каждый дом. А на левом берегу стояли наши и били «Катюшами» через водохранилище на правый. Беспрерывно. Но я ходила на работу, пекарня — стратегический объект. Идешь перебежками, сердце в пятки ушло. Вокруг кумачовые всполохи. По городу плывет черный дым с примесью запаха горелого мяса. На Чижовке жила моя тётка Шурочка. Вся её семья погибла. Васятке было три годика. Тел не нашли. Однажды я украла комок теста, сунула в лифчик. На проходной тесто обнаружили, а меня обещали посадить. Три дня я не выходила на работу, плакала. Было стыдно. На четвертый день вышла, а вахтер Кузьма обрадовался: «Живая? Я думал, убили. Жаркову и Мельникову со второго цеха одним осколком снаряда уложило». Убитые девчонки были младше меня. Юрочку моего убило за два дня до освобождения Воронежа. Никого так не любила, как его. На мостостроителя учился, на фронт не взяли. Минус семь зрение».

Бабушка, милая бабушка, почему ты никогда не рассказывала мне об этом? Всегда суровая была, насупленная. Даже если обнимала, то рывком. Откуда же было взяться теплоте, всё выгорело. Неужели за столько лет не зажилит ожоги на душе?

Я слушал и слушал голоса. Люся. Она бежала из плена, перед погрузкой в вагон на белорусской границе её не нашли в списках лиц, предназначенных для работ в Германии. Повели в комендатуру проверять, по дороге сбежала. Домой добиралась три месяца через голодные и разоренные области. Дома посадили сразу. Отсидела шесть лет, вышла. Даже на зоотехника выучилась.

Коля. Подорвался на противопехотной mine и выжил. Экспонат. Отняли обе ноги и одну руку. Он шутил о себе: «Я почти самовар». Когда начинались праздники, то к нему приходила уличкомша и просила не выходить на площадь, чтобы

не портить людям настроение. Коля женился, у него двое сыновей родилось. Жена никогда не попрекала инвалида, потому что мужиков на всех не хватало. А ей достался непьющий и с пенсией.

Я слушал и слушал. До утра. Я уже не плакал, я впал в какой-то транс. Людские голоса сливались в нестройный хор, в котором я не мог даже различить отдельных слов.

Я ждал, когда со мной поговорит мой дед. Я был уверен, что его голос будет низким, с характерной хрипотцой курильщика, как у меня. Под утро из шапки донеслось покашливание и сиплый звук: «Я никому не рассказывал о том, как воевал. Одним слава и почести, а меня определили в трофейную команду. Мы с поля боя оружие, боеприпасы выносили, материальные ценности, как принято говорить. И похоронами занимались, потому что приказ Мехлиса никто не соблюдал, людей не хватало. Иногда из окопов, блиндажей мы доставали не тела, а останки, которые уже нельзя было опознать. Разложившиеся, вздутые, синие. Свой или чужой – определяли по обмундированию. Если солдат в домашнем был, то есть в штатском, – точно наш. Намогильные надписи химическим карандашом делали, они смывались. Как получил медаль «За оборону Ленинграда»? Стружил артиллерийский огонь, а мы с ребятами тонущий танк из реки вытащили. Без спросу взяли в деревне две колхозных кобылёнки в подмогу. Ребята погибли, меня ранило несильно. Жизнь ничего не стоила, а танк... Это возможность воевать дальше. А книгу о школе я не дописал. Всех этих людей, чьи воспоминания, показания, письма что читал, я знал. Мои одноклассники, их сестры-братья и родители. Ты допишешь, Ванька? На тебя вся надежда, хоть свои романы и на полпути бросил».

«Кто читать-то книгу эту будет, дед?» — хотелось спросить мне, но я только снял шапку, завернул её в ту же газету и положил на верхнюю полку «чёрного шифоньера». Заварил себе крепкого кофе и вышел с кружкой во двор. Занималась заря, тихо было вокруг. Даже ветер не шелестел ветвями. Допишу. Как не дописать... Весь путь уже был за меня пройден другими.

Голоса над Мстой

*14-17 лет**Жсения Данилова*
(школа № 7 г. Боровичи 15 лет)**Мама**

Мама – это лучик солнца
В серых буднях и ненастье.
Мама – это свет в оконце
И, конечно, это счастье.
Руки мамы всех нежнее,
Они словно теплый ветер.
Я люблю ее сильнее,
Чем кого-либо на свете.
Мама жизнь мне подарила
Вместе с миром на ладошке.
Ее губы слаще меда,
Словно ягоды в лукошке.
Нежность, ласка и забота
Окружают всюду нас,
И на всем на белом свете
Нет прекрасней ее глаз:
Глубоки, как дно морское,
Широки, как летний луг,
Словно самое родное
Было что когда-то вдруг.
И бессонные все ночи
Никогда не позабыть.
От рассвета до заката
Буду я ее любить.

Что за диво?

В лесу ночная тишина,
Луна над озером видна,
Оно, как зеркало, блестит,
Прохладой свежестью манит.
Взглянули мы на небосвод,
Там звезды кружат хоровод,
И весело они танцуют,
Фигуры разные рисуют.
От них исходит нежный свет.
Медведица нам шлет привет.
Ковш над водой, но без воды-
Оставил млечный путь следы.
Летают мошки, комары –
Предвестники дневной жары.
Лягушки дивно квакают,
Слух наш очень радуют.
В камышах глаза горят,
Это два часа подряд
Филин ухает, пугает,
По воде круги пускает.
Что за диво ночь в лесу?
В эту летнюю пору
Брезжит утренний рассвет,
Ведь его прекрасней нет!

Рузалина Дементьева

(школа № 9 г. Боровичи 14 лет)

Говорила маме перед сном:
«Я так люблю тебя!
Ты побудь, любимая, со мной
И вырасти меня.
Будут ветры злые не страшны,
Ты, как ангел рядом,
Ты нежнее тишины,
И ласкаешь взглядом.
Знаешь, когда вырасту большой,
Мир сама постигну,
Тебе самой-самой дорогой
Посвящу я книгу.
Гладит мама ласковой рукой
Мои косы тёмны:
«Завтра помечтаем мы с тобой.
Спи сейчас спокойно.

Виктория Игнатьева

(школа № 8 г. Боровичи 15 лет)

Крестоносец*посвящается рыцарю.*

Ночь отступает от края небес -
Светлых дневных костров.
Солнце сияет расплавленным золотом,
Знаменем буйных ветров.
Дорога уводит меня на восток,
К вечного Царства вратам,
А я, рыцарь веры, спешу через время,
Чтобы вернуть светлый Храм.
Ало-кровавый крест на груди
Режут отсветы лучей;
Яркая сталь ледяным серебром
Звенит, точно лёгкий ручей.
Меч мой разит вернее, чем гром,
Блестит, как священный огонь.
И я, рыцарь света, бреду через лето,
Ему подпевая вдогон.
Слово молитвы в сердце моём
Шёпотом вторит струне.
Выбора вовсе уж нет - я вернусь
Со щитом или на щите.
Если погибну, не плачьте, друзья,
Пусть горечи смоем ваш смех.
Ведь я - рыцарь Храма, мне золото и мрамор
Не станут могилой вовек.

Сергей Кондратьев

(БТСИиЭ г. Боровичи 16 лет)

Был давно мудрец великий

1. ***

Был давно мудрец великий,
 Много видел, много знал,
 Сделал множество открытий,
 Век спокойно доживал
 В деревушке на отшибе,
 Где детей уму учил,
 О добре, о зле, о мире,
 О науке ведал им.
 Жадно внемля хриплый голос,
 Ребятишки, замирая,
 С интересом безусловным
 Тьму вопросов задавали.
 Старец отвечал всегда
 Независимо от темы,
 Но однажды детвора
 Напугать его сумела -
 Обратился к старику
 Юный мальчик, лет пяти :
 «Деда, можно я спрошу?
 Смысл жизни где найти?»
 И скупая прокатилась
 По морщинистой щеке,
 Всё вокруг остановилось -
 Миг в звенящей тишине.
 Перед ним стоит дитё -
 Путник из страны далёкой «Детство».
 Что, скажи, тебя ведёт?
 От чего страдает сердце?
 В чём причина размышлений?

Для чего ты начал поиск?
 Кто внушил тебе сомненья?
 Где ты встретил безысходность?
 Поборов внутри смятенье,
 Дав отпор непониманью,
 Прослезившись на мгновенье,
 Мудрый старец отвечает:
 «Милый друг, прошу послушай,
 Оглянись по сторонам!
 Здесь сады с плодами груши,
 Их чудесный аромат,
 И сарай, давно гниющий,
 Где содержат поросят.
 Рядом пруд, заросший тиной,
 И луга для пастухов,
 Где обедает скотина
 От овец и до коров.
 Роща пахнет недалече
 Наслаждением покоя.
 Там лесник встречает вечер,
 Пса лихого взяв с собою.
 По соседству озерцо
 С тишиной в зеркальной глади,
 С красотой далёких звёзд,
 Беглой ночью отражаемых.
 Хвойный лес по берегам
 Наполняет воздух жизнью!
 Его липкая смола,
 Цвет иголок светло-сизый,
 Ворс ковров колючих елей,
 Дождь из падающих шишек
 Останавливают время,
 Словно вечность счастьем дышишь!

А теперь ответь, малыш -
 Много ль там, в округе дивной,
 Разуверовавших в жизнь,
 Ищущих незримый стимул?
 Изучи созревший плод,
 Его мякоть, сладкий сок,
 Червяка, что в нем живет,
 Потеряв мгновений счёт.
 Вспомни свина в грязной луже -
 Разве смысл ему нужен?
 При жаре или при стуже
 Жизнь его не станет хуже.
 А лягушка мутных вод
 Комарами полнит рот,
 Квакает, не зная нот -
 Думает зачем живёт?
 А лохматый бойкий пёс
 Задавал такой вопрос?
 Он не хочет жить всерьёз,
 Его счастье - в пасти кость.
 А небесные светила
 В курсе для чего их тьма родила?
 Смысла жизни нету в мире!
 Мы об этом позабыли...
 Человек так склонен мыслить,
 Цель, призвание искать,
 Но не люди ищут смысл -
 Жизнь находит смысл в нас!

2. «Почитатели мнимой грации»

Сколько вас, одиночек, по улицам?
 Независимых, самодостаточных,
 Что в изящных пальто сутулятся,
 В магазинах за сдачу собачатся!
 Разодетые в ткани пиджачные
 В переулках плюются с гордостью,
 Выдыхая дымы табачные,
 Упиваясь собственной строгостью.
 Каблуком чеканят поребрики,
 Носом шмыгают, стоя в автобусах.
 Для людей ваши пальцы веером!
 Для знакомых - лишь косточки с кожицей.
 Наплевать вам, что зубы шифером,
 Хоть на деле они - черепицею.
 Вместо стержней - внутри грифели.
 Вы отбиты от общества шлицею,
 Ограничены полем лацкана
 И закованы рядом пуговиц!
 Почитатели мнимой грации,
 Сколько вас, одиночек, по улицам?

Иван Максимов
(Гимназия г. Боровичи 14 лет)

Собрался как-то приятель мой в цирк,
Оделся он в миг,
Долго не размышлял-котенка с собою взял.
Билет в первый ряд у кассира купил,
Сам сел-на колени Барсика усадил.
Вот началось представление-зрителям на удивленье.
Ведущий громко объявил:
«На арене суровый бенгальский тигр».
Хищник по арене ходит и рычит,
А котенок с интересом на него глядит.
Вдруг прыгнул Барсик к тигру на сцену.
Тигр смотрит на котенка, не веря.
Как маленький котенок смелости набрался,
К тигру огромному подобрался?
А сам котенок на спину тигра забрался,
Нежно к нему приласкался.
Зрители думают: «Сейчас сожрет его тигр!»
А тигр принял котенка мило.
Ведь какая разница, суровый или милый?
Все в этом мире должны быть едины!

По магазинам Зина походила.
И еду, и одежду купила.
Домой с покупками пришла,
И разбирать пакеты начала.
Пельмени-в морозилку,
Чулки, носочки-в шкаф.
Но вот ведь незадача, Зине невдомек,
Что я, опрятный, чистенький носок,
Забрался в холодильник и умолк.
Просто очень хотелось узнать,
Каково это: в холодильнике лежать.
Светло здесь и прохладно,
Просторно, свежо и приятно.
Не то что в комод с другими носками,
Которых неделю уже не стирали.
И вот решил я, что буду здесь жить.
Но продукты не хотели со мною дружить.
Ночью они холодильник открыли,
И меня из холодильника проводили.
Утром на полу нашла меня Зина,
В комод с носками вновь положила.
Не смог от носочной судьбы я спастись.
И сказали другие носки мне:
«Смирись! За долей чужой не гонись!»

Мария-Анастасия Мороко

(Гимназия г. Боровичи 14 лет)

Плачущий клоун

Она та актриса,
Что больше всех плачет.
Что толку в улыбке?
В душе всё иначе.
Фальшивое счастье растает в мгновенье.
Купить можно всё, но не утешенье.
Сейчас, к сожаленью, страшное время.
Имеем мы всё, ничего не имея.
Куда-то бесследно уходят все силы.
Не радует то, что когда-то любили.
Пропали из жизни все яркие краски,
Но делаем вид, что живём словно в сказке.
Серые будни украшены стрессом,
Внутри мы убиты глобальным регрессом.
Кто в этом виновен,
Почти каждый знает,
Но это, увы, ничего не меняет.
Так жаль, что эстетика нашего века:
Плачущий клоун, ложь, ипотека...

Осень

Осень...
Дождливое, тёмное небо.
Листва на деревьях шумит.
Посмотришь под ноги,
Вода по асфальту,
Как тучка по небу, бежит.
Лёгкая грусть к душе прикоснётся,
Вдохнёшь, закрывая глаза.
Но знаешь, что в будущем
Выглянет солнце
И озарит небеса...

Даниил Фёдоров
(Гимназия г. Боровичи 15 лет)

Матрица

Бесцветные, яркие дни-маяки...
Свободен внутри, но заперт снаружи,
Любая проблема лишь поворот,
Слепой или ясный, как жизнь повернет.
Попытка сбежать словно в бездну полет,
Из матрицы вырваться разве возможно?
По новой дороге сегодня пошел,
А может, обочину выбрал невольно.
Учусь на ошибках только чужих,
Чужие ошибки дешевле своих.
Опять перекресток, развилка пути,
Себя в этом мире не просто найти.

Анастасия Харечкина
(БАДК г. Боровичи 16 лет)

Шёпот о Мире

Взгляните на мир наш,
Как на картину без красок!
Вы видите?- Мы тонем во лжи?
Правда под тонной неистовых масок...
Где счастье, добро и свобода?
Ведь о них лишь люди кричат.
Но, наверно, не та уже мода,
Потому что о настоящем молчат.
Власть в воровстве обвиняют,
А кто ее выбирал?
И почему дети страдают?
Кто на митингах громко кричал?
Почему процветают убийства?
Где же наш Великий Закон?
Праву же учат артиста,
Вот вам традиционный канон.
Бабули сидят у подъезда,
Осуждают детей: « Молодежь...»
Скажите: «Кто в детях
приветствовал коварную ложь?»
Зачем эти сцены и драмы?
Для чего пустые слова?
Сколько в душах страданий?
Ведь Мир - не игра!
Наигрались, хватит, довольно!
Вот идет за бедою беда
Постоим, и в сторонке посмотрим,
Как начинается в мире война...
Скучно смотреть с голубых экранов

Новости богатых людей.
Лучше помочь маме и папе,
В воспитании малых детей.
Нужно любоваться природой.
Понять - зачем в мире жить?
А не слушать безмозглых ублюдков,
И рядышком с ними гнить.
Бросить брошюры, газеты,
Тупость всегда- ерунда,
Вспомнить хорошее где-то,
И забыть о плохом на всегда.

Юлиана Цветкова
(школа №9 г. Боровичи 16 лет)

Великая наша Россия

Я живу в великой стране,
Просторы её необъятны.
Шум берёз, рябин, тополей
Так сердцу милы и приятны.
Жизнь народа кипит и несётся,
А Россия – любимая наша страна –
Так было, так будет, и так остаётся-
Прекраснее всех и могучей она.
Я русским народом горжусь не зря-
Живёт в нас великая сила.
Я радуюсь, есть она у меня-
Великая наша Россия.

18-30 лет

Жина Афанасьева

(РГПУ им. А.И.Герцена г. С.-Петербург 18 лет)

«Такая штука Жизнь»

«Улыбки боль и сладость поражения».
 Ошибка? Нет. Правдивые слова.
 Такая штука «Жизнь», она в смятение,
 Все перепутав скажет: «Голова
 Всем твоим действиям великая угроза.
 Ты мысли в ней хоть иногда стирай
 И если твой причал поэзия, не проза,
 То говори стихами, не болтай!»
 Такая штука Жизнь, её устами
 С тобой беседует весь мир вокруг.
 Она кого-то прячет за холстами,
 А с кем-то невзначай знакомит вдруг.
 У этой штуки много недостатков:
 Несправедливость, унижение, слезы, лесть...
 Полно своих законов и порядков,
 Но ведь на всякий яд противоядие есть.
 Так, например, забрав у нас однажды,
 Обидев раз поступком роковым,
 Жизнь извинится перед нами дважды,
 За медный грош заплатит золотым.
 Она проказницей слывет на свете -
 На дню сто раз её приходится бранить.
 Но знают все - и взрослые и дети,
 Без этой штуки мы не сможем жить!..

«Я буду ждать тебя всегда»

Я буду ждать тебя в парке, в восемь,
 Подставив солнцу немые губы.
 Природа снова играет в осень,
 А ветер южный, совсем не грубый.
 Я буду ждать тебя в восемь тридцать,
 Собрав в букетик листочки клена.
 Счастливый парень на встречу мчится,
 Несёт цветочки из павильона.
 Я буду ждать тебя в девять ровно.
 С прохладой тёмной гуляет вечер.
 Пальто накинув присяду скромно,
 И буду ждать нашей тёплой встречи...
 Часы на башне пробьют двенадцать.
 Я буду жду тебя в полудреме.
 Приснится сон: нам чуть-чуть за двадцать,
 И мы живём в своём светлом доме...
 Вдруг, мягким пледом накроешь нежно,
 Тихонько сядешь, возьмёшь за руку.
 Вот так спокойно и безмятежно
 Мы ни одну проживём разлуку...

Артём Боронин
(МГУ г. Москва)

Солнце умрёт, и опять опять,
Ногу опять, опуская руку.
Будет всё впредь, и всё будет вспять,
Всё мимолётно, но как же принять:
Стрелка в часах всё идёт по кругу.

Видится он, что не враг, не друг,
В норах небесных, и звёздных норах.
В голосе каждом, и каждый вокруг:
Выстрелить чтобы горячий звук,
Певчий глотает холодный порошок.

Вечером солнце, горячее солнце упало,
Море сгорело, то тёмное в свете сгорело,
Только увидел я угли, горящие ало, -
Старого солнца осколки великого тела.
Угли коснулись меня, и покойное сердце
Стало расти и великим наполнилось жаром,
Стало оно подниматься, и, чтобы согреться,
Млечное сердце воздвигнул я солнечным шаром.

Алёна Муравьёва
(г. Боровичи 28 лет)

Мир так велик...

Мир так велик, а мне так мало надо
Лишь одного тебя с такой большой земли,
Мир так велик, а я так сильно рада,
Нашей большой и преданной любви.

Мир так велик, а в нём лишь мы с тобою,
Когда друг с другом мы наедине.

Мир так велик, но мал он мне, тоскую,
Когда прийти я не могу к тебе.

Мир так велик, а сердцем я с тобою.

Но образ твой я вижу лишь во сне.

Мир так велик, с весной и красотой,
Но Ты дороже всех на свете мне.

Жгуен Линь

(24 года)

Я помню юности лета

Я помню юности лета,
 Души падения и взлёты:
 Минор, мажор - на лёгких нотах,
 Как греют сердце те года!
 Я помню юности лета,
 Страниц романов шелест нервный:
 Кто сделает к любви шаг первый?
 Как свеж порыв был чувств тогда!
 Я помню юности лета:
 Прогулки на велосипеде,
 С друзьями смех при лунном свете-
 Как хочется, порой, туда
 Вернуться! Юности лета-
 Наивность, чистота и нежность,
 Чудес, мечтания безбрежность-
 Я не забуду никогда!

Басня о Единороге

Без этого, наверное, нельзя
 Познать вкус счастья и любви.
 Ты спросишь: без чего? На зеркало взгляни,
 Спроси, ты принимаешь всю/всего себя?
 В лесу волшебном жил Единорог,
 И каждый зверь завидовал ему:
 Красив и благороден, сказка наяву-
 Никто не восхититься им не мог!
 За исключением самого него...
 "Хвала других, не значит ничего,

Ведь я ничто... никто!"-
 Так рассуждал наш скромный, милый зверь.
 От грусти не блестела его масть теперь,
 Жемчужна* грива поседела,
 Глаза небесного тускнели, и душа болела.
 Однажды ночью нашего дружка,
 Лежащего у озера в печали,
 Как будто сердце, душу растерзали,
 Заметила глазастая сова.
 (Хотя... очей огромных и не нужно,
 Чтобы заметить, как Единорожку грустно.)
 "О, рыцарь леса, что с тобой?!"
 Вид у тебя совсем больной!"
 И рыцарь леса дал ответ такой:
 "Я не могу понять, за что меня все любят...
 И любят ли? Быть может они судят,
 Злорадствуют, смеются за спиной.
 I'm just a unicorn¹, и вовсе не герой.
 И не особенней других зверей,
 И даже хуже, вот, к примеру, соловей,
 Ты согласишься, как дивно он поёт,
 Что сердце отправляется в полёт!
 А голос мой? Он громкий, томный,
 И не шевелит ничего внутри- никчёмный.
 Или лиса: умна, хитра, красива,
 Заботливая мать! А у меня что? Грива."
 "Постой, достаточно, теперь я понимаю
 Причины боли сердца твоего.
 Я не смогу ответы дать на всё,
 Но кое-что о жизни знаю.
 "Just" unicorn, особенным чтоб быть,
 Достаточно собою оставаться и любить
 Себя! Пойми, что каждый сам себе герой,
 Никто не может быть тобой!
 Нет смысла сравнивать себя с другими!

Прими, гордись всем тем, чем наградили:
 Вселенная/ природа/ мама/ папа/ Бог!
 Ты уникален! Ты ж Единорог!
 Твой голос? Да, ты не поёшь, как соловей,
 Но искренней твоих речей,
 Ни от кого на свете не услышишь,
 Ты будто честностью и правдой дышишь!
 Всегда зверей всех защищаешь,
 А гривой, мастью свет нам излучаешь,
 С тобою рядом и теплей!”
 Единорог смущённо улыбнулся,
 И огонёк внутри него проснулся.
 Сова, тем временем, свою речь продолжала,
 И вот что интересного сказала:
 “А что касается любви, она
 Приходит в чистом виде к нам тогда,
 Когда влюблённость увядает,
 Любовь же- распустившийся бутон, благоухает!
 Мы любим без “зачем” и “почему”
 Эти вопросы просто ни к чему!
 Единорог задумчиво молчал
 Не до конца слова совы он понимал,
 Поэтому она сказала:
 “Со временем и с опытом придёшь
 К такому заключению сам и обретешь
 Спокойствие души.” Не понаслышке знала
 Сова, за жизнь немало чего повидала.
 “Однако, мне пора, а ты ложись-ка спать,
 А завтра прилечу к тебе опять”
 Спасибо совушка! - в ответ пропел
 Единорог. (Да-да, петь он умел!)
 Затем на отражение своё в воде
 Взглянул, сказав : я принимаю всё в себе
 Ведь нет такого же меня нигде.

Дуэль разума и сердца

Смотрю тебе в глаза: ни капли сожаления,
 Самоуверенность и юности задор,
 Надменная улыбка и немой укор,
 Как будто ты тут жертва унижения!
 Из года в год терпела, но теперь
 Пред жизнью я отстаиваю честь,
 Бессмысленно пытался секундант нас уберечь.
 Раз шаг. Два. Три. А помнишь, как мы в детстве
 Шли по пятам друг друга, не разлей вода,
 Бесились, не боясь последствий.
 Как было вольно и легко тогда!
 Четыре. Пять. Шесть. Семь. А помнишь как с тобой
 В тринадцать спорили на перебой
 О том, является ли жизнь игрой.
 Восьмой шаг. Девять. Десять. Как мы смели
 В семнадцать думать, что способны дать
 Всем людям счастье? Что с нас было взять,
 Наивно верили, и на двоих одну песнь пели.
 Одиннадцать, двенадцать и тринадцать,
 Четырнадцать, пятнадцать.
 Вот нам двадцать.
 Стоим и хладнокровно целимся в друг друга,
 Не в силах прошлого ошибки отпустить,
 Чужие, разные, готовые убить,
 И это общая заслуга.
 Ты направляешь пистолет, и параллельно направляю я.
 Смогу ли застрелить? А сможешь ли меня?
 Одновременный выстрел вверх. Я не могу убить себя.

Письмо к 2020 году

Вину во всех грехах тебе вменяют,
И многие давно гоняют,
А ты уходишь, как и все года,
Крепись, мой друг, крепись, твоя судьба!
Твоя... Твоя? Написанная нами
Написанная болью, страхом, гневом.
Потерями, разбитыми мечтами,
Ты дал понять, что значит человеком
Быть на Земле-
Другим и мне.
Спасибо, искренне благодарю,
И буду бережно хранить твой слепок,
Позволь тебя обнять мне напоследок,
Отважно бились мы в одном строю!
Ценю, люблю.

Алёна Русакова
(г. Боровичи 19 лет)

Душа Обломова плачет

Да... Быть может,
Сейчас мне грустно.
Не город душит,
Не серые будни.
Душа моя
Иссякает искусно,
И с каждым днём
Я всё более нудный,
Всё более вялый,
С потухшим взглядом.
Нет больше искр
В моих глазах.
Другим кажусь я
Всё более странным,
Ведь я не ищу
Спасенья во снах.
Тяжёлые думы
Давят на плечи,
Грузят мой разум
Своим бараклом.
Казался я сильным...
Сейчас искалечен
Лежу на диване
Я в доме своём.
Резные узоры,
Прекрасный витраж...
Когда ещё смог бы
Увидеть красоты,
Увидеть настолько чудесный

Пейзаж?

Не хочу я вставать:

Здесь мне слишком удобно

Смотреть в потолок,

Любоваться картиной,

От чего это общество

Так больно?

От того, что насквозь

Оно прогнило,

От него не останется

Ничего.

В свет выходить

Мне больше не надо:

Там люди

Травят других людей.

Они погибают

От чёрного яда,

Что носят в сердце,

Закрыв за ним дверь.

Андрей Степанов

(г. Боровичи 28 лет)

Деревенька русская

Деревенька русская

Деревянная,

Старый домик, детская,

Да окно стеклянное.

Не застал я счастья,

Не застал цветения.

Видел лишь отчасти я:

Те цветы осенние,

Лошадь с плугом старая,

Сенокос, да грабельки,

Ивушка усталая,

Серенькие валенки,

Скот в загоне тешится,

Дерево вишневое...

Мне вокруг мерещится

Старое, не новое.

Старое, любимое,

То, во что мы верили,

Что минуло, сгинуло

В пролетевшем времени.

Огороженный мирок

Огороженный мирок,
Мокрый блеск асфальта.
А в окошке огонёк
И за ним – лишь тайна.
И за ним такой же мир,
Только чуть поменьше.
Сблизил он теплом своим
И мужчин и женщин.
«Не ходи за край, сынок,
Поиграй в вольере.
Ты поймёшь, придёт как срок-
Там не люди, звери»,
И вот так растёт сынок
За стальной оградой.
Что за ней произойдёт-
То ему не надо.
Он спокоен, счастлив, сыт.
Знает две дороги.
И душа уж не болит,
Только тело, ноги
А чего же ей болеть?
Мир внутри прекрасен.
Жизнь в нём сиднем просидеть.
План предельно ясен.
Радость мамы не унять,
Рядом с ней малютка.
Хоть ему и 25,
А снаружи жутко:
Там стреляют каждый день,
Бьют людей, взрывают,
Ну а где деревьев сень-
Там клещи кусают.
«Нам не нужен страшный мир,

Мы хотим красивый.
И нам, с мужем дорогим,
Выройте могилы,
Чтоб сыночку не ходить
На погостик дальний,
Во дворе похоронить
Нас велю печально».
Вот стоит колодцем двор.
Солнышко сияет.
Две могилки под окном
Кто-то убирает.
Огороженный мирок,
И за той оградой
Только мрамор и песок,
Большого не надо.

Виктория Черкасова

(г. Кумертау 23 года)

С мечтой о классике

«Поэму без героя» почитаю....
 А после «Идиота» я прочту.
 И там, и здесь не всё я понимаю...
 Но глаз не пропускает красоту...
 Страницам чуть заметно покиваю...
 За занавес эпохи посмотрю
 Не всех я персонажей принимаю,
 Но книгу жечь... Тем паче не свою....
 Где классика, там почва размышлениям...
 Мы ж все «в тумане моря голубом»
 А если, друг, вам по душе горение,
 Так станьте Гоголем... и не сожгите том...

Зимне-философское

Синь сплошная сменяется снегом, что точно младенец смеётся,
 Несмотря на оскал на колеса надетых шин...
 Мы мастера прятать душу в бетон... Так не бьётся...
 А может и бить уже нечего... Мы – разновидность витрин?
 Снег сменяется тишью, что главная многомерность,
 Несмотря на старание многих наушники не вынимать...
 Мы мастера ставить гордо печать «вот нелепость»,
 А может, нелепее «леплого» уж не сыскать...
 Снег сменяется ясностью, ну а «чернильность» рассветом,
 Несмотря на прогнозы, на спящий будильник и сплин....
 Мы мастера отговорки искать, чтобы быть «не поэтом»...
 А может давно надо вырвать нам перья из старых перин?

Мария Чернова

(г. Петрозаводск 23 года)

ЦВЕТНЫЕ СНЫ ПУСТЫНИ

Покоится снег.
 Под ложечкой ком:
 Мороз пробирает до дрожи.
 Бушует вода океана.
 Под толстой пуховой одеждой
 Безмолвный поход по плато
 Так много мурашек на коже.
 Завершен канонадой обвалов.
 По мертвой суровой земле
 Настало тепло -
 Был сольный поход мой проложен -
 Полярное лето в разгаре.
 Глубокой зиме,
 Пора опускаться на дно
 Где заживо звук заморожен.
 Холодным безжизненным камнем.
 Завоет буран -
 Надежда внутри умирает.
 Укроюсь за снежные стены,
 Все ближе несложный финал.
 Забуду снаружи ветра
 Но на randevu с берегами
 И от жара лучины сомлею...
 Спешу через полосы майн.
 По-новой приснится весна,
 Мой дух закален холодами,
 Да покажут на пустоши белой
 А тает под солнцем, как снег.

Голодный, беззубый оскал
 Больше времени нет...
 Каскады бездонных расселин.

Разломы идут
 «Не надо весны!» -
 По леднику паутиной,
 Глаза открываю от крика.
 А я, беззащитный паук,
 Клокочут под шапкой басы,
 Наблюдаю, как дом обращают в руины.
 Постоянно сбивая свой ритм.
 Цунами и ливни зальют,
 Цветные треклятые сны
 Разнесут на бессчётные мили
 Да будут навек позабыты!
 Вокруг
 Понятен их тайный посыл -
 Многолетние стекла пустыни.
 Пугают потоки событий.

Марина Шустрова
 (г. Великий Новгород 24 года)

В моём мире

В моём мире – весна,
 Ветерок обдувает колени!
 В моём мире – весна,
 Звонко падают с крыш капли.
 В моём мире – весна,
 Птицы славно щебечут за окнами!
 В моём мире – весна,
 Мы любовью с тобой сотканы.
 В моём мире – весна,
 На дорогах ручьи и лужи!
 В моём мире – весна,
 Каждый здесь хоть кому-то нужен.
 В моём мире – весна,
 Зацветают подснежники скромно!
 В моём мире – весна,
 Пусть листва шелестит задорно.
 В моём мире – весна,
 Улыбается солнце проходим!
 В моём мире – весна,
 Мы с тобой, милый друг, так похожи.
 В моём мире – весна,
 Проникает лучами в душу!
 В моём мире – весна,
 Хочет вырваться счастье наружу!

От 30 лет

Вера Тригорьева
(г. Боровичи)

Баллада о Мясном Боре

Земля моя, мой край родной
И Бор Мясной, политый кровью,
Здесь до сих пор ещё лежат
Солдаты павшие – герои.
Для них ещё идут бои,
И где-то далеко победа,
А их сынов уже давно
Их внуки величают дедом.
И сколько их ещё таких
В тех скорбных, незабвенных списках
Лежат и ждут от нас они, живых,
И памяти, и обелисков.
Так искупи вину, страна,
И назови всех поименно.
Свой долг ты выполнить должна,
Над ними преклонив знамёна.

Война

Так похоронки разлетались,
Как будто стаи воронья,
И молодыми оставались
Отцы, мужья и сыновья.
Таковыми, как их провожали,
Сквозь слёзы вглядываясь в лица,
Себя надеждой утешали,
А вдруг сумеют возвратиться.
Молились всем богам на свете
Жена, сестра, невеста, мать.
С молитвой спать ложились дети,
Вдруг папка сможет устоять.
По карте стрелка чёрной тенью
Всё дальше, дальше стынет кровь,
И пускались на колени
Надежда, вера и любовь.
А жернова войны крутились,
Путь до Победы был неблизким.
И вырастали по России
Могилы в скромных обелисках.

Памяти мамы

Мама, мамочка, родная -
 В сердце болью отзовется.
 Мама, мамочка, родная –
 Мама больше не вернется.
 Не стихает боль потери –
 Столько лет, как мамы нет.
 Я до сих пор не верю,
 Не помашет больше вслед.
 Торопилась к жизни взрослой
 И тогда не понимала,
 Что однажды будет поздно,
 Что не вечна моя мама.
 Как же я теперь жалею,
 Что тебя любила мало.
 Ты старела и болела.
 Я ж не часто приезжала.
 Всё вернуть хоть на мгновение,
 Миг единый с мамой милой.
 Я б упала на колени
 И прощенья попросила.
 Руки б маме целовала,
 Прядь волос её седую,
 Каждый день бы повторяла:
 Как же сильно мать люблю я.
 Нет, возврата нет оттуда,
 Ни увидеть, ни позвать.
 Так любите ж мать покуда
 Ещё рядом ваша мать.

Татьяна Тригорьева
 (г. Боровичи)

ПАУТИНКИ ЛЕТА

Паутинки тонкие, как обрывки лета,
 Над полями по ветру, не спеша плывут.
 И денечки теплые, как гласят приметы,
 Нас чуть-чуть побалуют, а потом уйдут.
 В вальсе расставания птичьи стаи кружатся.
 Им в дорогу дальнюю надо взять с собой
 Паутинки лета, как обрывки кружева,
 Как частичку родины в стороне чужой.
 До чего же хрупкое ты, тепло прощальное,
 И капризно солнышко, и дожди щедры.
 Паутинкой легкой «Бабье лето» тянется,
 Улетая с птицами вдаль на край земли.

ПОГАДАЮ Я НА СВЯТКИ

За окном метели воют
 И ветра стучат в окно.
 Я всегда грустна зимою,
 Когда холод и темно.
 До весны еще не скоро,
 На дворе январь стоит.
 Под окном сугробов горы,
 Замерзаю без любви
 Погадаю я на святки,
 На любовь поворожу.
 Где мой милый, ненаглядный?
 Как же я его найду?
 Сердце без любви устало,

Поцелуев губы ждут.
Где ж ты милый, ненаглядный,
Приходи скорей, я тут.
В чашку капал воск со свечи
И узор мне рисовал.
То ль колечко, то ль сердечко,
Толи церкви купола.
Святки мне любовь пророчат
И красавца жениха.
Не усну сегодня ночью,
Гложет девушку тоска.
На гуляночке подружки
Все по парочкам сидят
Одиноко мне и грустно,
Слово не кому сказать.
Все подружки с женихами,
А мне некого обнять.
Без любви я жить устала,
Все пойду тебя искать.

Александр Другов
(г. Боровичи)

Светоч надежды

Когда нас объяли тревожные дали,
Нам нужен маяк, - чтобы верили, ждали.
Если нас любят, то верят и ждут,
светоч надежды над морем зажгут
Если страдают, сжигая сердца,
знать, благодать снизошла от Творца!
Во имя любви и во благо дерзая,
достигнем глубин, высоты или края...
Нас к дому ведёт добрый дух домовой.
На светоч – надежды – держать, рулевой!
Но бывает и так, что не любят, не ждут,-
цинично играя, без жалости лгут.
Темна и безбожна душа-дьяволица-
пустые глаза, смазливые лица...
Не вспыхнет огонь! Не ждите напрасно.
В потёмках скитаться – грешно и опасно.
И прежде, чем ринуться в море воды,
дома расставьте все точки над і

Казус (casus belli)

Идея-Логос – движитель, – ПредВечный динамизм.
 Природа – Вечность – двигатель, – Творимый организм.
 Природа – абсолютная, – нет жалости и зла.
 Земля – планета людная, – плод света и тепла.
 Безусловный, плотный и добротный Мир...
 Недоумок потный – бестия-вампир, –
 жаждущий «свободы», жизни! и чудес, –
 каин – для Природы, казус – для Небес.

Выступает эго – собственное я –
 самость человека – центром бытия:
 лживый, нерадивый, суетливый нрав, –
 но истец ретивый «справедливых» прав...
 Неразумная людина – нелогичные слова:
 отрицать Творца и Сына, а потом – «качать права»?!

Жизнь людей – поток забот,
 огонь идей и вихрь работ...
 Ум ошибки множит и плодит калек.
 Так живёт и может только человек.
 На Земле – от человека – некуда деваться.
 Человеку – человека – следует бояться...
 Что творит, не ведает, – умственность – раба.
 Смачно отобедает, – пот утрёт со лба...
 Некого страшиться – голова темна, –
 с головы вершится на Земле война.
 Крутится шарманка – «суета сует»...
 Логика-обманка – вразумленья нет.
 Вера и сомнение. Зло и доброта.
 Душное томление... Бла́говест Христа.
 Чистый дух страдает – Истине отверст, –
 ясно прорицает: каин – казус – Крест...

Чистилище

Горюшко – година – смертная Война.
 От границ – лавина – рвётся сатана!
 Рубежи ломаются танковой свиньёй.
 Армии сминаются вражеской бронёй...
 Фронт стабилизирован. Но Война – мерзавка!
 Ленинград блокирован – подлая удавка.
 Подчистую, всех, кто мог, их военкоматы
 занесли в мартиролог, – все ушли в солдаты.
 На заводах у станков – женщины и дети.
 Превратились в стариков – руки, будто плети.
 Братскими могилами полнятся кладбища.
 В небеса – чернилами – смрадные кострища.
 Голод, холод, дистрофия, обмороки... – Смерть!
 Зла ревущая стихия лбом упёрлась в твердь.
 Напоролась на рожон дьявольская силища.
 «Ленинградский бастион» – то не ад, чистилище!
 Громыхали корабли главными калибрами!
 Выживали, как могли, трепетали фибрами...
 «Поступь метронома», колокольный звон –
 вестники разгрома, тех, кто вторгся в дом.
 Беспощаден – нелюдим – яростный Молох.
 Всё равно мы победим! – видит Правду Бог!
 Мука – Истины – сестра. В глубине – цвет траура.
 Так над городом Петра воссияла Аура.
 Сквозь бои-страшилища, сквозь горнило стуж –
 вышли из чистилища мириады душ.
 Несусветный холод, запредельный свет...
 Страшно, если молод, больно, если сед.
 Горечь незабвенная – пусть пронзит нутро.
 Память злободневная – верное ядро.

Антонина Катченко

(г. Боровичи)

Музыка огня

Горят дрова и в полумраке,
Из пода серенький дымок.
Там прогоревший, в чёрном фраке,
Сверкнул лазурный уголёк.
И память, быстрой вереницей,
Былую радость и печаль,
Проносит мелкою крупницей.
Всего прошедшего мне жаль.
Вдруг музыка плывёт из печи,
Поленьев треск, оргазм огня,
Звучат симфонией. А речи-
То детский плач, то, как броня.
И блеск огня, горячий пляс,
Стирают всё из мирозданья.
Уходит в прошлое, и в раз
Приходит пустота сознанья.
Так можно долго просидеть,
Любуясь волшебством горенья,
Мечтать и слушать, и глядеть,
Отбросив прочь души сомненья.

Время

Да, мой не за горами вечер
Всё явственнее слышу я,
Как давит время мне на плечи
Престрашной силой бытия.
Течёт оно неумолимо
За годом год, за сроком срок,
Но не проходит где-то мимо,
А непременно валит с ног.

О прошлом

Нельзя о прошлом сожалеть,
Но как от прошлого отбиться,
Какой стеной отгородиться
И позабыть всё как суметь?
Увы такого не дано
Не в будущем, не в настоящем,
Но всё ж настойчивей и чаще
С годами помнится оно.

...Колокола звонят в дали,
Спешат: удары за ударом.
Они звонят о добром, главном,
О детском времени они.
Тогда и утро было раем,
И полдень рай, и все закаты,
Там были куклами лопаты,
А замком – скромненький сарай.
Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло:
Но, как и прежде, тяжело
Качаются на клумбах мальвы...

Виктор Коновалов
(г. Боровичи)

У пруда

У пруда берёзонька белая
- Расскажи, что видела, милая?
- Целовалась парочка у пруда
Да потом разъехались кто куда.
Пили сок берёзовый – вот беда.
Ну зачем я выросла у пруда?
Лучше бы в лесу густом мне стоять,
Чтоб никто не мог меня обижать.
Что пристал с вопросами, уходи.
Мои думы горькие не суди!
- Ладно, ладно, белая, ухожу,
Про твою беду всем скажу.
Чтоб тебя не трогали никогда,
Ты расти, кудрявая, у пруда.

Татьяна Кутепова
(г. Боровичи)

Природа

Она просто устала от бестолочей,
Этих глупых детей, нарушающих дзен,
Что погрязли в болоте своих мелочей,
Ничего не сажая взамен.
Она просто решила всех нас наказать,
Посадить под домашний арест.
Чтобы мы неспеша попивали свой чай,
Подтверждая ее протест.
Чтобы мы посмотрели друг другу в глаза,
Станцевали на кухне вальс.
Чтоб сквозь окна в запутанных волосах
Отдохнуло солнце, смеясь.
Чтобы выдохнуть нам наконец суету,
Чтобы головы к небу поднять.
Чтобы нам наконец разглядеть красоту
И друг друга покрепче обнять.

Закат на море

Закат на море - солнце торопилось
Запрыгнуть в волны, краски погасив.
И небо в багряницу нарядилось,
Его за горизонт сопроводив.
Им восхищались корабли на рейде,
На кромке мира, в тихой полутьме.
А ласковый и нежный южный ветер
Запутывал сырые кудри мне.
Величественно горы наблюдали
За шествием Земли среди светил.
В душе небрежно мысли возникали,

Из сердца ты никак не уходил.
И в отблесках погасшего заката
По мрамору ступеней и перил
Стекала боль обмана и расплаты,
Лишая разума и не давая сил.
Закат на море - зрелище прекрасней
Едва ли ты отыщешь на земле.
Но если нет любви, свободы, счастья
То нужен ли закат такой тебе?

Сомбреро

Ты где и чем завалено, под чем погребено
Сомбреро мое старое, облитое вином?
Сомбреро мое славное, издавшее моря,
Ветрами обожженное на скалах сентября
Орешками кедровыми пропахшее насквозь
В его полях соломенных клочки счастливых слез
Труха там от багульника, и зверобоя пыль...
гудрона точки черные...
Где память, а где - былль?
Сомбреро мое милое, куда же делось ты?
А ведь тебя и не было на берегу мечты...

Мои консервы

Возьму июльский тёплый вечер,
Добавлю моря и костёр,
Медузу, худенькие плечи,
И крылья, Ангел что простёр.
Сложу в стекло, залью закатом
Багровым, тёплым, с ветерком!
И крышку плотно, чтоб когда-то
Поллюбоваться перед сном...

Светлана Лагутенко

(с. Мошенское)

Эх, банька, банька-банечка!
Ликуй, моя душа!
Красивая, желанная,
Эх, как ты хороша!
Идёт помыться с радостью
Любимая родня,
Чтоб с веничком попариться
И смыть тревоги дня.
Врагам, друзьям, знакомым
«Все косточки промыть»
И про свои заботы
Сказать, не позабыть.
А в баньке как-то просто
И ясно, что почём:
Кого-то шлёпнем веничком,
Чтоб била жизнь ключом.
Кого-то холодяночкой-
Откроются глаза
И радуешься жизни,
Иль жмёшь на тормоза.
А после «очищения»
Вновь пьёшь горячий чай,
Из самовара с травами,
Крепчаешь невзначай.
И ждём мы баньку-банечку
И любим всей душой.
Ты – наше чудо, Банечка,
И счастье, и покой!

Благословение

Улетай, моя птичка, на волю!
 Видно всё же пришло твоё время.
 Я тебя отпускаю с любовью,
 Хоть, конечно же, очень жалею.
 Ты живи безмятежно, счастливо,
 Каждый день пусть любовь наполняет.
 Мир, покой, доброта в твоём доме,
 А в глазах твоих солнце сияет!
 Улетай, моя птичка, на волю!
 Улетай, моя милая, с Богом!
 Пусть красивою, длинною, доброю
 Будет вашей семьи дорога!

Виктор Лебедев
 (Новгородский район п. Тесово-Нетыльский)

Времена года

Цепляясь за краешек ночи
 Погасли последние звёзды
 Становится лето короче,
 Считая последние вёрсты
 Оно, уходя, устилает
 Аллеи пожухшей листвою,
 Последним закатом сгорает,
 Но к нам возвратится с тобою.
 А осень плетёт паутинки
 Последнего бабьего лета,
 И первые дарит снежинки
 Зиме подавая карету
 И сбросит последние листья,
 Оставив зелёной лишь хвою
 И ... сложит уставшие кисти,
 Но к нам возвратится с тобою.
 Зима заморозит озёра,
 Укроет поля одеялом,
 А окна раскрасит узором,
 Чтоб всё белизною сияло,
 И белой стеной понесётся.
 Вдруг ... солнце пригреет весною,
 Зима от него не спасётся,
 Но к нам возвратится с тобою.
 Весна заиграет лучами,
 Взорвётся лихою капелью,
 Серебряными ручейками
 И первой предвестницы трелью.
 А лето уже поджидает,

Весна ему двери откроет,
Потом ... незаметно растает,
Но к нам возвратится с тобою.
Любовь же, отнюдь, не такая,
Ей время подвластно любое,
Однако она, умирая,
К нам не возвратится с тобою.

Игорь Павлов
(г. С.-Петербург)

Заблудились...

Онега справа,
Ладога слева,
Север на Севере,
Юг - не найти.
Ты со мной мокнешь
Глухаркой под деревом
В Вепском далеком, синем лесу.
Смотришь на небо
Дождиком сеяным,
Смотришь на листьев
Летящий черёд:
Как они падают,
Падают медленно,
Как их земля
С поднебесья зовёт.
И тишина продолжается
В осени:
Голых деревьев чёрный изгиб
С тёплой, берёзовой,
С мокрою проседью;
С ветром кочующий
Сказочный скрип...
Мы с тобой выстоим!
Дождик рассеется,
Юг догадается,
Где ему быть.
И перемелется,
Все перемелется -
Осень так быстро
Не может остыть!

Мы
устанем быть
в разлуке,
Перестанем видеть
вещи
И возденем к небу
руки,
Ибо только с ним
обещан
Мир
начертанных
им судеб,
Охраняемых
псалмами,
Где вокруг
не только судьи,
Но и
те,
что с облаками,
Но и
Тот,
кто с Нерождённым
Сеет день и ночь
по небу
И грядёт
с Непобеждённым,
Приносящим нам
победу.
Он - Единый!
Разделяет
Чудесами
век
на вехи

И
с любовью,
со слезами
Нас
прощает
за огрехи.

*«В ночь на Крещение Господне
над Москвой и Подмосковьем
прошла снежная гроза.»*

А после Крещенья
Вернулись морозы!
Как будто прощенье
За снежные грозы,
Которые в чёрных
Купелях играли,
И сверху без счёта
Зарницы роняли
На тёплую землю,
Замёрзшую вскоре,
Цветной акварелью
В январском просторе...
...Но минула эта
Забавная шалость
С поклоном от лета
И с верою в радость...
Снега положили
Перины в постели,
Стихи оживили
Метели, метели...

Елена Себелева
(г. Боровичи)

Наш мир закончил трудный путь.
И время вектор поменяло.
Стремится вверх не как-нибудь,
Летит стремительно, не вяло.
И ключевое всё сбылось.
Настала эра золотая.
И трудное, как повелось,
Ушло, из жизни улета.
России нашей суждено
Стать в мире новым государством.
Здесь ветхое побеждено
И новое настанет царство.
Богатый опыт учит нас
Собрать всё лучшее отныне.
И пусть не удивляет вас:
Христос продумал всё в пустыне.
На благо всем процесс пойдёт.
Пятнадцать лет на это хватит.
И мир решения найдёт.
Страна с страной станут ладить.
Пророчество* мне по душе.
И всем его приятно слышать.
Наш мир давно устал уже
И воевать, и ненавидеть.

Максим Сергеев
(г. Боровичи)

На Мсте - реке

На Мсте-реке, на Бобровских горах,
На улице Ленинградской
Я детство провёл, но юность встречал
На улицах ленинградских.
И Невский проспект перспективой мне был,
Но больше - проспект Испытателей.
Трамвай «две пятерочки» нас довозил
До нашей самой Альма-Матери.
Но жизнь не стояла на месте тогда,
Я юность свою проводил...
Сменил я Невы-реки берега
На Волохова берег реки.
И озеро Ильмень, как Финский залив;
Детинец, как крепость Петра,
Но не было там никаких перспектив,
И вновь поменялись ветра.
И снова - город на Мсте, мой родной -
Давно уж не иносказательно -
Вновь принял меня на вечный постой,
И принял я сам это, кстати, но...
Я буду помнить все те города,
Где мне довелось оказаться.
Пройдусь, как по Невскому, я иногда
По улице той Ленинградской.

Сергей Ткачёв

(г. Боровичи)

Фотографии былого

Слово, слово, даже слово!..
 Всё окажется в тени...
 Фотографии былого
 За бесцветность - не кляни!
 Это было дни, недели -
 Как столетия - назад!
 Все живые - поседели,
 Все бумаги - пожелтели,
 Словно листья облетели -
 Поздней осенью шуршат!
 Где вчерашних три девчонки
 Веселились - не унять -
 Нынче - пожилые тёти
 Вышли воздухом дышать.
 Были - школьные подруги:
 Раскидала всех судьба.
 В нас - за прошлое - в разлуке -
 Сквозь всю жизнь идёт борьба!
 И уже другие дети
 По весне песком пылят -
 Кто вчера не жил на свете,
 Но восторг весь - повторят.
 Для кого - то дождь и лужи
 Снова в жизни - в первый раз.
 Станут взрослыми - и будут
 Обсуждать - прошедших - нас.
 Ведь они не знают муки -
 Что в «простой» 20 - й век -
 Всюду в лампах с ультразвуком -

Рос с рожденья человек.
 И пускай они не знают -
 Как любили, как могли!
 Но невольно - повторяют
 Жажду вёсен у земли!

Синий вечер всей России...

Синий вечер всей России:
 Снег и холод заварной -
 Словно сани попросились
 Пробежаться стороной,
 Окунуть свои полозья
 В этот тяжкий снеговал.
 Только мёртвые колосья
 Ветер в поле узнавал.
 Под пудовым весом ели
 В чащах - скрючены дугой.
 На опушках - зная дело -
 Напетлял уже косою.
 Нынче валенкам и шубам
 Нужно место уступить.
 Мне в ушанке стало любо
 След до дому протропить.
 Только тихие веранды
 В деревнях - лампадки жгут,
 Занавески на окошке -
 Чтоб не сглазили уют.
 Стариковская Россия
 Годы вспомнила свои
 И пошла плясать: кровь - силу
 На морозе обрели!

Татьяна Умцукая

(г. Боровичи)

Мой мир

Мой мир, в котором я живу...
И он прекрасен...
В нем те, которых я люблю
и тот, который мне опасен..
Мне жизнь давала шанс уйти,
я не сдавалась...
И находила те пути,
чтоб жизнь моя не прерывалась..
Вокруг ведь столько красоты
и тех, кто дороги, любимы.
Сверчок поет мне песнь в ночи,
и легкий ветерок качает веточку рябины..
Я с каждым днем смотрю на мир
глазами сердца и душою,
любуюсь дождиком я днем ,
а ночью звездами порою..
И в небе облака, как пух,
рисуют зайчиков и мишек ,
и лошадей бежит табун,
почти уже сравнялся с крышей.
Последний день календаря ,
наводит маленькую грусть.
И неизвестно ,что и как..
но я надеюсь, что вернусь.
И как у каждого из нас,
мне не хватает тех часов,
чтоб все успеть.
Достроить дом ,
в посаженном саду весною посидеть,

когда цветут вокруг цветы ,
качель, беседка , шашлыки
И те, кого люблю душой.
Вот это счастье ,
что не хватает нам порой.
В травинке каждой жизнь живет.
И вечен мост ,что над рекою Мстой.
Я посижу на берегу,
любуюсь миром,
что так всем сердцем я люблю.

Марина Шибаетова

(п. Торбино)

Январь

Январь, морозный месяц зимний,
Стоит такая благодать!!!
Лес серебром укутав дивным.
Краса, что взгляд не оторвать!!
Мороз крепчает, солнце блещет
И иней на ветвях блестит,
сама природа сказку ищет,
с небес на землю к нам летит!
Так разрисует и украсит,
Оденет землю в «Жемчуга»!!
«Брильянтами все приукрасит,
Снежком укутав берега...
Блестят озера льдом прозрачным,
Снежок искристый кружится, парит,
Озоном воздух весь пропитан ясным,
Дышать легко, а ж голову кружит!!
Трещит морозец, к вечеру крепчает!!
Луна на небе серебром блестит,
а звездочки в туманной дымке тают,
лишь только лед на озере трещит!!
Погода чудная и дышится свободно
И по морозцу хочется бежать,
На сердце хорошо так и спокойно,
И в сказку эту тянет нас попасть!!!
Спасибо вам «Январь –Морозный месяц!»
За красоту снегов,за зимний лес!!
Спасибо «Воеводушка» за сказку!!
В которой много для всех нас чудес!!!

Февраль

Настал Февраль- метели ,
вьюги ,мороза,снега и пурги..
Не видно птичек,улетели,
\В домишки ветхие свои..
А ветер дует, завывает,
в окно стучится у крыльца,
к себе прохожих зазывает,
мороза стужей без конца...
Он набирает обороты,
Войдя в владения свои..
И запорошит все тропинки,
И заметет все уголки!!!
Вокруг деревни все завьюжит,
Деревья в шали завернет...
А снег летит, а ветер кружит,
Метель резвится и поет!!!
Он заметет следы зверюшек,
в лесу-все тропки и лыжню...
и распугает всех старушек,
домой загонит всех к огню..
А к ночи будет выть ,носиться,
Домишки снегом заметать
И ветром дуть, и зло резвится,
И горы снега наметать...
Такой февраль уж ,зимний месяц!
Метут метели и пурга,
а ветер воет ветер свищет,
запорошил он все луга!!!
И с каждым разом все сильнее,
То стужа,то метель кружит..
Февраль –Голубчик! Будь милее!!
Пусть в гости к нам Весна бежит!!!

Март

Пришел к нам месяц Март
 И солнышко пригрело,
 Ручьи бегут .журчат,
 Весна к нам прилетела..
 Капель звенит ,стучит,
 Сосульки быстро тают.
 И стайки разных птиц,
 К нам в гости прилетают..
 Щебечут, гомонят
 И радуются солнцу,
 А веточки дрожат.
 Стучатся по оконцу..
 Учувяв март коты
 На солнышке расселись.
 орут на все лады,
 им хорошо, пригрелись!!
 У них своя любовь!
 Напевы напевают.
 ЗА» ДАМУ Сердца» в бой,
 они легко вступают...
 Проталинки-Весны
 От солнца появились,
 Подснежники –цветы
 Вмиг быстро распустились!!!
 Они цветы земли
 От снега вновь очнулись
 И белыми головками
 вдруг к солнцу потянулись!!!
 Ведь с ними и с весной,
 Земля вся оживает
 И с марта «красотой»
 Всю землю одевает...
 Весна ,Весна- красна!
 Не даром говорится,
 В окошко к нам она,
 ко всем уже стучится!!!

Мальчи

Анастасия Васильева
 (школа №9 г. Боровичи 9 лет)

Зима

Падают снежинки,
 В воздухе кружа,
 Снегом накрывая
 Тёмные поля.
 На пригорках дети
 С санками в руках
 Весело хохочут,
 Вниз потом летят!
 Солнышко сияет,
 Весело смеясь,
 А ещё моргает,
 Улыбаясь нам.

Юлина Васильева
(школа №9 г. Боровичи 7 лет)

Разговор Весняночки и Оксаночки

- Весна, Весна-Весняночка!
- Что тебе, Оксаночка?
-Прогони туман сырой
И подснежники раскрой.
Хочу, чтобы в апреле
Весняночку мы спели.

Виталий Власов
(школа №9 г. Боровичи 11 лет)

О Суворове

Он – великий полководец,
Умный, честный и отважный,
Защищал всегда Россию,
Его имя знает каждый.
Прошёл свой путь он от солдата
До самой главной высоты.
Генералиссимус Суворов
Стоял на страже всей страны.
Не проиграл он ни сраженья,
Врагу земли не уступил,
Всегда он думал о солдатах,
Солдатской жизнью дорожил.
Есть у него наград немало,
его титулов не счесть,
Но важнее всего слава,
Что о нём в народе есть!

Дарья Дарзина
(школа №9 г. Боровичи 11 лет)

Борется весна с холодной
Зимней стужей
И весело с победой
Прыгает по лужам.
Прогоняет солнцем снег,
Журчит ручьём по горке,
И стало всем вокруг теплей
От птичьих трелей звонких.
Ночи стали коротки,
А дни светлей, длинней.
Стал снег пушистый корочкой
И с крыш поёт капель.

Утро

Утро наступает, город оживает.
Солнце заглянуло прямо мне в окно.
Песенки свои птички напевают.
На душе сегодня радостно, тепло.
Прилетели птички
Из далёких стран,
Местные синички
Шум подняли, гам.
Дети на прогулке
Весело шумят.
Шустрые бабульки
За детьми глядят.

Всё радуется свету,
Солнышку, теплу
Будущему лету
Мир поёт хвалу.

Шарик

Летит шарик голубой,
Вслед за ним зелёный.
Летят прямо над Москвой
Зелёный шарик, голубой.
Может быть, летят на юг,
Иль на север, может быть.
Ты лети ко мне, мой друг,
Будем мы с тобой дружить.
Шарик вдруг повеселел,
Вверх взметнулся и запел:
«Краше нет родных земель,
Но я их все не облетел».

Артём Зайко
(школа № 9 г. Боровичи 7 лет)

Бабулечка

Я люблю бабулечку, с ней мы заодно,
Вместе смотрим мультики, иногда кино.
Вяжет мне бабулечка шарфик голубой
И носочки тёплые, чтоб носить зимой.
А ещё у бабушки вкусные оладушки,
Руки очень тёплые, сердце очень доброе,
Книжки мне читает, чаем угощает.
В общем, бабушку мою очень сильно я люблю!

Варвара Жлуткова
(школа №9 г. Боровичи 7 лет)

Я мечтала сочинять

Я мечтала сочинить
Хоть какой-нибудь стишок,
Слов немало применить:
Вот разок, ещё разок.
Про кого же написать?
Про семью, про маму?
Главное про рифму знать,
А взять хоть Далай-Ламу!

Алёна Иванова
(школа №9 г. Боровичи 9 лет)

Бывают дни

Бывают дни неисправимы,
А иногда грустны, противны,
Бывает встал не стой ноги,
И всё не так, и все враги.
Подумай ты о дне прекрасном,
О сбывшихся своих мечтах.
О лете. Море, солнце ясном,
О счастье, что в твоих руках.
Объятая душу согревают,
Улыбки радуют людей,
Но многие не замечают
Всех этих важных мелочей.

Лавел Ли
(школа №9 г. Боровичи 7 лет)

У ласковой кошки промокли сапожки,
Промокли сапожки, шёл дождь проливной.
Испортил дождик сапожки у кошки,
Идёт теперь кошка в мокрых домой.

Алиса Матвеева
(школа №9 г. Боровичи 7 лет)

Весенние каникулы-
это хорошо.
Утром просыпаешься,
а вокруг светло.
Слышен во дворе
весёлый детский смех.
Солнышко игривое
Обогрело всех.
Играем вместе
в прятки, салки, догонялки
Выбираем лучшего,
кто скачет на скакалке.
Девочки на роликах,
мальчики на скейте,
Бабушки волнуются:
«Только не вспотейте!»
Весенние каникулы
Быстро пробегут,
Но уже и летние
нас с тобою ждут.

Арина Руфова
(школа №9 г. Боровичи 7 лет)

Течёт ручей,
Звенит капель,
Птицы стали прилетать,
Дети во дворах гулять.
Это в гости к нам пришла
Долгожданная Весна!

Ульяна Тимофеева
(школа №9 г. Боровичи 7 лет)

Щенок

У меня живёт щенок
Озорной и маленький,
Самый лучший на земле
Мой пушистик рыженький.
Вместе мы играем в прятки,
Бегаем и прыгаем.
Он со школы ждёт меня,
Самый лучший для меня.

Милена Хвальбота
(школа №1 г. Боровичи 13 лет)

Поймите нас!

Поймите нас! Нам дорога свобода!
Поймите! Жизнь бушует в нас.
И силам, нам подаренным природой,
Уже пробил урочный час.
В пример себе теперь кого мы ставим?
Тех, кто не тратит лишних слов.
После себя уж точно мы оставим
И добрые дела, и чемодан стихов.
Как дышит грудь! Как сердце бьётся громко!
Волнения его не выразят слова ничьи.
Но первые стихи стеснительно и тонко
Уже шумят, как вешние ручьи.
Весна пришла. Застыла у порога.
А солнце льёт с небес горячие лучи.
Стихи слагаем мы, ведёт вперёд дорога,
И жизнь нам открывает новые пути.

Боровичский край (Краеведение)

Мариса Кудесова
(г. Боровичи)

ЖИЛ ЛИ Я НАПРАСНО?

Виталий Всеволодович Гарновский, член Союза писателей СССР, Почётный гражданин города Боровичи.

У каждого времени – свои летописцы. В их мыслях и делах – дух времени, образ и душа народа. И таким летописцем своего края стал Виталий Гарновский.

Наш герой родился в Петербурге 17 августа 1902 года. Детство и юность прошли в Новгородской губернии в деревне Владыкино Перелучской волости Боровичского уезда. Дед Виталия Михаил Иоакимович – выходец из старинного польского дворянского рода, полностью обедневшего к концу XIX века, окончил военно-морское инженерное училище в Петербурге, служил во флоте, позднее преподавал математику и механику в Кадетском корпусе, имел большую семью.

Виталия годовалым ребёнком родители привезли во Владыкино, где было когда-то их имение, которое настолько бесхозяйственно велось предками, что от него не осталось ничего, кроме деревянного дома. Образование Виталий получил в церковно-приходской школе, рано приобщился к труду. «Работать начал по найму с 1916 года – вначале подёнщиком на сплаве на реке Увери, а затем рабочим сплава и, в дальнейшем, десятником сплава», – пишет он в своей автобиографии.¹ В те времена в деревне все от мала до велика работали на сплаве. Сплавливать лес вначале прошлого века было очень выгодным делом. Помогал он и отцу в слесарной мастерской, под его влиянием пристрастился к охоте и рыбалке, всё свободное время посвящал чтению книг и мечтам о дальних странах. В четырнадцатилетнем возрасте появились его первые стихи. Гарновский вспоминает: «...Мне нравилось подбирать слово к слову, мне нравилось напевать свои стихи в полголоса, но ... на этом дело и кончалось». ²

1917 год. Россию, всю от сельской глубинки до столицы, всколыхнула волна революций. Молодой Гарновский находит общие интересы с другими представителями деревенской интеллигенции: учителем Григорием Смелковым, священником, фельдшером-ветеринаром. Их объединяла поэзия символистов: Брюсова, Гумилева, Блока. «Брат в девятнадцатом и двадцатом годах служил переписчиком в нашем волостном исполкоме, в Острове – маленьком селении из нескольких домов, принадлежавших исполкому, учителю, священнику, «конному фершалу» – ветеринару Шифрину и его отцу», – писал Кронид Гарновский.³

В 1918 году Виталий стал инициатором создания комсомольской ячейки во Владыкине. «Помнится, – вспоминает его брат Кронид, – ребята сначала орга-

низовали «кружок» с неопределённой установкой. Я присутствовал на одном из первых собраний и настаивал, чтобы кружок был «естественный» («будем собирать жуков, окаменелости и прочее»), но остальные решили, что он должен быть политическим. Вскоре он оформился как комсомольская ячейка – одна из первых в Боровичском уезде».

В апреле 1920 года Гарновский вступил в комсомол, и почти сразу, 1 июня 1920 года был направлен в ряды Красной Армии. Служил рядовым бойцом и телефонистом на Южном фронте во 2-й Донской стрелковой дивизии, сражаясь против Врангеля на Кубани, ликвидируя банды Махно. Жизнь Виталия в период гражданской войны – это одна из страниц героической биографии народа, поднявшегося на борьбу за своё освобождение, это и трудовые будни с их небольшими, но теплыми маленькими радостями. Сохранилось его письмо родителям. «Дорогие папа и мама! Наступила зима и здесь на далеком юге. Вчера выпал снег и сразу изменил цвет степи из желтого в белый. Но нет здесь знакомых и так дорогих моему глазу лесов. И хаты какие-то не наши, и народ не тот. Сегодня мы получили подарки из Москвы. Махорки по ½ восьмушки. Спичек по коробку, по сигаре, кисету, мундштуку, перочинному ножу и полотенцу. Приятно, когда думаешь, что где-то там далеко заботятся о тебе».⁴

Демобилизовался Виталий в 1921 году после тяжёлого сыпного тифа, получивший по весне вернулся домой, в дальнейшем стал работать приёмщиком на лесной бирже, позднее – десятником лесосплава на реках Увери и Мсте.

Политическая советская идеология, которая очень сильна была именно на фронте, наложила свой отпечаток на сознание молодого комсомольца. Ему хотелось приносить пользу родному краю, и он стал думать о создании первой в волости народной библиотеки. «Помещение для библиотеки волисполком нам отвёл, и даже шкафы нашлись».⁵ Но осенью 1922 года Виталия снова на службу, теперь уже на военно-морской флот. Причиной, скорее всего, послужил мятеж моряков в Кронштадте против Красной Армии и Советской власти: флот нужно было усиливать идеологически проверенными кадрами. «В Коммунистическую партию я вступил кандидатом в трудные дни по случаю смерти Владимира Ильича Ленина в январе 1924 года, – пишет он в «Автобиографии».

В семье Гарновских сохранилось предание, будто бы перед смертью дед Михаил Иоакимович сказал Виталию: «Будешь моряком!». Сбылось пророчество деда: Виталий попал на Балтийский флот рулевым старшиной на посыльное судно «Кингисепп», а затем на линейный корабль «Марат». «С первых дней службы на флоте я был активным военкомом и поэтому-то мне предложили работать в газете», – отмечает он в «Автобиографии».⁶ В свободное время занимался литературным творчеством и даже опубликовал свою первую книгу – сборник стихов «Море и корабли», вышедшую в 1926 году в Ленинграде.⁷ О море Виталий мечтал с детства, теперь был связан с ним и писал о нём. В газете «Красный

Балтийский флот» довольно часто печатались его стихи.

ВЕЧЕР

Огни мигают створные,
Осенний вечер тих,
Но волны непокорные
Поют весёлый стих.
Над гаванью туманится
Дым стройных кораблей,
Прожектор в небо тянется
Ручищею своей.
Гудки перекликаются,
И где-то травят пар,
А с неба улыбается
Луны латунный шар.

Стихи рождались несмотря ни на трудности службы, ни на постоянный интерес к чтению. Как-то Гарновский прочёл своим товарищам несколько рассказов Александра Грина. Они понравились морякам, но больше всего рассказ «Капитан Дюк». Почему? Да потому, что основан он на «подначке», вызове, очень распространенным тогда на флоте...⁸ Потом «кто-то» (кто, если не Гарновский?) предложил: «Ребята, а ведь из этого рассказа пьеска бы хорошая получилась? Из морской жизни и всё правдиво. И ни одной женской роли. Разучили бы мы такую пьеску и выступили бы перед всей командой связистов». Матросы загорелись этой идеей и поручили зачинщику написать письмо Грину с просьбой переделать рассказ в пьеску.⁹

В одном из писем Нине Николаевне Грин, вдове писателя, Константин Паустовский писал: «Я получил несколько писем от читателей, почти все они пишут о Грине, а один бывший матрос, редактор районной газеты где-то на Белом озере, пишет, что у него собрано всё без исключения, написанное Александром Степановичем. Я разыщу адрес этого человека и пришлю Вам». Написавшего Грину редактора звали Виталий Гарновский. И Грин ответил. Это письмо много лет хранилось в семье Виталия Гарновского как «дорогая реликвия».

Есть книга, изданная в Крыму, экземпляр которой хранится в архиве Феодосийского музея А.С. Грина, в ней опубликованы все известные письма Александра Степановича за период с 1906 по 1932 гг. На странице 49-й под № 82 письмо А.С. Грина – В.В. Гарновскому от 3 ноября 1926 года. Гарновский восхищался творчеством писателя, всегда с трепетом встречает все новые произведения Грина, а в письмах к брату восторгался повестями «Алые паруса», «Бегущая по волнам». Из писем также известно, что он собирал в личной библиотеке все изданные книги Грина.

Постепенно овладевая мастерством корреспондента, Виталий Гарновский до

1929 года работает внештатным корреспондентом, а потом техсекретарем в газете «Красный Балтийский флот».¹⁰ Осенью он прощается с морем и переезжает в Боровичи вместе с женой Анастасией Васильевной Балдиной и годовалой дочерью Людмилой, устраивается на работу на биржу труда, а после ликвидации этой биржи его принимают на работу заведующим учётом в Боровичский горрайком ВКП(б).

Дальнейшая его жизнь связана с редакторской деятельностью в газетах «Красный керамик» (1930-1931), «Красная искра» (1931-1934) и «Артём» (1932-1933). В 1934 году для повышения квалификации его направляют от газеты «Красная искра» на годичные курсы марксизма-ленинизма. «Возраст и семья не давали возможностей идти учиться дальше. Надо было работать».¹¹ Курсы он «закончил по редакторскому отделению».¹² В предвоенные и послевоенные годы его редакторская деятельность продолжается в районных газетах Вологодской области.

В январе 1936 года Виталия Всеволодовича обком направляет в газету «Колхозный путь». Такие командировки приносили в жизнь семей специалистов определённые трудности, связанные с переездом и обустройством на новом месте. Поселилась семья Гарновского в Липином Бору, одном из красивейших мест Вологодчины, на берегу Белого озера. Здесь он всерьёз взялся за прозу. Именно сюда в самый канун Великой Отечественной войны пришло письмо от писателя Михаила Пришвина, проявившего интерес к рассказам Виталия Всеволодовича. «Известный писатель поддержал, помог найти жанр короткого рассказа о простых людях и о природе», – так пишет о В.В. Гарновском вологодский литературовед В.К. Пудожгорский..

Здесь на Вологодчине Гарновского застали суровые времена Великой Отечественной войны. «Война гремит. Дыхание её доносится и до нас. Едут к нам эвакуированные, приходят вести о награждениях орденами. Мы, охотники, держим в запасе медвежьи пули и принимаемся к пороховому дыму. Ай, и проклятый же немец! Пушают из него кровь, как из барана, а он всё лезет. Ну, уж и будет ему нехорошо!» – пишет он своему брату Крониду в Кондо-Сосвинский заповедник 7 августа 1941 года. В эти сложные годы он занимался не только газетной работой, но и пристрастился к археологической деятельности. В письме от 4 марта 1941 года пишет Крониду: «Я добыл за осень 10 прекрасных наконечников стрел, скребки, проколки и прочее, а также до 1000 обломков орнаментированной посуды – орнамент ямочный. Это толкнуло меня на новые поиски. И я обнаружил по берегам Белого озера ещё три стоянки, подобрав на них много интересного». В период исследования окрестностей Белого озера Гарновский списывается с профессором ЛГУ А.Я. Брюсовым, получает от него методички по археологическому поиску, анализ находок.

В одном из писем военного периода Виталий сообщал брату: «Войну 1914-

1918 годов я встретил с удочкой в руках, эту войну также. Но тогда я не пил, а 22 июня 1941-го нарезался я основательно. Затем я стал ждать призыва в Армию. Но сначала моряков долго не брали, а потом меня забраковали и приказали работать в тылу, что я и выполняю, хотя с большой радостью сменил бы штатский пиджак на бушлат». А вот строки из другого письма: «Война приблизилась к нам. Мирные наши дороги завоняли бензином от сотен автомашин с синими фонарями – жутко, по-волчьи горят эти фонари на осенних дорогах. Заскрипели телеги эвакуированных, замычал скот. Пошла нашим трактом бесконечная колонна войск, пушек, фургонов. Стало по зорям доноситься пушечная пальба. Это было два года назад. Теперь мы опять глухой мирный тыл. Мы втянуты в военное существование. Побороли тревогу, растерянность. Мало того – мы живём в три раза сытнее и теплее, чем в тот страшный год. А главное – появилась твёрдая уверенность в том, что и победа и конец войны – близок».¹³

Гарновский, приученный отцом к охоте с детства, умеющий хорошо ориентироваться в лесу, обладающий такой чертой, как наблюдательность – ведь каким наблюдательным и внимательным нужно быть, чтобы писать о повадках животных в природе! – рассматривается местным райкомом партии как один из ответственных работников для организации отряда самообороны. К отрядам самообороны относились не только подпольные организации, но и партизанское движение. Ему поручают подготовку партизанских баз на местах проживания и работы. Эта деятельность требует особой секретности, поэтому в «Автобиографии» он не упоминает о ней ни слова. О его причастности к партизанскому движению на Вологодчине я узнаю из чудом сохранившейся характеристики на него, приложенной к «Автобиографии».¹⁴ Четыре года в партизанском движении, четыре года секретной деятельности! Поэтому Виталию Всеволодовичу в 1949 году вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а также почётную грамоту Вологодского Областного Совета Депутатов Трудящихся от 13.04.1945 года за «хорошую работу в дни Великой Отечественной войны в активе Череповецкого музея».

Иногда Виталий Всеволодович тосковал по боровичским местам, он переписывается с директором Боровичского краеведческого музея Сергеем Николаевичем Поршняковым. «Зовёт он меня в Боровичи, да видно не скоро удастся мне это дело. Так или иначе, а о Боровичах нет-нет, да и взгрустнётся – ведь 10 лет не пил уверской воды, не удил рыбки в Съеже, не видал дубов у Калининой канавы. Всё-таки это же Родина». Боровичский музей тесно работает с Институтом Историко-Материальной Культуры Академии Министерства наук СССР. Гарновский серьёзно задумывается о возвращении в Боровичи и занятии археологией. Характеристику-отзыв для работы в музее археологом и научным сотрудником Гарновскому даёт доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института Историко-Материальной Культуры Академии Ми-

нистерства наук СССР, профессор А.Я. Брюсов.¹⁵

И вот уже с сентября 1946 по март 1947 года Гарновский работает в Боровичском музее, где знакомится с Виталием Бианки, посетившем музей. В. Бианки высоко оценил как рассказы, так и стихи Гарновского. Писатель Бианки был одним из тех, кто писал Виталию Всеволодовичу рекомендацию для вступления в Союз писателей СССР. 18 августа 1947 года Гарновский пишет брату, что сдружился с В.В. Бианки – автором «Лесной газеты», навещал его в Ленинграде, а также был на его даче на озере Боровно. Под влиянием дружеского отношения писателя Бианки к его творчеству и положительного отзыва он написал 50 маленьких рассказов и сказок под общим заглавием «Сказки и рассказы Африкано-Паншезерского по прозвищу «Медвежьи объедки» и передал их Бианки и Г.П. Гроденскому. «Они почти все рассказы весьма одобрили, но с опубликованием их затирает – современные издательства весьма косо смотрят на сочинения о природе, об охотниках и рыбаках – подавай им голую политику с типами только положительными... Тогда Бианки предложил мне совместно с ним издать книжку под названием «В стране Див». По мысли его в этой книге будет по два десятка рассказов его и моих».¹⁶ В письме от 4 мая 1955 г. Виталий Всеволодович отправляет В. Бианки «самодельные рассказы» и пишет: «Беда с этими фактами и рассказами – всё старик Михайло Михайлович Пришвин успел заметить и записать! Как тут быть? Надо быть наблюдательней Пришвина...»,¹⁷ и наблюдательность, и любовь к природе и родным местам ярко отражаются в его поэзии. Вот, например, отрывок из стихотворения «В небе посвист стаи утиной»:

«В небе – посвист стаи утиной,

И, как небо, – озёр вода...

Над болотистой дремной равниной

Заревая горит звезда».

В 1948 году его направляют ответственным редактором в г.Чудово Новгородской области, где он работает в газете «Советское знамя». Но писателя тянет обратно в Вологодскую область. Там осталась семья, и он переезжает обратно в Вашки, а потом снова в Липин Бор. Его интерес к археологии возгораются с особой силой. «Весьма интересно было соприкоснуться с IX веком!.. Что найдено в моём раскопе? Железная стрела, три пряслица, четыре бусинки, гребень почти целый, роговой, орнаментированный и т.д.»¹⁸ Боровичи он не забывает, интересуется и радуется достижениям боровичских археологов.¹⁹

С каждой находкой рос интерес Гарновского к Древней Руси. И это не только археология, появились новые литературные произведения – ряд рассказов и историческая повесть «Данилко Белозерец». Творчество Николая Рериха, отражающее сюжеты Древней Руси, еще с начала двадцатого века захватило братьев Гарновских и служило одной из тем переписки. Некоторый период жизни Николая Рериха был связан с Боровичским краем, где он занимался архе-

ологическими раскопками, писал необычные сказки и удивительные по своей глубине и содержанию живописные картины. В своих письмах Виталий Всеволодович называет Рериха на древнерусский манер «Рёрихом», очень восхищался живописью, особенно картиной «Гонец».

Таким образом, два гения – Александр Грин и Николай Рерих постоянно присутствовали в его жизни и навсегда стали для писателя Виталия Гарновского эталонами творчества и писательского поклонения.

Но возвращусь к его биографии: в конце 1940-х гг. Гарновского назначают редактором газеты «Красная Шола». Снова переезд на новое место работы. Поселилась семья в здании редакции, расположенной в самом центре Зубова. Этот период жизни был самым плодотворным. У Гарновского выходит книга за книгой: «Полесники у костра» (1950), «В краю лесов и озёр» (1952), «Лесные рассказы» (1952), «Рябчик-рябушка» (1956). Позднее опубликованы, но, вероятно, задуманы здесь «Белозерье» (1959), «Нечаянное путешествие» (1962), «Четыре ветра» (1963).

После реорганизации территорий Вологодской области и сокращения Шольского района Гарновские перебираются на постоянное место жительства в Боровичи, где в январе 1958 года писатель уходит на пенсию.

В 1960 году происходит важное событие в литературной жизни Гарновского – Виталий Всеволодович был принят в Союз писателей СССР и начинает работать над самым важным в своей деятельности произведением – «Огненный гранит», о первых боровичских огнеупорщиках, трагической судьбе изобретателя пирогранита, необыкновенного по составу керамического изделия. Повесть написана в 1963 году, впервые увидела свет на страницах газеты «Красная искра» в 1969 г. В ней он выдвигает версию изобретения пирогранита. С 1960 года Гарновский стал активным членом Боровичского литературного объединения, находившегося при редакции газеты «Красная искра».

Другим краеведческим трудом писателя явился сборник «Боровичи» (1968), который он редактировал сам. Перед глазами читателя оживают «старые уездные Боровичи, та прошлая жизнь, которая была 100 с лишним лет назад».²⁰

В.В. Гарновский – автор 12 книг, он один из первых советских писателей, стоявших у истоков создания Новгородской писательской организации.²¹

За активную гражданскую позицию, прославление родного края в творчестве и к 60-летию Октябрьской революции Виталию Гарновскому в 1977 году было присвоено звание Почётного гражданина города Боровичи Новгородской области.

Виталий Всеволодович скончался 28 апреля 1986 года на 84-м году жизни. Похоронен писатель на городском кладбище, на аллее для почётных граждан города.

«...У губ моих легли больные складки

И я смеяться реже нынче стал...

Да, были с жизнью тягостные схватки,
Не раз я в крепкий ветер попадал.
Всё это так. Но жил ли я напрасно?»²²

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатъев А.А. «В сухой пыли архива...» Великий Новгород. 2015.
2. Игнатъев А.А.//Братья Гарновские и Александр Грин.//альманах новгородской писательской организации «Вече».Великий Новгород. 2017.
3. Гарновский К.В. Воспоминания. Личный архив Пироговой Л.В.
4. Гарновский В.В. Личные письма. Личный архив Бианки В.В.
5. Гарновский В.В. // Наши писатели и поэты (1809-1968). – Вологда, 1968.
6. Кондратьева Е.А.//»Писатели – вологжане» (1917-1957)// библиографический справочник. Вологда. 1958. (стр.25-31)
7. Подобед Л.В. Боровичи. Страницы истории. СПб. Астерион. 2013. С.315.
8. Пудожгорский В.К. //Литературное творчество земляков// <https://www.booksite.ru/fulltext/1be/loz/erye/18.htm>
9. Сайт Вологодской областной детской библиотеки: <http://www.vodb.ru/page/volchildren/granovskii.html>
10. Сайт централизованной библиотечной системы г. Вологда: <http://cbs-vologda.ru/136-kraevedcheskij-kalendar/kalendar-na-2017-god/2587-literaturnye-daty-goda.html>

Константин Иванов

(г. Боровичи)

Леди и джентельмен

Боровичи - Маленький Париж! Символ

Парижа - Эйфелева Башня, она же Железная Леди! Символ Боровичей - Мост Белелюбского, он же Железный Джентельмен! Париж стал «столицей любви». Боровичи по той же причине стали кликать Маленький Париж.

В Париже многие пары мечтают провести медовый месяц. Эйфелева башня объект для признания в любви и предложения руки и сердца. Мост Белелюбского так же облюбовали влюблённые - окольцованные, перенос невесты - жены на руках, старинная забава боровичан. Попробовал бы ктонибудь пронести свою избранницу на верх Эйфелевой башни по 1710 ступенькам, а наши мужики прут тяжёлую ношу в белом платье через весь мост Белелюбского и всю ширину реки Мсты!

1889 год, в Париже проходит всемирная выставка к 100 летию Великой Французской Революции. Ещё нет кинематографа, авиации. Только появился автомобиль. К этому событию и была построена Эйфелева Башня, которая стала парадной аркой - входом на выставку.

Мост Белелюбского на 16 лет моложе Эйфелевой башни. Когда Железная Леди достигла совершеннолетия, Железный Джентельмен только родился. Леди построили к юбилею Французской революции 1889 году, Джентельмен построен во время русской революции 1905 года. Именно в этом 1889 году Боровичи отличились на выставке с пирогранитом Матвея Веселова (Никитина). Правда ему приходилось входить на место работы с чёрного входа, а не под аркой башни Эйфеля. Там в Париже Матвей соорудил горн и изготавливал изделия из пирогранита. Были изготовлены так же плитки с барельефом президента Франции, которые гуляют по свету до сих пор. Были заключены выгодные контракты на производство пирогранита, но жадность князя Голицына (владельца завода) привела к потере секрета и его разорению. Да и французы подкузьмили, обещая легко восстановить секрет, чего не получилось. И хотя царский режим отказался участвовать в республиканской выставке, но частные компании за свой счёт представили свою продукцию. Всё только изобрели или были на подходе изобретения. В Боровичах это всё появится в 20 веке, но боровичские умельцы присутствовали. Матвей Веселов и Голицын получили диплом и серебряную медаль за пирогранит под сенью Эйфелевой башни. Башня была построена на деньги автора Эйфеля, выдающегося мостостроителя. Статуя Свободы подаренная США Францией, творение Густава Эйфеля. Элегантный инженерный

объект в Боровичах - мост Белелюбского, собирались строить ещё во времена постройки Эйфелевой башни. Но денег нема в казне города на Мсте. Так строительство перенесли на 16 лет и оплатили его, те кто отказался его финансировать: купцы и промышленники, за счёт увеличения провозной платы за товары по железной дороге. Кстати, железной дороге соединившей Боровичи и Угловку в этом году 140 лет. И мост первоначально планировался железнодорожный, а построили более красивый проездной для гужевого транспорта и людей. Оба сооружения металлические, клёпанные, ажурные. Построены мастерами мостостроителями. Оба «живые», имеют свойства расширяться. На мосту имеются термошвы, позволяющие мосту расширяться и сужаться, в зависимости от температуры. Оба сооружения с лёгкостью противостоят ветрам, нагрузкам. Боровичский мост дважды испытал на себе силу мороза свыше 50 градусов. Не зря Боровичи - полюс холода Новгородчины.

Железная Леди самый посещаемый монумент - объект в мире, его посетили свыше 300 миллионов человек, чего не скажешь про Железного Джентельмена в Боровичах. Сувениры копии башни расходятся, как пирожки. Сувениров копии моста не увидишь вовсе. Если башня раскручена успешно, то мост требует раскрутки в преддверии юбилея 250 лет присвоению статуса города Боровичам.

С Эйфелевой башни и с Белелюбского моста сигналы не раз люди и даже женщины. Так одна прыгнула с башни, упала на автомобиль и вышла за муж за владельца. Белелюбского мост использовали для лихости, на слабо, при несчастной любви, для бегства и от дурости. Не зря на мосту долго дежурил полисмен, а затем милиционер. Мост имел кличку «ДВА ЯЙЦА». Эйфелеву башню называли «неуклюжий скелет», «гигантский уличный фонарь», «смехотворная башня», «гиганская дымовая труба», «железная дама»... На башне расположены рестораны, кабинет Густава Эйфеля, смотровые площадки со стеклянными полами, лифты, лестницы, сувенирные лавки, метеостанция, радио- и телестанции... Был каток... Железный Господин - Джентельмен не раскручен и только объект съёмок, в том числе кино. Юбилей города на Мсте - Маленького Парижа не за горами. Пора обкатать и мост. Да, у нас асфальт пожиже и дома пониже, чем в Париже, но надо подтягиваться, а то вернёмся в средневековье.

Носят невест через мост. Нужны красивые, хорошие призы (не грамоты) за конкурсы на мосту. Многие захотят одеть ещё раз белое платье и чёрный костюм. В одну сторону несут её, в другую везут на тачке его. Забег с велосипедом на плечах. Пробег гусиным шагом. Гонки на рохлях. Забег на каблуках. Бег с подносами. Бег в ластах. Бег втроём со связанными ногами. Гонки на передвижных туалетах... Выпуск сувениров с мостом и вкладками. И памятник семье на аппендиксе у моста. Оба сооружения пытались продать, снести, подорвать. Каждую ночь, перед рассветом проходит световое шоу в течении 5 минут на Эйфелевой башне. На новый год башня мерцает в течении 10 минут каждый час.

А Железный Джентельмен требует восстановить подсветку моста гирляндами, а то в Боровичах нет денег на освещение улиц! Либо мы живём в 21 веке и учимся у старшего Парижа лучшему, либо туши свет - ломай дороги!

МСТА

Мста имеет славянские корни. Означает мста - месть. Это и белорусский, и украинский - помста. Чешский и словацкий - pomsta. Во всех славянских языках Мста - месть! От куда взялась ошибка и это слово притянули за уши к угро - финнам. Из - за географии и этнографии. Раз угро - финны жили до славян, значит их слово. Если Мста к бассейну Ладоги - значит их слово.

Мста - бассейн Ильмень озера! Первая ошибка. Вторая, до фино - угорских народов у нас была фатьяновская и дядьковская культуры. Про них, что - то и не вспоминают! Ошибочка вышла, которую все повторяют. МСТА - МЕСТЬ, а МЕСТЬ - МСТА! Это чисто славянское название, чётко определяющее характер красивой и своенравной (мстительной) реки!

У Даля есть пословица «Мста не мзда!». И эти два слова у нас тесно переплелись. Не зря, самая большая коррупция на Вышневолоцкой водной системе, была от Опеченской до Потерпелицкой пристани. И управление водными коммуникациями была на Пристани.

Да и в сказках Мста и Обида две дочери Кошеля! А славянское - русское только в сказках и осталось! Посмотрите, как у нас решаются те или иные вопросы? Везде так, а у нас наоборот. Мста мстит отсутствием разума на месте. Единственный человек сумевший избежать этой мстинской кары - Конарев! Сумевший улучшить жизнь в единственном городе на Мсте! У нас до сих пор стараются уничтожить наследие Михаила Устиновича, оно же Советское наследие. Благодаря этому у нас не на что стало жить. Мста лишает главного разума. Лесть да мста дружны. Имя Мстислав всё говорит - известный местью. Именно наша Мста опасна в любое время, но в нашем Боровичском крае. Зимой во многих местах не замерзает, даже в лютый мороз, не давая дорогу по льду. Именно на санях проезжала Ольга и обложила данью местное население по Мсте. Но одна из легенд гласит, что в наших местах ей оказали сопротивление и Ольга спалила жильё поставив погосты для дани. Отомстила и обложила!

Весной и осенью Мста опасна на порогах. А летом перекаты и плиты таят опасность в прохождении. Добавляются водовороты, уловки, прижимы и прочие препятствия на реке. Да и разбойнички добавляли колорит опасности, всевозможные шиши, злодеи. Где самое уязвимое место во время похода - волок и пороги. Этого хоть отбавляй в нашем Боровичском крае. Вот и прятали купцы свои монеты в горшки, случаи опасности зарывали или прятали. Товар ведь не

спрячешь. А главный товар по Мсте меха, женщины. И был захват чужой собственности с применением насилия способом существования. Даже во времена Вышневолоцкой водной системы и централизованной империи лихих людей на Мсте хватало. Либо полковник, либо покойник.

Мста за мсту, обида за обиду, зло за зло... Даже водоотливные устройства на повреждённых барках были шайка и лейка. Где шайка - деревянное ведро, лейка - черпак на судне. Да и шаек хватало. Водоотливом на повреждённых барках с шайками и лейками занимались бабы, а разбоем мужики.

Мста даёт огромное количество названий из -за мстительности. Это и знаменитая артустановка МСТА. Палатка Мста, лодка МСТА. Был минный заградитель МСТА. Сухогруз МСТА. Кобыла МСТА. Моющее средство МСТА(а). Мста - линия налогообложения. Посёлок МСТА в тверской области. Село Бронницы называлось Мста с 1931 по 1960 год. Гостиница МСТА. Главная река МСТА в Боровичском крае.

Станция Боровичи

Среди множества станций в Боровичах, главная была Железнодорожная. Это артерия питавшая город на Мсте, это привоз и вывоз, связь устойчивая, удобная и недорогая. Сейчас тяжело представить, что к приходу пассажирского поезда людей было, как на демонстрации. Это теперь, во времена фальшизма, станция и вокзал превратились в пустыню безлюдную. Это и ценник РЖД и низкие зарплаты в Боровичах, да и закрытие предприятий. Боровичам повезло! Не так давно, прямые пассажирские поезда ходили во все три столицы: Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород - все были связаны с Боровичами пассажирским сообщением. Но как-то незаметно с переименованием Новгорода и Ленинграда, прекратилось и сообщение прямое железнодорожное. С Москвой какая-то странность, её не переименовали, а поезд отменили. Не порядок, надо переименовать, раз такое дело. Надо быть последовательными! А то одна жадность руководства РЖД, уничтожает всё построенное до них! Железнодорожная станция Боровичи жила кипучей жизнью. Это касается и пассажирского и грузового сообщения. Город был маленький, а в Ленинград ходил целый состав (до войны), с вагоном рестораном. В котором и наkirялся Чкалов с Ивановым, прибывшие в Боровичи для перегонки в Ленинград летающей лодки Ш-1. Станции повезло и во время войны, крупных налётов на неё не было, зато для госпиталей она сыграла весомую роль. Не пощадила станцию эпоха фальшизма (без войны - война). Всё что было создана непосильным трудом исчезает на глазах. Нет, не только пассажирского сообщения, исчезли контейнерные перевозки, химия, уголь, комбикорма...Боровичи отправляли станки, молочные товары, мясо, кондитерские, сельхоз продукцию, алкоголь, пиломатериалы, кир-

пич, шамот, трикотаж, эмальпосуду...один комбинат отправлял в 22 страны мира свою продукцию. И это не считая союзные республики, которые стали странами, при этом их теперь только 3.В Боровичи шла, по железной дороге, глина с Любытинских шахт (было не дорого). Завозилось всё необходимое для работы предприятий и населения. Станция трудилась день и ночь. Бензин стоил дешёво, солярка 6 копеек, железнодорожные перевозки дешёвые. Теперь бензин 40 рублей и автомобилем выгоднее, чем по железной дороге. Фальшиво всё - фальшизм! Пока ходили паровозы, наши люди за колбасой не ездили (во времена Конарева). Стали ходить тепловозы в 1974 году и понеслись поездки в столицы за провиантом! Хотели снести старый вокзал и построить новый. Хорошо не снесли, можно кино хоть снимать, а то стоял бы памятник фальшистам РЖД с их золотыми парашютами. Почти каждый поезд был с багажным вагоном, а то и двумя. Было два здания для почты, люди пересылали письма и бандероли с посылками сотнями. Письмо шло быстрее в 20 веке, чем сейчас в 21.И вдруг всё стало ненужным. Предприятия и их продукция, люди и их нужды. Нужды верхушки РЖД превратили Боровичи в резервацию. Я уж молчу об обещанной электрификации ветки Угловка - Боровичи и прямой электрички до Питера. А как хорошо бы до Боровичей ходила ЛАСТОЧКА! А сколько раньше к нам приезжало командировочных, спортсменов, туристов, гостей. Всё делается от противного и в Боровичах, наверно это тренд фальшизма - всё от противного. Сносят последний стадион приличный. Пути распиливают среди белого дня, где власть? Всё подстраивалось под работу станции Боровичи. Приходит пассажирский поезд рано, а к нему уже спешат автобусы и такси. Всё работало, как часы и по часам. Работал буфет «АРИСТОКРАТ» на вокзале, у вокзала «Гайка», а на стадионе «У Дуси». Это всё пивнухи. Народ шёл с работы и мог расслабиться. Зал ожидания никогда не пустовал, мест не хватало и сидели, а то и спали на чемоданах. Дежурила линейная милиция, которая и не давала фоткать вокзал. Почему так мало фото с вокзалом и мостом. Были ещё и внештатники (стукачи), помогавшие милиции. Ведь везде где грузы, товары идут, злоупотребление (воровство). Привозили спирт для ликёрки, а как не пожить от этого. Привозили готовые ликёро-водочные изделия на отправку, есть повод пожить. Для этого и щука, чтоб карась не дремал. Мясо, творог, сметана...отправлялись железнодорожными рефрижераторами. Через станцию проходили контейнеры. В частности семечки для торговли на рынке привозили именно контейнерами. Первый урожай овощей с колхозов на север. Осенью арбузы, лук, виноград...в город на Мсте везли. ДОК отправлял пиломатериалы, на специальных машинах подвозил. Искра, Большевичка, Ладога пользовались железной дорогой. Кондитерская фабрика, лимонадный цех отправляли свою продукцию, получая тару и сырьё. Всё это работало и давало продукт, значит в Боровичи поступали деньги. А теперь одни магазины, которые вывозят деньги. Откуда в городе на Мсте

появятся деньги. Вернулись на 100 лет назад, только железная дорога захламляла. Работало 3 комбикормовых завода, куда привозили зерно, кукурузу... Комбикорм расходил по хозяйствам и на вывоз по железной дороге. Привозили химикаты, что использовала и сельхоз авиация. И тогда разговоров о клещевом энцефалите не было. Уголь для котельных и ЦЭСа, доставлялся железной дорогой. Песок, гравий, щебёнка всё привозили специальные вагоны. Специальные вагоны «столыпинские» доставляли людей по этапу. Мебель, посуда, транспорт, трубы, сваи... перевозила и переваливала станция Боровичи. Комбинат имел свой подвижной состав и поворотный круг. Даже ремонт делали в своём депо. Были свои машинисты, проводники, стрелочники, диспетчеры... Теперь одни «стрелочники»! Оздоровление пойдёт с тарифов, зарплат и предприятий. Глядишь и железная дорога заработает и возродится станция Боровичи. Пустят до Санкт-Петербурга ЛАСТОЧКУ. Рельсы перестанут тырить и ржаветь. Коты не станут занимать рельсы! Боровичи - полюс холода Новгородчины Боровичи-самое холодное место Новгородской области! Самой холодной частью Новгородской области считается Шереховичские высоты Тихвинской гряды, но Боровичи и тут всех переплюнули дважды, побив минусовой рекорд. В 1940 году мороз был 53 градуса, а в 1978 году 28 декабря официально (на метеостанции в Ланошино) зафиксировали -54 градуса, хотя у меня на градуснике (шкала совсем пропала) -58, это у летнего сада. На Гверстанке, куда мы собирались всем классом, было -52 градуса. В 1 средней школе лопнули батареи, и мы доучивались в 11 школе. Вся эта оказия произошла из-за нашей Мстинской ямы, где холод застаивается (пример Оймякон) придавленный другим потоком сверху

История боровичского вокзала

Во второй половине XIX века в России начали стремительно развиваться железнодорожные перевозки, которые стали формировать совершенно новые места притяжения капиталов. Почетный гражданин, Санкт-Петербургский 1 гильдии купец Иван Суздальцев решил, что соединение Боровичей с Николаевской железной дорогой сможет стать очень прибыльным делом. О причинах, побудивших его принять такое решение, мы можем только догадываться, но в стратегическом плане расчёт оказался верным. Но это выяснится только через двадцать лет, после того, как 15 декабря 1872 года была высочайше утверждена концессия на Боровичскую железную дорогу. Единственным учредителем был поименован Иван Суздальцев. Ему вменялось в течение трех месяцев со дня учреждения концессии составить Акционерное Общество «Общество Боровичской железной дороги», которое будет обязано построить и эксплуатировать эту дорогу на свой счёт и страх во всем, согласно Уставу. Условия постройки, как это было принято в то время, прописывались непосредственно в Уставе Общества.

Ориентировочная протяженность дороги – 28 вёрст. Срок постройки был установлен в 2 года, с даты утверждения концессии. Любопытна оговорка, относящаяся к процедуре запуска: «Не считается препятствием к открытию движения недоделки, не представляющие опасности или неудобства движения: чистовая отделка станций, покраска мостов...» Срок владения железной дорогой устанавливался в 81 год со дня открытия, когда дорога бесплатно отходила в казну. Однако правительство имело право выкупить дорогу по прошествии 20 лет со дня запуска. Основным капитал Общества принимался в размере 1 655 700 рублей, из которых 551 900 рублей – акционерный капитал, а 1 103 800 – облигации, выпускаемые обществом. В Уставе специально оговаривалось, что «Правительство не принимает на себя никакой ответственности ни по составлению капитала, ни по гарантии доходности, ни по погашению акций и облигаций». Т.е. проект сугубо частный, без гарантий со стороны правительства. В уставе предусматривались и правила ценообразования по будущим грузоперевозкам. Так, стоимость перевозки товаров 1 разряда не могла быть больше, чем 0,125 копейки с пуда и версты (что обходилось в 3,5 копейки с пуда груза за весь участок), а товары 3 разряда – 0,0625 копейки с пуда и версты (что составляло 1,75 копейки с пуда за провоз по всей дороге). В случае если доход дороги превысит 6500 рублей с версты (т.е. составит 182 000 рублей), Общество должно было снизить тарифы на 10%. Чтобы далеко не уходить от цен и развеять очередные мифы о «завышенных ценах», которые можно встретить в информационном пространстве, то, для сравнения, в 1879 году средняя цена за пудоверсту составляла 0,057 копейки, а в 1880 году - уже 0,048 копейки, что заметно ниже официально установленных тарифов. Причем основной грузопоток в первые годы приходился на привоз грузов в Боровичи, а не на вывоз. На снижение цен Общество пошло, чтобы стимулировать перевозки со стороны купечества. А желания связываться с железной дорогой у местных купцов действительно не было. И это проявилось уже с самого начала реализации проекта. Как оказалось, у Суздальцева не было собственного серьёзного капитала для строительства дороги. Он надеялся продавать акции и облигации, чтобы на вырученные деньги начать строить дорогу, но этого у него не получилось. За первые два года никто не хотел покупать акции и облигации, чтобы участвовать в строительстве железной дороги. Время шло – денег не было, даже для необходимой оплаты 50% акционерного капитала. Суздальцев писал прошение за прошением, о предоставлении отсрочки в части сроков регистрации акционерного капитала. Только 14 декабря 1874 года, перед самым окончанием последнего срока по обязательной оплате акционерного капитала Суздальцев нашёл партнера по реализации проекта. Этим партнером стал член Правления Кронштадтского коммерческого банка В.К. Шеньян. Получилась любопытная ситуация: есть проект, есть юридические лица, но нет денег. Банкир нашел изящное решение и необходимые для реги-

страции 50% акций на сумму 321 тысячу рублей были оплачены банком не деньгами, а банковскими вкладными билетами. Небольшое пояснение: вкладной билет - это банковский документ, который подтверждает, что в банк были вложены денежные средства или иные обязательства на определённую сумму на определённый срок и под определённый процент и такие вкладные билеты могли приниматься к оплате с определённым дисконтом. Так вот, вкладные билеты выдавались под вексель, обеспечением которого служили ещё неотпечатанные акции той самой Боровичской дороги. В состав Правления Общества Боровичской железной дороги вошли члены правления Кронштадтского банка В.К. Шеньян и М.Н. Синебрюхов. Зарегистрировав таким образом Общество, Суздальцев приступил к постройке дороги и к поиску недостающих денег. Первоначальная сметная стоимость дороги по проекту была определена в 866 443 металлических рубля. В эту цену входила поставка подвижного состава на сумму в 180 795 рублей, устройство верхнего строения пути в 244 937 рублей, устройство самого полотна дороги в 162 656 рублей, станционные постройки – 77 267 рублей и прочие необходимые расходы. Кредитные деньги были дешевле, их курс в конце XIX века по отношению к металлическим (золотым и серебряным) колебался от 1,15 до 1,4. Итак, первым делом, в Государственном Банке Суздальцев смог получить ссуду в размере 1 060 415 кредитных рублей, заложив под эту ссуду все облигации Общества, 1560 акций и векселя Правления. Дорога стала строиться, а оборудование закупаться. Строительство дороги вел полковник Ю.И. Духновский. 20 октября 1876 года инспектор Грачев отмечал, что инженерные сооружения окончены, рельсовый путь уложен на протяжении 6 верст, станционные сооружения на станциях Угловка-товарная и Боровичи окончены вчерне, а станционные здания Угловка-пассажирская и Травково ещё рубятся. Однако денег, полученных от Государственного банка, на стройку не хватало - ведь за ссуду надо было платить, платить надо было и банку, и по другим выданным ранее векселям. Поэтому Суздальцев продолжал занимать деньги у различных людей, выдавая векселя Общества. Но не все хотели брать эти необеспеченные векселя и тогда снова на выручку приходил Кронштадтский банк. Тем, кого не устраивали расписки Суздальцева, он предлагал вкладные билеты Кронштадтского коммерческого банка. Для многих это было совсем иное дело - ведь вкладной билет гарантировал наличие вклада в коммерческом банке. Но когда впоследствии стали по этим билетам требовать оплаты, выяснилось, что никаких вкладов не было и сумма таких необеспеченных вкладных билетов по делу Боровичской железной дороги составила 424 731 рубль. Этот механизм прояснился в процессе банкротства банка и в рамках соответствующего уголовного дела, когда проведённая экспертиза выяснила, что для Кронштадтского банка такая выдача была обычной практикой - за 4 года (1875 - 79) фиктивных вкладных билетов, как срочных, так и бессрочных банк выдал на сумму более семи миллионов,

из которых было возвращено билетов только на четыре миллиона рублей. Уголовное дело и банкротство начали, когда в ходе проверки выяснилось, что в кассе банка обнаружили наличных денег 502 рубля 50 копеек и на 145 рублей принадлежащих банку процентных бумаг, а из вкладов на хранение не оказалось процентных бумаг на сумму 193 тысячи 600 рублей. Тем временем дорога была построена. Вопреки расхожим История железнодорожного вокзала утверждениям о медленном строительстве, работы шли вполне удовлетворительными темпами и движение по дороге было открыто уже 1 апреля 1877 года. Таким образом, стройка была завершена за 2 года и 3 месяца, т.е. с задержкой в 3,5 месяца, от официально установленного срока. В ходе проектирования и строительства пришлось отказаться от настойчивой просьбы городских властей перенести товарную станцию на берег реки Мсты. Проект пассажирского здания на станции Боровичи, которое мы по устоявшейся традиции называем вокзалом, утверждённый 15 июня 1876 года, был разработан архитектором Ф.Зигербергом. На первом этаже был зал ожидания для пассажиров 1 и 2 классов, комната телеграфиста, дежурного по станции. А второй этаж занимали две квартиры – квартира начальника станции Боровичи (3 комнаты и кухня), а также помощника начальника станции (две комнаты и кухня). Итак, в апреле 1877 года прошло 19 поездов, затем они стали приходить по 30-31 в месяц. Ещё около полугода шли всесторонние доделки и официальное окончание строительства Боровичской железной дороги состоялось 20 октября 1877 года. Дорога начала работать, но прибыли она не приносила и первый устойчивый доход стала давать только с 1891 года. А до того времени это предприятие оказалось весьма убыточным: в 1877 году убыток от операционной деятельности составил 23400 рублей, (в 1879 году - 14473 рубля, в 1880 году - 12646, в 1881 году - 17264, в 1882 году - 17635 рублей и т.д.). Структура перевозок в первые годы больше была ориентирована на привоз грузов в Боровичи, а не на вывоз. Так, в 1879 году в Боровичи привезли 800 244 пудов грузов при вывозе 433 144 пудов. В 1880 году в Боровичи привезли уже 648 755, а вывезли 767 693 пудов груза. Интересна и структура грузопотока. В 1880 году в Боровичи ввозили хлебные грузы - 335 021 пуд, соль – 51 372 пудов, различных круп – 35669 пудов, спирта, водки и пива – 28 822 пуда, и т.д. Вывозили из Боровичей: дрова - 265 200 пудов, глину – 217 343 пуда, хлебных грузов – 90 529 пудов, а кирпичей всего 27 497 пудов, квасцы – 27 159 пудов, тряпья 26 532 пуда, извести 19 342 и т.п. В начале 1879 года, после того, как вскрылись махинации с вкладными билетами Кронштадтского банка, и железная дорога продолжала приносить одни убытки, возникла серьёзная проблема - как погашать взятые ссуды и проценты по ним. Тогда Иван Суздальцев обратился в министерство финансов с просьбой о помощи в решении возникших проблем. На самом деле Боровичская железная дорога не одна находилась в таком бедственном положении: в Минфине уже были обращения еще

четырёх дорог – Муромской, Новгородской и пр. И вот все эти обращения правительством были направлены в Российское общество железных дорог, которое управляло несколькими дорогами, включая самую рентабельную - Николаевскую. В июле 1879 года в Боровичи приехала специальная комиссия для осмотра дороги на предмет её покупки. По результатам инспекции руководство Общества Российских железных дорог направило в Минфин письмо, в котором содержалось согласие купить Боровичскую железную дорогу за 1 080 000 рублей, при условии предоставления кредита в размере 370 000 рублей, сверх указанной суммы, для постройки железнодорожного моста через реку Мсту и переноса станции в центр города на правый берег реки. Минфин — это предложение устроило, а вот Правление Боровичской железной дороги - нет. Они заявили, что в тяжелых условиях падения кредитного рубля строительная стоимость дороги составила 1739 925 рублей, а с учетом выплаты процентом и расходов по обслуживанию долга сумма затрат составляет 2 065 575 кредитных рублей. В ответ на это предложение Главной Общества Российских железных дорог ухмыльнулось и отказалось обсуждать такую необоснованную, по их мнению, цену. А долги продолжали расти как снежный ком и, как результат, 30 апреля 1882 году решением Санкт-Петербургского Окружного Суда Боровичская дорога официально признаётся банкротом. Общая сумма предъявленных Обществу претензий составила 3 930 184,09 рублей, из которых 2 568 016,57 рублей претензий частных кредиторов и 1 362 167, 52 казенных учреждений. Управление дорогой перешло к Конкурсному Управлению. После длительной переписки между МПС, Минфином и Конкурсным Управлением было заключено соглашение, по которому Боровичская железная дорога выкупается казной за 993 375 рублей, из них на удовлетворение казенных долгов приходится 498 005 рублей, на удовлетворения частных долгов – 470 536 и еще 24 834 рубля уходят на оплату присяжных поверенных (адвокатов) и попечителей. Можно понять чувства частных кредиторов, для которых сумма ожидаемого возврата сократилась до 18% от учтенного долга. Но, как оказалось, кредиторы не получили и этих денег. В том же 1885 году, Правительствующий Сенат объявил, что долги Общества Боровичской железной дороги перед Государственным Банком должны быть удовлетворены в первую очередь, т.к. они были обеспечены облигациями Общества. В результате вся выкупная сумма за железную дорогу, которую было готово оплатить МПС, оказалась меньше суммы долга перед Государственным Банком (1 101 376 рублей). Кредиторы с таким решением не согласились и пытались ещё несколько лет найти иной способ продать дорогу. Но все их попытки оказались тщетными – закон был суров. Единственное, на что могли рассчитывать кредиторы – это на милость императора. В результате, в ноябре 1894 года на имя императора было подано ходатайство с просьбой принять Боровичскую железную дорогу в казну, а частным кредиторам уплатить сумму, «которую Его Им-

ператорскому Величеству благоугодно будет повелеть назначить и выдать». Монаршее милосердие в данном случае оказалось равно 117 409 рублям. Причем сумма эта обосновывалась следующим образом. В первую очередь погашались долги 1 рода 1-й очереди в размере 6 741,16 рублей. Это были долги перед владельцами отчуждённых под строительство железной дороги земель. Затем частично удовлетворялись долги 1 рода 2-й очереди – из расчета 10 копеек на один рубль долга. Другим кредиторам 3-й и 4-й очереди денег вообще не досталось. Зато оплата трудов адвокатов (присяжных поверенных) и попечителей была оплачена в полном объеме. 5 июля 1895 года было Высочайше утверждено Положение Кабинета Министров, в котором было дано указание Министерству Путей Сообщения принять Боровичскую железную дорогу в казну со всем её имуществом. Передача дороги в казенное управление состоялось 15 августа 1895 года. Грузооборот стал неуклонно возрастать, ни о каких убытках уже не было и речи. После постройки моста через Мсту объём перевозимых грузов увеличился в разы, поскольку упростилась доставка грузов с фабрик и заводов, расположенных на правом берегу реки. В 1908 году по Боровичской линии было перевезено около 8,5 миллионов пудов груза, в 1910 году - уже более 10 миллионов пудов. Основным грузом становится огнеупорный кирпич – 3,5 миллионов пудов и 4 миллиона пудов соответственно в 1908 и 1910 годах, огнеупорная глина - 1 и 1,07 миллиона пудов, бумага и картон, производимые на близлежащих фабриках, – 0,46 и 0,58 миллиона пудов, также из Боровичей стали вывозить водку в размере 111- 123 тысяч пудов (с казенного водочного и частного спиртоочистительного заводов). А вот больше всего ввозили в Боровичи по-прежнему хлебных грузов и зерна – 1-1,4 миллиона пудов ежегодно. После присоединения Боровичской к Николаевской железной дороге на станции Боровичи произошли небольшие архитектурно-строительные изменения. В частности, немного было изменено пассажирское здание за счёт пристройки каменного флигеля, сокращена крытая платформа, убран балкон со второго этажа, смещен вход на вокзал. В торце железнодорожных путей появилось ещё одно здание. Но в целом, комплекс построек на Боровичской станции сохранился таким, каким он был запроектирован в 1876 году

Человек №1 для Боровичей

Конарев Михаил Устинович - Директор (с большой буквы!) завода «Красный Керамик» с 1947-1957 год, переименованного в «Комбинат Огнеупоров» с 1957-1974 год, не забывал и про город Боровичи, в котором проживал! Являясь не только директором, но и депутатом, умудрялся превращать Боровичи из «большой деревни» в город, используя свой напор, авторитет и должность! Всех мыслимых и немыслимых достижения комбинат и город добились в Эпоху КОНАРЕ-

ВА! Михаил Устинович приехал в Боровичи с Урала в 1947 году, при Сталине, возглавил «Красный Керамик». Время было послевоенное, народа не хватало, и всё было вручную, средств не хватало, но новый директор стал бороться с тачками, телегами заменяя ручной труд на машинный, не забыл и про город! Был брошен клич: «Сделать Боровичи самым красивым и культурным городом!» Конарев дал добро на производство керамической плитки для тротуаров, Боровичский бренд. Люди в свободное от работы время (женщины) укладывали или производили сверх плана плитку. В городе стало заметно чище, плитка была сухой и не скользкой (современная плитка заметно уступает в этом компоненте), выполнялся качественный дренаж. В механических мастерских начали отливать столбы освещения, ещё один бренд от Конарева, заметно уничтоженный в последнее время Электросетью. Раньше столбы были по обе стороны улиц, а сейчас остались с одной, в лучшем случае, или просто уничтожены. Люди жили по талонам, бедно, но стремились к красоте и уюту, не ожидая денег или помощи из Москвы! Начали разбивать парки, скверы, строить фонтаны, сажать деревья, возводить жилые дома и, самое главное, в Боровичи пришёл природный газ в 1962 году, улучшив экологию города и района. Всё это, в большей части, за последние годы уничтожено. В районе Ленинградской не осталось не одного сквера; я молчу про фонтаны! Жители города не знают, что в 1967 году был заложен парк 50 лет Октября, комсомольцы высадили благородные деревья на берегу Мсты: от Пятака до Водоканала. Раньше этот берег был пустой, но комсомольцы посадили деревья, прикрыв новый микрорайон Парковая с реки деревьями. А сколько построено домов, детских садов, засыпан Голодаевский овраг, закуплены асфальтные заводы... Спорт был на самом высоком уровне, команда по русскому хоккею была сильнейшей в области. В ДК Керамиков работали кружки, которые возглавляли люди, сосланные в Боровичи, преподававшие в царской семье, Мариинском театре... Культура, спорт, туризм были массовым, за комбинатом тянулись и другие предприятия! Особо хотелось развеять сказки про колбасу! Пока Конарев Михаил Устинович был директором и депутатом в городе колбаса была всегда, все излишки (сверхплановые) колбасы оставались в Боровичах, но вот последующие директора и депутаты не сумели отстоять интересы города и горожан! Тенденция продолжается! При Михаиле Устиновиче открыты мед. сан. часть, профилакторий, пионерский лагерь, база отдыха. Оказывалась помощь селу, не только людьми, но и строились фермы. Построены новые микрорайоны, летние эстрады, где играли духовые оркестры! Была конкуренция среди домов культуры, спортобществ, в торговле. Все тянулись и ровнялись на комбинат. Работать на комбинате было престижно: работали целые династии. Несмотря на то, что на комбинате зарплата была не самая высокая в городе, но он имел свои детсады, жилой фонд, стадион, ДК, ОРС, подсобное хозяйство, пионерский лагерь, базу отдыха, цеха, шахты, карьеры, автобазу, железно-дорож-

ный цех с паровозами, электростанцию (всеядную), пожарное депо, горноспасателей... Всё это содержалось и работало, а в последнее время профукано! Конарев Михаил Устинович работал при Сталине, Хрущёве, Брежнев, и город рос и развивался! Приходится констатировать: перевелись хорошие и грамотные руководители, что опять нужен человек со стороны, чтоб любил Боровичи! Память о Конареве М.У. никак не отмечена в нашем городе, где он столько сделал! P.S. Да, забыл! Горно-Керамический техникум готовил специалистов для комбината (БИТ). Конаревым были выбиты Икарусы, по статусу нам не положенные! И проведено празднование 100 лет комбината и 200 лет города, настолько грандиозное и запоминающееся, что теперешние праздники кажутся чем-то не внятным и бестолковым!

тема Алкогольная.

Алкоголь и Боровичи неразделима. Приезжали гости обязательно, как сувенир увозили «Рябину на коньяке» производства Боровичского ликёро-водочного завода. Бутылка была неофициальной валютой, как в городе, а тем более в деревне. Встреча или проводы госте на сухую не проходят. Рыбалка - наливай да пей. Свадьба-надо пропить жениха с невестой. Идешь на танцы-прими для храбрости. Идешь с работы денег мало, сообразим на троих, пол литра водки и сырок дружба. Или на одного Бомбочка, можно Фугас. Пошёл в гости захвати выпивку, а закуска всегда найдётся. С удовольствием ходили на демонстрации. Наливали с закуской до шествия и после. Не зря на старых фото все улыбаются на демонстрациях. Можно покричать в ответ УРА! Едешь в поезде, если хорошая компания, для общения лёгкого чуть-чуть по «букашечке». А! Теперь поезд не ходит! Три Топора, Зося, Плодово-Выгодное, Неформал, Чернильница, Пал Палыч, Раком, До Цели, Славик, Ленка, Солнечный удар, Нищий В Горах... Это всё народные названия фугасов и бомбочек-бормотухи.

В Боровичах, как я помню в каждом большом магазине, были отделы вино водочные. Позднее их сделали отдельными магазинами. Например, № 19 на весёлом переделали в универсам с корзинками с выходом на Весёлый угол, а алкогольный выделили с выходом к мебельному магазину.

Что интересно, водку распивали в подворотнях докучая соседним квартирам «дайте стаканчик». Бормотуху пили в низинке за «Большевичкой». А политуру, одеколон, лосьон, денатурат и прочую химию пили в Лучках. Потом мы эти бутылки использовали для взрыва карбида. А всё почему, на прилегающем рынке был магазин «У Кости» торговавший хозтоварами, в том числе химией. 19 магазин на весёлом, в основном брали бомбочки и фугасы. 20 магазин с отделом и подвал торговал в основном водкой.

Поход на любимую игру Боровичан - «Русский Хоккей» сопровождался почти обязательным выпиванием за каждый гол. На морозе постой почти 2 часа, с поддержкой команды, надо настроение, подъём голосовых связок... При стадионе работала пивнушка «У Дуси», позднее «Уют» (УТЮГ), а потом вообще снесли, но это надо было выходить за территорию стадиона. В 90-х стали приезжать лавки прямо на стадион, выручка за 2 часа составляла, как в магазине за день. Возлияние делали и хоккеисты. Раз Metallurg играл с Криогенмашем, в первой игре разгромили их с двухзначным числом, но на следующий день после Старого Нового Года проиграли с разницей в один мяч. Уступили команде, которой никогда не проигрывали. Вот такая не опохмелившаяся хоккейная дружина из Боровичей была 14 января.

О чём люди обычно вспоминают (не женщины) о возлиянии и что мог вспомнить или напомнили. Обычно бурно, весело или с последствиями грустно, показывая последствия.

Свадьба, если не подрались, то не удалась. Самое прикольное «безалкогольные свадьбы» горбачёвские. Первая проходила в ДК Огнеупоров. Свадьба двух комсомольцев, в период борьбы за трезвость, могла быть только образцово показательная. Все коллективы развлекали, как могли гостей, но бутерброды с яблочным соком не котировались, лица были кислыми как сок. Народ стал уединяться в фойе за колонны и приходил уже навеселе. После ухода проверяющих стали носить чайники, и свадьба стала нормальной весёлой.

Вся сложность в отношении к алкоголю-норма. В вытрезвители четыре степени опьянения определяли: трезвый, лёгкая, средняя и тяжёлая. Как и первая стопка-утоляет жажду(лев), вторая -веселье(обезьяна), третья-похмелье(-баран), четвёртая-безумие(свинья). К сожалению, с нормой, особенно если подсаганиваю, у нас проблема. А и с культурой возлияния или воспитания, так же возникают проблемы. Как и всему надо учиться делать всё правильно, в том числе выпивать. Это хоть пиво, хоть вино или что покрепче.

Молодёжь подсадили на так называемые «джин тоники», теперь она предпочитает ВИСКИ. С другой стороны это лучше наркотиков или токсикомании. Теперь главное направить в правильное культурное русло.

В молодости приезжая в Новгород удивлялся, какие классные бары, всё мечтал, что в Боровичах появятся такие же, но прошло почти 40 лет и ничего не появилось. В Валдае в конце 60-х был построен комплекс Ресторан-Столовая-Бар в одном здании. Думали в городе на Мсте появится нечто подобное, но построили Радугу, а там ресторан и кулинария. Бара до сих пор пивного хорошего не появилось! Разве что по цене завышенной! Про коктейли, которые так и не появились.

БЛВЗ-Боровичский Ликёро-Водочный Завод сколько выпускал. Ликёры (которых сейчас нет), наливки, настойки, водку, вино, бормотуху... В своё время были выпущены водка «Боровичская», «Мстинская» - хороший сувенир из Боровичей.

А теперь нет местных сувениров. А сколько люди зарабатывали, сдавая клюкву, бруснику, рябину... Всё было натуральное.

Даже лекарство и то настаивается на спирту. В сельской местности пенсии у бабушек низкие, а вспахать огород, привезти дрова-нужна валюта бутылка, можно и самогонки.

Отдельный разговор о штурме водочных магазинов во времена горбачизации в Боровичах. Талоны на водку, цыгане и таксисты - всё вокруг алкоголя. Сколько продают левака в домах и квартирах, денег на хорошую, как всегда, не хватает, вот и травятся. Об отвлечении от пьянки речь не идёт. Праздники города скатились к банальной пьянке, а что бизнес превыше всего, развлечений нет, пусть напьются!

Всё вернулось, как и было до революции, из развлечений церковь и алкоголь. Хорошо интернет появился. Стали закрывать библиотеки, дома культуры, секции, кружки и прочие увлечения, и развлечения. Остаётся только пить!

А ведь можно было организовать свой бренд с русской кухней, медовухой, сбитнем, водкой, как был «Детинец» в Новгороде! Необходимо возрождение Ликёрки! Тем более скоро юбилей Боровичей. Вот был бы подарок и рабочие места. Алкоголь — это целая наука и его употреблению надо обучать! К празднику нужны мероприятия, отвлекающие от алкоголя, которыми можно утереть нос Новгороду.

Алкогольная тема необъятная! Были бы такими смешными «Ирония судьбы...» или «Иван Васильевич...» не будь там алкоголя. После выхода Рязановской новогодней комедии многие стали ходить в баню перед новым годом, даже пришлось изменять расписание бани. А сколько обозначений степени опьянения, но это общее для страны. Собирать Хлам — это делал луноход -спецмедслужба. Нажраться легко, тяжелее вовремя остановиться, к этому и надо стремиться. Вреден не алкоголь, а его неумеренное количество. В разумных пределах просто полезен!

Дискотека в Боровичах

Дискотеки зародились в СССР в прибалтийских республиках в середине 70-х 20-го века. Как всегда, это было подражание западу. В то время Боровичане очень часто путешествовали и это чудо заинтересовало-дискотеки! Не надо целого ансамбля, можно крутить качественную музыку(новую), не нужна громоздкая аппаратура, но проблемы были с оборудованием, прибалтийские республики и тут были впереди, налаживали выпуск оборудования.

Прошло уже года два, я вступил в комсомол, принимали Крупкин и Фабричный (первый и второй секретарь ВЛКСМ), и написал письмо в «КРАСНУЮ ИСКРУ» по поводу дискотек, которые надо выдать на-гора! Меня пригласили в редакцию. В редакции присутствовали все методисты домов культуры, редактор га-

зеты, журналист, заинтересованные люди, в том числе и я. Признали, что тема интересная, но методисты за директоров побоялись высказаться. Только Нина Павловна методист ГДК высказалась твёрдо, что будет делать дискотеку, к ней примкнул и Коровин имевший на то время коллекцию дисков в городе, и я.

Переговорив с директором ГДК, начали искать место под дискотеку. В Прибалтике для лучшего звука использовали старые арочные помещения, для лучшей акустики. Решено было использовать подвалы ГДК, но они были захлаплены, одно кафе, а другое было с красками (где позже появилась Сказка). Начали с очистки подвала, мы 8-классники выгребли весь хлам кафе, убрали временные перегородки (деревянные сараи), но выяснилось, что надо подвал углублять. В Новгороде был заказан проект, но в это время господа-демократы-единороги, в то время секретари ВЛКСМ, с формулировкой «...западное влияние...» зарубили это новое (как бы чего не вышло) дело и всё повисло в воздухе! В последствии расчистили и второй подвал, в котором потом комфортно разместилась СКАЗКА, но дискотека так и не появилась.

В 1979 году весной (35 лет назад) поступило предложение делать дискотеку в ДК Огнеупоров. Отдано было помещение изостудии на 3 этаже, когда была сделана стойка и умельцы делали аппаратуру, цветомузыку, заказывали вертушки, магнитофоны разрабатывали программы, билеты, репертуар...»Двигателем» всего этого движения стали Владимир Товпинец, Евгений Бородин, Сергей Константинов! Большая часть оборудования была сделана руками этих людей и то что она появилась -это энергия, энтузиазм и желание позволили родиться первой дискотеке в городе Боровичи (вопреки мнению Крупкина и Фабричного), при поддержке главного комсомольца комбината Евгения Ильина и парткома с профкомом! Но были присланы пожарники, которые запретили проводить дискотеку на 3 этаже с одним выходом, и директор ДК отдал буфет для проведения дискотеки, там в буфете осенью 1979 года, 35 лет назад, появилась первая дискотека в Боровичах, после чего они стали появляться повсеместно, вытесняя местные ВИА на танцах.

В это время на волне популярности было ДИСКО, с зажигательной, ритмичной и весёлой музыкой. К появлению первой дискотеки в Боровичах, повсеместно уже перешли к более компактным диско клубам. И это происходило на кануне Олимпиады-80, в СССР приехал самый популярный коллектив БОНИ-М, некоторые боровичане строившие олимпийские объекты попали на этот концерт. А что Боровичи? Как всегда, продолжали чинить препятствия в виде ограничений на зарубежную музыку, репертуар(цензура). Тяжело, но находились возможности обхода этих ограничений, в Новгороде на семинаре ведущих дискотек побывали на основных площадках и ограничений не было. Благодаря дискотеке появилось много из того, что и сейчас востребовано, но отсутствует в Боровичах: Дискотеки, Бары, слайды, клубы по интересам, тур секции...

Не смотря на наличие большого количества дискотек в некоторые особо популярные было сложно попасть. Ретро, Контакт-12, Обоз...Контакт-12 по итогам аттестации была второй в области проиграв дискотеке Азота (там не сопоставимый ресурс). Не хватает в Боровичах личностей способных, грамотных, энергичных...Диско уже стала классикой, а что дискотеки, диско клубы? Боровичи собираются вымирать или появятся места общения и тогда мы прорвёмся!!!

Легенды.

В Боровичах много легендарного. Это люди, сооружения, места, дома, объекты... Человек из заболоченного места сделал Дендропарк в Опеченском посаде - Ушанов Семён Андреевич! И теперь это туристическая достопримечательность наша включена во все справочники о Боровичах и Новгородской области!

Легендарный Пятак. Который вспоминают с теплотой и ностальгией! Удобная, открытая, летняя танцплощадка под крышей. Форма и место великолепное. Играл инструментальный ансамбль, в отличии от Летнего сада, где играл духовой оркестр и ценник был заоблачный. Прямо, как в ледовом дворце сейчас!

Легендарным - любимым был парк 30-летия Октября с каруселями и детской площадкой. А какой вид на город открывался с колеса Обозрения. Но нашлись люди...обобрали, ободрали, обчистили! А теперь пытаются возродить. Посмотрим, кто круче коммунисты прошлого или бело - фальшисты современности. В коммунистический парк стремились попасть, будет ли предполагаемая реконструкция фальшистов востребована и легендарна.

Легендарный Маленький Париж - секс столица Новгородчины. Где было много любви и разврата! Это и наличие большого числа госпиталей во время ВОВ, давнее первоначальное название. Позднее огромное количество студентов, учебных заведений, общежитий... И это несмотря на тестостерон, который выливался на улицы и в стычки молодёжных группировок разных районов Боровичей. Пятак так же был таким плавильным котлом!

Легендарный Боровичский уезд был и по количеству лошадей на душу населения, практически 1 к 1. 5 из 10 лучших рысаков России были у нас для воспроизводства. А такие конефермы, как Заключье и Деревково были уникальны по составу и качеству рысаков. Главное развлечение до войны были бега лошадей на ипподроме.

А легендарный директор комбината Конарев Михаил Устинович!!! Возглавлял производство огнеупоров в Боровичах при Сталине, Хрущёве и Брежнев__а!!! При нем всё работало. Отгружали продукцию в 22 страны мира и не бывшие союзные республики! работали шахты, карьеры, ОРС, подсобное хозяйство, пионерский лагерь, стадион, клуб керамиков, профилакторий, дома отдыха, свой

жилой фонд. Были свои паровозы, детские сады, бесплатные кружки и секции, база отдыха, автобаза, столовые... В том числе и легендарная КРЕМЛЁВКА у старой конторы, где и умещалось всё управление комбината. Содержалась спортивная команда - непобедимый в области легендарный Металлург по хоккею с мячом! И этому скромному и выдающемуся человеку не могут увековечить память! На старой конторе висела табличка, но контора уничтожена, а табличка где-то болтается! Нет улицы с именем этого легендарного человека, при котором в городе появилось 28 фонтанов, в том числе в детских садах комбината.

Легендарный Весёлый угол. Где телефонные автоматы располагались конюшни, где проживал БОРОВИЧСКИЙ КОЗЁЛ (пожарный). На этом перекрёстке он и гонялся за девками лёгкого поведения. Легендарный козёл мог стать в виде скульптуры брендом города на Мсте! И реконструкция улицы Коммунарной с козлом на Весёлом, смотрелась бы лучше, чем без него!

Лестницы

Боровичский край - Лестничный край. Лестницы есть деревянные, бетонные, гранитные, земляные, водные, чугунные, верёвочные, пластиковые... В силу своего оригинального рельефа, Боровичский край тесно повязан с лестницами. Есть порог Лестница и многие водопады имеют вид лесенки. Любой город начинается с вокзала. Боровичи встречали раньше приезжих на вокзале. Разнообразие лестниц множественное. Есть поворотная лестница ведущая в комнаты начальника станции. Множество деревянных лестниц, ведущих на платформу и вокзал. На станции есть каменные и бетонные лестницы. У водокачки была наружная лестница, которую убрали, как и водоналивную трубу для заправки паровозов водой. В депо внутренняя лестница деревянная ведущая в подсобки и кабинеты. Есть приставные лестницы. На краны козловые и осветительные вышки свои лестницы. Старейшие лестницы земляные с использованием корней деревьев. Дёшево и сердито. Для топографических вышек были свои лестницы, прикреплённые к стойкам. Почти все мосты имеют лестницы. Это бетонные и деревянные, а то и земляные с подпорными досками. На всех реках Мсте, Круппе, Вельгии в Боровичах имеются спуски лестничные к воде. Правда за последние 25 лет их потери огромные, и никто не собирается их поддерживать в должном состоянии из тех, что остались. Ещё у Крупкина-моста лестницы в приличном состоянии. У профилактория бетонная лестница просела и превратилась в свалку мусора и это центр города. 12 деревянных лестниц на Мсте, от монастыря до Новоселицкой исчезли полностью вместе с плотами для полоскания белья. И набережная Октябрьской Революции превратилась из гульбища для прогулок в забытый, разрушающийся, поросший кустами срамоту

городскую. Правда появилась лестница к водоканалу металлическая. Большинство лестниц уличных в плачевном состоянии. Даже знаменитая лестница ГДК, после засыпки пожарного колодца начала проседать. А её 30 ступеней повело довольно существенно. Что с ней станет после передачи ГДК в ведение РПЦ, большой вопрос? Сохранится ли лестница и в каком виде. В каждом доме имеются лестницы. Это ведущие на верх, вниз, приставные, пожарные, винтовые, поворотные, маршевые, стремянки, пандусы, трапы... Самая высокая лестница в бывшем комбикормовом аж в 14 этажей. Ненамного меньше в 9-этажках и ЦСП. Появились эскалаторы в ТК Пирос. Множество лестниц на улицах, для удобства взбирания на наши горы, холмы, ямы, долины, бугры... Внешние лестницы ведущие ко входу, есть у всех административных зданиях. Внутренние лестницы в новых зданиях имеют разные виды. А ещё были красивые чугунные лестницы в старой почте, доме пионеров, в Данилоцентре. Красивые винтовые лестницы в 1 школе, Заключье. Боровичский край богат пока ещё разнообразными лестницами! Не плохо создать музей лестниц, чтоб сохранить частичку лестничного изобилия. Это касается, водных объектов - водопадов сохранения. Верёвочные лестницы на спортивных площадках исчезнувшие, вместе с площадками. Была парашютная вышка с лестницами. Множественные водонапорные башни с порезанными на металл лестницами. Усадьбы с их лестничным хозяйством. Боровичский край был самый населённый. Больше всего квартир на душу населения. Больше всего водопадов. А количество лестниц просто невероятное. Как в своё время количество лошадей в отношении к количеству людей в крае. Всё это быстро уходит и требует сохранения, возможно музея!

Суолахти

Боровичи побратимы с финским Суолахти! Что мы знаем о брате? И что надо знать! Впервые я познакомился с финнами в 1970 году. Они к нам приехали на празднование 200 лет Боровичей. Меня угораздило появиться у стадиона Металлург, когда садились в открытые машины для торжественного проезда. Я по приглашению, залез в кузов одной из машин, где оказались гости из капиталистической страны - Финляндии. Мало того, что они подарили мне великолепную открытку с видом городка, так ещё и прокатился с ними на открытой машине по всему городу! Был на седьмом небе от счастья! Жаль эту открытку у меня позже спёрли. Как выясняется с этого 1970 года у Боровичей появился город побратим. Правда городом он стал в 1977 году, а потерял статус в 2006 году. Его поглотил Энекоски. Суолахти переводится, как «Болотный залив». Ещё из финских слов вспоминается Реппо - Боровичский революционер, в переводе «Лиса». Как и в Боровичах в Суолахти есть железнодорожный вокзал. Железная дорога открыта

в 1898 году. Это была часть Российской империи. Название Суолахти получили в 1932 году. Располагался в центральной части Финляндии. Был когда-то городом и муниципалитетом, с населением в 5 тысяч финнов и финок. Имеется 2 железнодорожные станции. Сохранилось старое депо с поворотным кругом. На поезде катают туристов до сих пор. У нас всё считают. Нет поворотных кругов, паровозов. Да и людей в нашей резервации давно не выпускают по железной дороге. Сохранились старинные семафоры и их управление. Вдоль железной дороги складывают лес из России. Раньше его перегружали на паромы. К Суолахти подходит 9 по размерам озеро страны Суоми - Кейтеле. Работает завод по производству тракторов. Есть бассейн. Изумительные велодорожки по окрестностям. Ходит круизный корабль по озёрам соединёнными каналами. Недалеко расположился городок Липери, который прославил Великий режиссёр кинокомедии Леонид Гайдай. В Турку в кафедральном соборе усыпальница победителя в битве Боровичской Эверт Горн. В 25 километрах музей ВВС Финляндии. Есть свой собор в Суолахти, герб. Бывший городок чист и аккуратен. Люди культурные. Не раз приезжали к нам самодеятельные артисты из Суолахти. Наши тоже там гостили.

Финляндия бывшая частью Российской империи, получила независимость от большевиков при её крушении. За захват финскими егерями Временного правительства в зимнем дворце, Ленин одарил независимостью не имевшую государственности Финляндию. Не помогли наши коммунисты во время борьбы за власть коммунистам финским. Которых жестоко подавили - расстреляв. Была и Советско-Финская война. В Боровичах содержались пленные финны. Нашим попавшим в плен была не завидная участь нахождения в концлагерях страны Суоми, мало кто выжил. После войны — это наш добрый сосед. Со строгими законами на алкоголь. Отрываться приезжали к нам в Ленинград. Многие ездили после распада СССР на заработки в Финляндию. У некоторых наших появился там бизнес. В частности выпускают, из наших лесных отходов, арболит. И не дай бог не повысишь зарплату, при повышении инфляции, отберут лицензию и бизнес!

Есть чему и где учиться хорошему! На 5 тысяч человек 5 управленцев. В Боровичах их больше и абсолютно не эффективны они. Дороги, дорожки - идеал. Суолахти побратим Боровичей! Надо этим пользоваться! А ещё у нас есть Бингамтон в США и Хаапсалу в Эстонии! Боровичи пора брататься!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Поэзия

	6
Валерия Арсентьева	7
А.Липа	12
Антон Батанов	16
Артём Боронин	22
Мария Виноградова	28
Светлана Иванова	33
Андрей Игнатъев	38
Надежда Кураева	43
Татьяна Кутепова	48
Юрий Макеев	52
Сергей Марусенко	56
Антон Осипов	62
Устинья Петрова	66
Ольга Студенцова	70
Ильмира Sole	74
(Ильмира Шаяхметова)	74
Александр Фёдоров	76

Проза

	80
Виталий Гарновский	81
Сергей Журавлёв	87
Георгий Иванов	91
Владимир Краснов	96
Михаил Крепин	101
Лариса Кудесова	103
Валерий Мартынов	107
Мария Митрофанова	126
Ирина Соляная	128

Голоса над Мстой

133

14-17 лет

134

Ксения Данилова
 Рузалина Дементьева
 Виктория Игнатьева
 Сергей Кондратьев
 Иван Максимов
 Мария-Анастасия Мороко
 Даниил Фёдоров
 Анастасия Харечкина
 Полина Цветкова

134
 136
 137
 138
 142
 144
 146
 147
 149

18-30 лет

150

Нина Афанасьева
 Артём Боронин
 Алёна Муравьёва
 Нгуен Линь
 Алёна Русакова
 Андрей Степанов
 Виктория Черкасова
 Мария Чернова
 Марина Шустрова

150
 152
 153
 154
 159
 161
 164
 165
 167

От 30 лет

168

Вера Григорьева
 Татьяна Григорьева
 Александр Другов
 Антонина Катченко
 Виктор Коновалов
 Татьяна Кутепова
 Светлана Лагутенко
 Виктор Лебедев
 Игорь Павлов
 Елена Себелева
 Максим Сергеев
 Сергей Ткачёв
 Татьяна Умецкая

168
 171
 173
 176
 178
 179
 181
 183
 185
 188
 189
 190
 192

Марина Шибаета

194

Малыши

197

Анастасия Васильева
 Полина Васильева
 Виталий Власов
 Дарья Дарзина
 Артём Зайко
 Варвара Жлуткова
 Алёна Иванова
 Павел Ли
 Алиса Матвеева
 Арина Руфова
 Ульяна Тимофеева
 Милена Хвальбота

197
 198
 198
 199
 201
 201
 202
 202
 203
 204
 204
 205

Боровичский край (Краеведение) 206

Лариса Кудесова
 Константин Иванов

207
 215

Познавая зазеркалье
Литературно-краеведческий журнал

Вёрстка и дизайн - Иванов Георгий
Редактор - Мартынов Валерий